

ISSN 2074-7306

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3, 2012

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.

Включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»
ВАК Министерства образования и науки РФ

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50792 от 1 августа 2012 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
“Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации”

Редакционный совет

Председатель совета

Директор Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент **В.В. Рудой**

зам. директора ИГП РАН, ректор Академического правового института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Н.Ю. Хаманева** (Москва); зам. директора ИГП РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ **В.В. Альхименко** (Москва); ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук **М.А. Супатаев** (Москва); директор Южного филиала ИГП РАН, директор центра правовых исследований Южно-Российского института-филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Д.Ю. Шапсугов** (Ростов-на-Дону)

Редколлегия

Главный редактор

доктор юридических наук,
академик АМАН и МАНЭБ, заслуженный юрист РФ

Д.Ю. Шапсугов

доктор юридических наук, профессор **Л.В. Акопов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **П.П. Баранов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.И. Бойко** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Л.И. Волова** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.И. Гончаров** (Волгоград), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **С.А. Зинченко** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **М-С А-М Исмаилов** (Махачкала); доктор юридических наук, профессор **В.Я. Любашиц** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ю.А. Ляхов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.Н. Маремкулов** (Нальчик); доктор юридических наук, профессор **С.Н. Медведев** (Ставрополь); доктор юридических наук, профессор **В.В. Момотов** (Москва); доктор юридических наук, профессор **С.Н. Назаров** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ж.И. Овсепян** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.И. Овчинников**; доктор юридических наук, профессор **И.В. Тимошенко** (Таганрог); **А.Б. Паламарчук** (ответственный секретарь)

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
тел.: (8-863) 203-63-89, 255-95-55; e-mail: yurvestnik@skags.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Овчинников А.И.

Модернизация семейного права как вызов национальной безопасности России 7

Шатковская Т.В.

Феномен традиционного правосудия в России: опыт эмпирического исследования 13

Небратенко Г.Г.

Институт семьи в обычном праве донских казаков (XVI – начало XX вв.) 19

Кравцов Н.А.

Взаимодействие политики, права и искусства в архаической Спарте 23

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Тарасова А.Е.

Проблемы правового регулирования оснований и порядка прекращения права пользования жилыми помещениями 28

Мисник Г.А.

Модернизация правового института собственности на природные объекты в свете проекта изменений Гражданского кодекса РФ 37

Сулейманова Г.В.

Развитие российского законодательства о пенсионном обеспечении военнослужащих и членов их семей: достижения и проблемы 42

Аверина В.Н.

Соотношение абсолютных и относительных правоотношений в договоре простого товарищества 46

Мотылькова А.В.

Пределы действия исключительного права на товарный знак 49

Куликова Л.В.

Отмена отдельных категорий земель 53

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Штена Е.В.

Организационно-правовые основы создания Верховного Суда РСФСР 58

Пащенко Е.А. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних	62
Хачанян С.В. Конституционные механизмы преодоления конституционных коллизий: проблемы и перспективы развития	66
Рябченко П.С. Основные направления законодательного регулирования в сфере национально-культурного развития	71

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Уварова Г.Г. Анализ теоретического концепта политических механизмов парирования рискованных факторов в экологической политике	75
Тремба В.А. Основные направления оптимизации государственной миграционной политики России	79

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Юридическому факультету Южного федерального университета 65 лет

Лях С.М. Очерк истории юридического факультета Южного федерального университета	85
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Овчинников А.И. Рецензия на монографию А.М. Величко «Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей). Москва: Издательство Юрлитинформ. 2012. 158 с.	89
--	----

НАШИ АВТОРЫ	92
--------------------------	----

CONTENTS

THE PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Ovchinnikov A.I.

Family law modernisation as a call of national safety of Russia.7

Shatkovskaya T.V.

The phenomenon of traditional justice in Russia: the experience of empirical research.13

Nebratenko G.G.

Don Cossacks' Tacit law Family Institute (XVI – beginning of XX)19

Kravtsov N.A.

Politics, law and the arts in archaic Sparta23

THE PROBLEMS OF CIVIL, ENTREPRENEURIAL AND ECOLOGICAL LAW

Tarasova A.E.

Issues of legal regulation and order the termination of
the right of use of residential premises28

Misnik G.A.

Modernization of the legal institute of natural object of property in the light
of the project of the Civil Code of the RF37

Suleymanova G.V.

Development of Russian legislation about the pension of soldiers and
members of their families: achievement and the problem.42

Averina V. N.

The ratio of the absolute and relative relations in the contract of partnership.46

Motylkova A.V.

Limits of action of the exclusive right to a trademark.49

Kulikova L.B.

Cancellation of certain categories of land.53

THE PROBLEMS OF CONSTITUTIONAL AND CRIMINAL LAW

Shtepa E.V.

Organizing-legal base of the making the supreme judicial court RSFSR58

Pashenko E.A.

Problems of qualification of offences against sex immunity of the under-aged62

Hachanjan S.V.
Constitutional mechanisms to overcome the constitutional conflict:
problems and prospects 66

Ryabchenko P.S.
Graduate student of constitutional and municipal law
The North-Caucasus Academy of Public Administration 71

THE PROBLEMS OF POLITOLOGY

Uvarova G.G.
Analysis of the theoretical concept of political arrangements parry riskogennyh factors in
environmental policy 75

Tremba V.A.
The main directions of the optimization of the state migration policy of Russia 79

THE CHRONICLE OF THE SCIENTIFIC LIFE

The Law Faculty of Southern Federal University is 65

Lyach S.M.
The essay of the law faculty of Southern Federal University history 85

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

Ovchinnikov A.I.
Review on the monograph of A.M. Velichko “The Sacred Empire and
the Saint Emperor (from the history of the Byzantine political ideas)”.
Moscow: Publishing House Jurlitform. 2012. 158 p 89

OUR AUTHORS 92

МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА КАК ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье рассмотрены проблемы правовой политики государства в отношении несовершеннолетних, детей и молодежи. Анализируются основные тенденции реформирования законодательства в области семейного права.

In article problems of a legal politics of the state are considered concerning minors, children and youth. The basic tendencies of reforming of the legislation are analyzed in the field of the family right.

Ключевые слова: Ювенальная юстиция, национальная безопасность, правовая политика в сфере семейных отношений, правовое регулирование воспитания детей и подростков, правовые традиции в сфере семейных отношений.

Keywords: Juvenal justice, legal politics in sphere of family attitudes, legal regulation of education of children and teenagers, legal traditions in sphere of family attitudes.

В современном Российском государстве не осталось ни одной сферы общественной жизни, в которых модернизация не проведена с отрицательными результатами. За двадцать лет реформ в сфере экономики, образования, здравоохранения, обороны и вооруженных сил было разрушено очень многое из наследия советского периода государственного развития, но успехов пока не видно. Россия продолжает скатываться в пропасть сырьевой зависимости теперь уже не только от западных стран, но и стран Юго-Восточной Азии, система образования ждет очередного удара реформ, в ходе которого будет покончено с бесплатным образованием и фундаментальной наукой, система здравоохранения все больше становится рыночной площадкой, где качественный товар не доступен большинству населения.

Однако, несмотря на модернизацию, Россия все еще остается достаточно сильным государством и позиционируется на международной арене как суверенная держава, власть которой защищает, в первую очередь, национальные интересы. Последние препятствуют формированию наднационального мирового рынка, «открытой экономике», деятельности транснациональных корпораций. Поэтому национальные, религиозные, культурные интересы, традиции, ценности подвергаются постоянной атаке – модернизации, которая стала давно уже в Рос-

сии и во многих странах синонимом глобализации и вестернизации. В России национальные традиции и ценности сохраняются и передаются из поколения в поколение и прежде всего семьей. Именно поэтому семья стала объектом атаки модернизаторов, требующих разрушения этих традиционных, консервативных, даже «архаичных», на их взгляд, институтов.

Западное общество давно распрощалось с семьей в традиционном понимании этого слова. Семья как союз мужчины и женщины в современной европейской культуре уже не является нормой, нормой становятся однополые браки. Во Франции, Нидерландах, Дании, Норвегии, Великобритании и других странах легализованы однополые браки, разрешено усыновление детей однополыми парами, для детей проводятся гей-парады и концерты, в школах гомосексуалисты проводят с молодежью уроки борьбы с гомофобией, а уровень рождаемости сохраняется только за счет мигрантов. Государство активно борется с любыми проявлениями религиозно-нравственного воспитания и традиционными ценностями в семейной жизни. Это не преувеличение, а современная реальная жизнь [1]. Более того, лидеры США признают борьбу за права извращенцев внешнеполитической задачей. Совсем недавно, 6 декабря 2011 года, президент США Барак Обама выпустил директиву, объявляющую

борьбу за права сексуальных меньшинств за рубежом приоритетом американской внешней политики. В своем меморандуме Обама потребовал от правительственных ведомств сделать все от них зависящее, чтобы дипломатическая работа США и помощь, оказываемая зарубежным странам, способствовала защите прав лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ). При этом президент выразил «глубокую озабоченность» насилием и дискриминацией представителей ЛГБТ-сообщества и подчеркнул, что защита прав представителей сексуальных меньшинств соответствует общей линии на защиту прав человека во всем мире, которую проводит Америка [2].

Несколько ранее Б.Обама уже затрагивал эту тему в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре: «Никакая страна не должна отказывать людям в праве на свободу слова и свободу религии. Также ни одна страна не должна лишать людей их прав из-за того, кого они любят. Поэтому мы выступаем за соблюдение прав геев и лесбиянок во всем мире». В ежегодных оценках ситуации с соблюдением прав человека в зарубежных странах, которые публикует Госдепартамент, уже учитывается отношение к представителям ЛГБТ-сообщества. Президентская директива поднимает этот вопрос до уровня приоритета внешней политики.

Другой крупный политик современного мира Хиллари Клинтон в своем выступлении в Женеве, где располагается Совет ООН по правам человека, говорила о важности защиты прав геев и лесбиянок. Она обрушилась с критикой на страны, в которых гомосексуальность криминализована, а на нарушения прав представителей сексуальных меньшинств не обращают внимания. «Никакие традиции или обычаи не могут быть выше прав человека, которые присущи всем нам».

В России гей-парады и прочие антисоциальные явления запрещены некоторыми региональными законами, так как у большинства народа сохраняются нравственное здоровье и иммунитет от сексуальных извращений, полученные благодаря христианству и исламу, одинаково признающим «гомосексуализм мерзостью в очах Божьих». Однако если осуществить перекодировку нравственной матрицы ценностей народа, то со временем стоящие за глобализмом силы могут без всяких войн и насилия окончательно овладеть самым большим и богатым

государством мира, которым является Россия. Вначале «разнуздать», а потом «взнуздать»: именно нравственное падение было в истории человечества основной причиной крушения империй. Разрушение нравственности проще всего осуществлять через разрушение семьи как транслятора традиций от одного поколения к другому.

Обратимся к опыту Западной Европы. Ювенальные технологии были спешно внедрены в 80-е годы. В результате рождаемость в этих странах с каждым годом сокращается, увеличивается число лиц нетрадиционной ориентации, количество детей, изымаемых из семей, исчисляется десятками тысяч, а преступность несовершеннолетних неуклонно растет. Показателен пример Германии, где рождаемость – самая низкая в Европе, а почти половина всех преступлений совершается молодыми людьми в возрасте до 21 года (возраст совершеннолетия в Германии) [3]. Автор статьи в «Российской газете» совершенно справедливо отмечает, что неотъемлемая часть ювенальных технологий – сексуальное воспитание и просвещение детей, которым родители теперь не могут препятствовать в изучении принципов толерантности. Запрещается критика лиц нетрадиционной ориентации в школе и дома, акцент делается на свободе сексуальной ориентации. Более того, воспитание детей происходит в отрыве от половой самоидентификации, которая объявляется вредной. Так, в Швеции в настоящее время существует несколько детских садов, в которых запрещено употребление местоимений «он», «она», при чтении сказок сознательно изымаются куски, в которых так или иначе речь заходит о вопросах пола [3].

Помимо традиционного воспитания, конечно, существуют и другие причины изъятия детей в странах Западной Европы: непосещение детской молочной кухни; ребенку не были своевременно сделаны прививки; жилье в аварийном состоянии; квартира требует ремонта; жалобы соседей (или домочадцев) на жестокое обращение с ребенком, в т.ч. анонимные. Например, по официальным данным, в социально благополучной Германии в 2009 г. сотрудники службы по делам защиты детей отобрали у родителей 28,2 тыс. детей и подростков – на 8,4 % больше, чем годом раньше. «Последние изменения в законодательстве привели к тому, что только в Северном Рейне-Вестфалии число изъятий детей из семей выросло на 60 процентов. Чиновники из

службы по делам защиты детей приходят в семью и просто забирают ребенка. Они делают это без решения суда. По закону чиновники могут обойтись без судебного ордера, они обязаны лишь сразу же проинформировать суд. На практике это означает, что они проинформируют суд в течение недели. Служба по делам защиты детей не подчиняется никому. Никто не контролирует ее решения» [4, с. 12]. По новым данным, количество изъятых из семьи детей за 2009 год выросло на 60 %, еще 125–250 тыс. являются кандидатами на перемещение [5]. Такие же катастрофические для семейной жизни процессы идут в других странах. О том, что происходящее является реальностью, верится с трудом, но тому существует большое количество подтверждений: на сайте «Суть времени» размещена статья Е. Рудинской «Ювенальная юстиция в Германии – тяжелый родительский опыт», в конце которой приведены обильные видеоматериалы и другие ссылки по данной теме в Германии [6].

Суть ювенальной политики четко отражена в статье С.Рогоцкой. Прежде всего, это упор на права и свободы ребенка. Об обязанностях при этом ничего не говорится. Ключевое право ребенка – самостоятельно обращаться в органы социального надзора и суд в случае, если родители ненадлежащим образом осуществляют свои родительские обязанности. Четкие критерии того, что можно считать ненадлежащим осуществлением родительских обязанностей, отсутствуют». Новеллам ювенальной системы, рискам и вызовам новых проектов была ранее посвящена и моя статья, поэтому повторяться не буду [7].

О национальной безопасности и ее подрыве следует сказать особо. Усиление контроля за родителями и исполнением их обязанностей в семье напрямую повлияет на желание родителей рожать детей. Особенно негативно это скажется на появлении многодетных семей, где родители не смогут соответствовать общему универсальному чиновничьему стандарту обращения с детьми, рассчитанному на семью с одним, максимум двумя детьми. Уделять внимание и обеспечивать всех детей на требуемом уровне, вероятно, не смогут родители многодетные.

Общеизвестно, что «семья – основа общества и государства». Защита семьи в условиях современного падения уровня общественной нравственности становится задачей номер один для обеспечения на-

циональной безопасности. Кроме того, реформы в данной сфере могут привести к росту протестных настроений в общества. Поэтому недопустимым видится поспешное принятие законодательных решений без глубокого и серьезного обсуждения каждой новой нормы с религиозными организациями и общественными структурами.

Новый вызов национальной безопасности содержится во внесенных в Государственную Думу РФ в июне этого года законопроектах – ФЗ № 3138-6 «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и проект ФЗ № 42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства». Оба регламентируют порядок передачи изъятых у родителей детей в приемные семьи. Вызывают также опасения механизмы реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.», факультативного протокола к Конвенции ООН о правах ребенка, касающегося процедуры сообщений и других инициатив, затрагивающих интересы российских семей. Данные нормативные акты продолжают тему ювенальной юстиции, о которую уже «сломано немало копий», и содержат многие нормы отклоненного ранее проекта ФЗ «Об основах системы ювенальной юстиции». Понятие «ювенальной системы» включает проекты и мероприятия социального, педагогического и медицинского характера, направленные на несовершеннолетних, «нуждающихся в защите их прав, свобод и законных интересов». По указанным выше проектам необходимость в такой защите будет определяться муниципальными органами и неправительственными общественными организациями. Например, согласно проекту ФЗ № 42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патроната и деятельности органов опеки и попечительства» в случае возникновения достаточных оснований для лишения или ограничения родителей (одного из них) родительских прав. Во время осуществления социального патроната или по завершении установленного срока его осуществления орган опеки и попечительства обязан предъявить иск в суд о лишении родителей (одного из них) родительских прав либо об ограничении их (его) в родительских пра-

вах. При этом «социальный патронат устанавливается органом опеки и попечительства в случае, если по результатам обследования условий жизни, воспитания и развития несовершеннолетнего, проведенного органом опеки и попечительства в порядке, предусмотренном статьей 122 Семейного кодекса Российской Федерации, установлено, что родители или иные законные представители несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении, создают своими действиями (бездействием) условия, препятствующие его нормальному воспитанию и развитию, и (или) отрицательно влияют на его поведение, и при этом отсутствуют достаточные основания для ограничения или лишения родителей (одного из них) родительских прав» [8]. Таким образом, сохраняется ювенальная терминология, за которую общественность отвергла ранее рассматриваемые законопроекты: «нормальное воспитание», «отрицательное влияние родителей» и т.д. Данные понятия не могут быть установлены точно, что безмерно расширяет усмотрение правоприменителя-чиновника и, соответственно, его власть. Как выясняется из работ некоторых отечественных психологов, раннее сексуальное просвещение должно стать нормой для России с целью преодоления ее отсталости [9]. Ведь уже была попытка кардинально изменить законодательство в данном вопросе. В числе рекомендаций Совета Европы Государственной Думе РФ была такая рекомендация: «Принять позитивные меры для борьбы с проявлениями гомофобии, особенно в школах, медицине, в вооруженных силах и в полиции» [10, 28]. Среди этих «позитивных мер» соответствующее «сексуальное просвещение», исключение гомосексуализма из разряда сексопатологии и уголовная ответственность для тех, кто смеет порицать гомосексуализм.

По мнению руководителя Межрегионального общественного движения «Семья, любовь, Отечество», Л. Рябиченко, «предлагаемая ныне ювенальная юстиция - система, нацеленная, с одной стороны, на максимальное смягчение отношения к малолетним правонарушителям, а с другой стороны – на внедрение технологии узаконенного изъятия из семьи любого ребенка под предлогом защиты его интересов. При этом семья вовсе не обязательно должна являться асоциальной или такой, где ребенку действительно что-то угрожает. Семья может быть любой» [11]. Основания для таких суждений дает не только анализ международных докумен-

тов, но и содержание законопроектных работ российского законодателя. Например, законопроект № 284965-3 ФЗ «О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин» предполагает отмену понятия «биологический пол» и замену его на понятие «гендер» (социальный пол, собственное отношение человека к своей роли, которое может не совпадать с физиологическими признаками и извращать его природу), введение в России «гендерной политики», узаконивание «отношений» между некими лицами, которые в законопроекте носят название «лица с семейными обязанностями», предусматривает суррогатное материнство, коммерческое усыновление и мн.др. А другой законопроект ФЗ № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» закрепит правила, предусматриваемые законом № 284965-3 о гендерном равенстве своей нацеленностью на «приоритет прав человека, толерантность и открытость мировому сообществу».

Термин ювенальная юстиция имеет различное смысловое наполнение, что затрудняет обсуждение данной темы. Сторонники ее западного образца уже не используют этого термина, понимая, что в обществе отношение к нему крайне негативное. В нормативных актах он не встречается (за редким исключением). «Ювенальная юстиция» в международном праве – это правосудие в отношении детей, оказавшихся в конфликте с законом. В Заключениях общего порядка № 10 (2007) «Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» Комитета ООН по правам ребенка CRC/C/GC/10.05. April. 2007 указано следующее: «Всеобъемлющая система правосудия по делам несовершеннолетних (ювенальная юстиция) включает в себя специализированные подразделения в полиции, прокуратуре, судебной системе, например, эффективная организационная структура для отправления правосудия по делам несовершеннолетних – специализированный суд либо специализированные судьи, адвокатуре, специализированные службы, например, службы пробации (уголовного надзора), учреждения для размещения детей-правонарушителей, ухода за ними по месту жительства. Для обеспечения полного осуществления принципов Конвенции ООН о правах ребенка и прав детей, оказавшихся в конфликте с законом, необходимо наличие всеобъемлющей системы правосудия по делам несовершеннолетних».

Под ювенальной юстицией в российском законодательстве понимается «дружественное к ребенку правосудие». Термин «дружественное к ребенку правосудие» установлен Указом Президента Российской Федерации «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 1 июня 2012 г. № 761: «Под дружественным к ребенку правосудием подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав ребенка и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела».

Новый виток модернизации семейного права направлен не только на создание ювенальных судов, но и на кардинальную ломку традиций семейного права, на создание системы гражданского, административного и уголовного судопроизводства, основанной на приоритете прав ребенка и их обеспечении с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей.

Интересно отметить, что правозащитников мало волнуют вопросы защиты права на жизнь еще не рожденных детей, так как с точки зрения современной медицины внутриутробные младенцы тоже дети.

Понятно, что новый виток модернизации проводится под благовидным предлогом защиты детей. Но не существует никаких подтверждений того, что наиболее острыми проблемами современного общества стали жестокое обращение родителей со своими детьми, нарушение их прав на здоровье и безопасность. Даже если это и так, то вряд ли абсолютизация прав ребенка приведет к уменьшению нарушений права ребенка на безопасность. Педофилов и убийц новые нормы, упрощающие сбор жалоб на родителей и упрощение процедур лишения родительских прав, не остановят.

Термин «жестокое обращение с детьми» стал популярным у сторонников западной модели защиты прав ребенка благодаря манипуляции с цифрами в различных социологических опросах. На самом деле, иные проблемы стали острыми: большое количество детей в семьях, ранее благополучных, попавших в трудную ситуацию в результате резкого падения уровня жизни в ходе реформ, разрушение

семейных ценностей в результате отсутствия общественного контроля и нравственных ограничений в СМИ, пропаганды пороков и потребительских интересов массовой культурой.

Термин «жестокое обращение», содержащийся во многих нормативных актах, действующих и проектируемых, слишком расплывчат, чтобы использовать его для разрешения государственного вмешательства в семейную жизнь. В случае угрозы жизни и здоровью ребенка государство не имеет право на вмешательство в семейную жизнь, пока не исчерпаны все возможности для сотрудничества с родителями и помощи им. Именно родители должны определять методы и формы воспитания детей в границах, очерченных жизнью и здоровьем ребенка.

Кроме того, очевидно, что лучший способ предупредить возникновение упомянутых проблем и разрешить большинство из них – это поддержка здоровой семьи, помощь проблемным семьям, поддержание крепких связей детей и родителей. В отечественной традиции накоплен огромный потенциал помощи неблагополучным семьям, позволяющий одновременно защитить ребенка и способствовать сохранению семьи. Этот потенциал должен быть в большей степени задействован в современном обществе. Право родителей на воспитание в соответствии со своими религиозными убеждениями является объектом защиты современного международного права.

Рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, является результатом нравственной дезориентации общества. Существует необходимость жесткой позиции государства по ограничению пропаганды насилия, греховных развлечений, идеологии потребительства, активизации воспитательной работы со стороны государства совместно с Церковью, СМИ, институтами гражданского общества по отношению к несовершеннолетним с целью формирования духовно-нравственной и патриотической программы развития нашей молодежи.

Абсолютизация чьих-либо прав всегда приводит к ущемлению прав и интересов другой стороны в правоотношении – это аксиома, известная с древности. Реформы в сфере правового регулирования семейных отношений не должны осуществляться с целью особого выделения чьих-либо прав – родителей или детей, не должны вести к абсолютизации и приоритету прав ребенка, что всегда приводит к

ущемлению прав и интересов родителей и семьи в целом. Создание «дружественного ребенку правосудия» – термин введенный Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012-2017 год, которое в западных странах получило наименование «ювенальная юстиция», нарушает принцип равенства и объективность процессуальной деятельности.

Следует признать, что ювенальная юстиция – часть либеральной правовой доктрины, предусматривающей создание системы институтов, направленных на обеспечение прав и свобод детей, их автономизацию и обособление от семьи, на либерализацию семейных ценностей и отношений. Между тем в международном законодательстве прочно закреплено преимущественное право родителей на воспитание детей.

Вполне достаточно эффективности существующих институтов по защите прав ребенка. Следует идти не по пути расширения полномочий органов опеки, комиссий по делам несовершеннолетних, уполномоченных по защите прав ребенка, а по пути активного вовлечения общественных объединений с целью общественного контроля их деятельности наряду с финансированием вспомогательных программ, направленных на помощь конкретным семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Создание дружественного детям правосудия только красиво звучит, не более того, и приведет к крайне негативным для семьи, общества и государства последствиям: к вмешательству государства во внутренние дела семьи и в любые семейные конфликты, в которых затронуты дети; к коррупции и корпоративности соответствующих органов; к обвинительному уклону и презумпции виновности по отношению к родителям. Уже в существующей судебной практике не являются редкостью факты изъятия детей из семей государственными органами на основании таких расплывчатых или необъективных критериев, как «недостаточный уровень материального благосостояния», «низкое развитие ребенка», «ненадлежащее воспитание» или «психологическое насилие». Кроме того, согласно предлагаемым

реформам дети будут стимулироваться подавать жалобы на собственных родителей, что приводит к психологическим и нравственным деформациям личности. Упомянутые варианты развития событий особенно опасны тем, что оставляют поле для коррупции и чиновничьего произвола, особенно ввиду использования оценочных понятий в нормативных актах и наличия административного усмотрения у чиновников.

Литература

1. В Скандинавии первоклашкам устраивают гей-парады. Сюжет 1 канала от 09.09.12. <http://www.1tv.ru/news/world/215116>;
2. <http://www.voanews.com/russian/news/Obama-gay-rights-2011-12-07-135151108.html>.
3. *Рогоцкая С.* Сирота по приказу. Новые инициативы предлагают забирать детей из семьи по ускоренной процедуре // Российская газета. 2012. 11.09; (См. в Интернете: <http://www.rg.ru/2012/09/11/deti.html>).
4. *Сумленный С.* У них есть формуляры // Эксперт. №50 (639); 22 декабря 2008.
5. *Рыбаков С.* Ювенальная система по своей сути есть система геноцида // http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/19/protoierej_sergij_rybakov_yuvenalnaya_sistema_po_svoej_suti_est_sistema_genocida/
6. <http://eot.su/node/12611>
7. *Овчинников А.И.* Институты ювенальной юстиции в правовой политике России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. №2.
8. См. сайт Государственной Думы РФ: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=42197-6&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=42197-6&02)
9. *Кон И.С.* Сексуальная культура XXI века // Юридическая психология. 2007, № 2.
10. *Лантев П.А.* Стандарты Совета Европы и правовая система Российской Федерации // Журнал российского права. 1999. № 5.
11. http://ruskline.ru/news_rl/2012/04/20/semi_v_rossii_skoro_ne_stanet/

УДК 340.15:347.9

Шатковская Т. В.

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье раскрываются характер, особенности юрисдикции и значение традиционных видов судебного разбирательства в российской деревне, выясняются правовые основы функционирования общинных судов. На основе обширного фактического материала обоснована необходимость существования органов правосудия общественного характера с минимальным количеством формальностей и процедур, основанных на знании судьей местных традиций и обычаев, условий жизнедеятельности.

The article reveals the characteristics, special features of jurisdiction and the significance of the traditional types of trials in a Russian village. The article also describes the law basis of communal courts. On the basis of the vast factual analysis we justify the necessity of the existence of law bodies of public character with minimal formalities and procedures. These law bodies are based on the judges' knowledge of local traditions and customs, life conditions and standards.

Ключевые слова: Традиционный суд, российские крестьяне, обычное право, общинные суды.

Keywords: Traditional court, Russian peasantry, common law, communal courts.

Правовые представления – это бессознательные образы, которые переносятся на реальный опыт, определяя способ действия индивидов, что наиболее отчетливо проявляется в ходе судебных разбирательств. Дореволюционная российская система правосудия отличалась существованием полуправовых судебных расправ. В крестьянской среде – это традиционные общинные суды. Такие непрофессиональные разбирательства в рамках «мирского» самоуправления опирались на нормы обычного права и поддерживались авторитетом общественного мнения и карательными средствами общины. Живучесть, популярность, эффективность традиционных расправ обеспечивалась их синкретичностью с крестьянским образом жизни, системой духовных ценностей и представлениями о справедливом характере суда.

Анализ системы традиционного правосудия необходимо предварить несколькими замечаниями, объясняющими способ подачи, изложения и анализа последующего материала. Антитетичность точек зрения, высказываемых в дискуссии о состоянии общественных судов, обусловлена стремлением ряда исследователей проецировать на экран прошлого собственные чувства, идеи и предрассудки, формировать образы в соответствии со сложившимися юридическими схемами. Миропонимание людей формируется их образом жизни, подчиняет-

ся определенным системам духовных ценностей и воплощено в разнообразных формах соционормативной культуры. Последняя генерирует стандарты поведения и его мотивацию, помогая интегрировать человека в социум. Поэтому при изучении феномена правосудия полезно абстрагироваться от устоявшихся логических схем и сосредоточиться на традиционных представлениях населения о справедливом характере суда в рамках конкретной культуры.

По народным представлениям, верховная власть судить и наказывать принадлежала Богу [1]. Крестьяне полагали, что преступник ни при каких обстоятельствах не уйдет от божьего возмездия («Бог видит, кто кого обидит»; «Не боюсь я суда людского, а боюсь Божьего»; «Перед судом возрешь, а перед Богом нет»). Любое несчастье, случившееся с человеком «нечистым на руку», расценивалось народной молвой как расплата за совершенное им злодеяние. Повсюду бытовали рассказы о болезни, смерти детей, неурожае, падеже скота, постигших преступника, оставшегося не наказанным по человеческому суду [2]. Нередко, когда крестьянское правосудие исчерпывало средства для раскрытия преступления, прибегали к ордалиям – сомнительное дело отдавалось на суд Божий. Такие действия базировались на крестьянском убеждении о недостижимости глубин человеческой души для

земного правосудия, в отличие от «ока небесного» – пронцающего, обличающего и наказывающего. Крестьяне говорили: «Бог попутает»; «Виноватого Бог сыщет» [3, с. 177].

«Суд божий» допускался в делах между родными или соседями. Подозреваемый обязан снять икону со стены и, держа ее пред собой, говорить: «Порази меня, царь небесный, если я этому делу виновен!». Присутствовавшие следили «за изменением его физиономии, за трясением рук и проч. По этим признакам делалось заключение о виновности или невинности заподозренного, но только про себя, потому что после клятвы открыто заподозренный не обвиняется» [4, с. 39–40].

Отношение к человеческому суду в народе было скорее негативным («Маленький судок – без соли годок, большой судок – без хлеба годок»; «Просудишь полтину, а высудишь кулак в спину») [5]. С точки зрения Ф. Буслая, это объяснялось недостижимостью для простого человека идеалов правды и нравственной чистоты, лежавших в основании суда [6, с. 109].

Крестьяне отделяли, а нередко и противопоставляли приговоры суда и справедливость («Где суд – там и неправда»; «Правда суда не боится»). Участие в судебных разбирательствах в качестве обвиняемого, истца или свидетеля считалось крайне нежелательным. Чтобы придать своей репутации положительную окраску, говорили: «Я, слава Богу, на судах-то отродясь еще не бывал, даже в свидетелях» [7]. По народным представлениям, тот человек счастлив, который «не знает с докторами, аптекарями, да с судами». Поэтому крестьяне предпочитали решать дело миром, получив денежную компенсацию за причиненный ущерб.

В народе разделяли суды государственные и крестьянские. К последним относили все виды общинных разбирательств и волостной суд. Называя свой суд «лапотным», но близким по духу, крестьяне предпочитали его официальному [8]. Согласно народным убеждениям, в основании общинного правосудия лежали исконные представления о правде и справедливости, а в государственных судах «власть разрешения дел принадлежит закону», где роль судей состояла лишь в выяснении обстоятельств дел – «посмотреть в закон, там и решение есть» [9, с. 9]. Крестьянами руководило убеждение, что чиновникам до внутримирских тяжб и распрей дела нет, «а в том состоит» единственно их, «народская», нуж-

да. К государственным судам относились почтительно, поскольку там «судят господа, назначенные Царем-батюшкой, у них не значки приколоты к груди, а золотые цепи на шее», «такого ... водочкой не угостишь, чайком не попотчуеть». Однако крестьяне были убеждены, что и в государственных судах, как и в крестьянских, берут взятки, различались лишь размеры вознаграждения [10]. Эффективным способом воздействия на судей считалось обращение к сверхъестественным силам. Для удачного исхода дела необходимо было поститься в пятницу перед днем святого Космы и Дамиана, принести на разбирательство плеву новорожденного ребенка, помолиться всей семьей перед иконой Николая Чудотворца и др.

До введения Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. российское сельское население формально не имело общего сословного суда. Разрешение большинства конфликтных ситуаций в деревне осуществлялось посредством традиционных общинных судов. Члены комиссии по преобразованию волостных судов пришли к выводу, что «начало обычая крестьян судиться ... домашним судом так же старо, как стар сам русский народ» [11, с. 32]. Коллективное разбирательство дел при участии всех членов общины «русский народ считал лучшей формой самоуправления и самосуда» [12, с. 12]. Народные суды существовали истари без каких-либо указаний закона [13, с. 379].

Выделим следующие основные формы общинных судов: суд сельского схода, суд стариков, семейный суд, суд соседей, суд старосты, самосуды, суд волостного схода, третейский суд. Формально крестьянские суды не находились в инстанционной зависимости. Однако определенная иерархия, взаимосвязь и взаимодействие между ними наблюдается. К примеру, в Спасо-Городской волости Тамбовской губернии крестьяне прежде всего обращались к сельскому старосте, который созывал стариков и обсуждал дело «для мира». «Коли мир состоится, то и делу конец, а коли нет – разбираются у волостного старшины, и только в случае, если у него не помирятся, он передает дело в волостной суд». Один из сельских старост Рыбинской волости Тамбовской губернии заявил: «Когда сил моих не хватает (чтобы помирить тяжущихся), то пересылаю старшине и судьям» [14, с. 15–18].

Сельский сход являлся распорядительным органом крестьянского самоуправления и представ-

лял собой собрание для рассмотрения и обсуждения различных дел, касавшихся общества. Как полагал А. Леонтьев, его влияние на жизнь общины наглядно демонстрировало авторитет общественной власти в деревне [15, с. 86]. По мнению Ф. Преображенского, можно провести аналогию между сельским сходом и думой или земским собранием [16, с. 5]. Сходы подразделялись на селенные, состоявшие из жителей одного селения (крестьяне называли их деревенскими или мирскими); сельские – они созывались по делам сельского общества (официальная административная единица, в которую входило одно или несколько селений), и волостные, состоявшие из избранных от каждого десяти дворов домохозяев волости, всех сельских старост и волостных судей [17]. На практике рассмотрение и обсуждение различных общественных дел чаще всего происходило на селенных сходах.

Согласно обычаям селенный сход мог собрать любой домохозяин общины. Со второй половины XIX в. право созывать мирскую сходку предоставлялось только сельскому старосте или старшине [18]. По составу сход бывал полный, когда присутствовали все домохозяева общины, или малый – с участием наиболее уважаемых членов общества [19]. Правом голоса на сходе обладали все домохозяева общины [20]. Женщины допускались в исключительных случаях. Председательствовал на сходе староста, в его отсутствие – старший из домохозяев. Сходка собиралась в воскресный или праздничный день, зимой – в сборной избе или в доме сельского старосты, а летом на открытом воздухе [21, с. 32].

Сельские сходы рассматривали обширный спектр дел как административного, так и судебного характера. Для разрешения последних могли собираться специальные судебные сходки – «суд мира», где рассматривались дела о семейных разделах, о земельных спорах, о разделе наследства, о личных обидах, споры о потраве лугов и полей, дела о краже, об обмане, о драках, о нарушении общественного порядка, о семейных конфликтах и пр. [22]. В чрезвычайных ситуациях, например, при нанесении крупного материального ущерба обществу, отравлении колодца, попытке поджога, оперативно собирался большой суд общины. Такие дела расследовались быстро, поскольку в этом была заинтересована большая часть мира. Исследователь крестьянских судов Саратовской губернии В. Птицын привел пример экстренного реагирования Ер-

шанского общества на случаи «огромного развития конокрадства». Пойманных преступников тут же приводили на сельский сход, где им назначали 200 ударов розог. Приговор приводили в исполнение немедленно [23, с. 30].

Случалось, что подсудимых доставляли на суд сельского схода силой. Крестьяне не считали такое отношение к ним «мира» самоуправством либо насилием и жалоб в таких случаях не бывало. Обычаями допускалось отцу представлять на суде сына, мужу – жену, старшему брату – младшего, домохозяину – любого из членов семьи, но обязательно «живших одним хозяйством» [24]. Решения схода исполнялись самими крестьянами. Если обстоятельства дела не позволяли привести приговор «мира» в исполнение немедленно, то впоследствии это делал сельский староста. Иногда сельский сход ограничивался мерами воспитательного воздействия.

Суд сельского схода играл двоякую роль в правовом быту крестьян. С одной стороны, это был законом установленный суд для рассмотрения дел о семейных разделах, земельных спорах и разделе наследства [25], с другой – неофициальная высшая судебная инстанция. Вместе с тем он выступал и как апелляционный орган. Крестьяне свидетельствовали, что на суд схода тяжущиеся приходили, побывав предварительно на суде старосты, суде стариков или другом общинном суде. Приговоры сходов длительное время считались окончательными и не подлежали пересмотру. Только в конце XIX в. законодатели нарушили принцип самостоятельности сельского схода, допустив вмешательство в его деятельность ряда должностных лиц [26, с. 125-133]. Суд схода имел главным образом примирительный характер и допускал последующее обращение к волостному суду. Иногда сход выносил окончательные решения, не подчиниться которым было нельзя. На приговоры сельского схода жаловались редко.

Волостные сходы, по отзывам крестьян, судебными делами не занимались. Лишь в некоторых волостях Владимирской, Самарской и Саратовской губерний встречаются исключения. Крестьяне без оснований уверяли, что волостной сход разбирает дела хуже, чем волостной суд. Обсуждение на сходе сопровождалось «страшным беспорядком, шумом и галдением» [27].

Древнейшей формой традиционных судов был суд стариков. Всякий раз собирать «мир» было

сложно, поэтому сход передавал функции правосудия доверенным лицам. В давние времена это были «излюбленные» судьи, в пореформенной деревне – старики [28, с. 27]. Они составляли легко созываемую малую сходку или совет старосты. Избирали туда 3–4 человека из наиболее опытных и уважаемых людей в деревне. Некоторые из стариков отличались такой прозорливостью и умением разрешать жизненные вопросы, что становились «законодателями» общества, а иногда и целого околка. Односельчане обращались к такому старику как единоличному судье, пользующемуся громадным нравственным авторитетом. Общественными судьями избирались люди после сорока пяти лет [29], поскольку суд стариков – это разрешение дела людьми, готовящимися дать ответ за свои дела перед Богом.

Судебное разбирательство посредством «старичков» имело разнообразные формы. Старики могли судить самостоятельно или вместе со старостой, тогда слушание дела носило предварительный характер, его основной задачей – было склонить тяжущихся к примирению. К суду стариков обращались для посредничества в семейных разделах или земельных дележах, при совершении краж, для разбора драк, обид и других споров. Плата судьям не полагалась, но почетом они пользовались. Порядок рассмотрения дел был следующий. Сначала разбирались, в чем заключалась сущность конфликта, затем начинали мирить тяжущихся. Старики убеждали виновного поставить выпивку и не упрямиться. Если требовали много выпивки - виновный просил: «Сбавьте, старички, хоть сколько-нибудь». Чаще всего мирились на 1/4 ведра водки, самое большее – на 1/2 ведра. Затем писарь составлял мировую о том, что такие-то в присутствии старосты в становой избе помирились и обязаны друг на друга суду не жаловаться. Староста свидетельствовал документ подписью. Вино распивалось участниками примирения [30].

В присутствии сельского схода суд стариков удостоверял различного рода сделки, договоры, завещания. Сельский сход при суде стариков придавал последнему публичный характер. Кривить душой, клеветать, сообщать неверные факты на глазах у односельчан было практически невозможно. Участие схода обеспечивало стариков необходимыми сведениями и показаниями участвующих в деле лиц

и свидетелей. Сход увековечивал приговор суда стариков. Кроме того, подобное мероприятие обладало воспитательным, образовательным и предупредительным значением. Суд стариков был лучшим хранителем народных обычаев и традиций; на всякое подлежащее их рассмотрению дело у них имелось на памяти общее правило. Старики знали и категории исключений, позволявшие в случае жизненной необходимости отступить от общепризнанных правил. Например, в исключительных обстоятельствах одобрить супружескую «расходку» или назначить домохозяйном женщину.

Суд стариков был распространен повсеместно. По подсчетам К. Чепурного, из 82 российских волостей только в 3 его не было [31, с. 2]. Во многих местностях Калужской губернии, как отмечал А. Пестржецкий, к суду стариков прибегали не только крестьяне, но и мещане, купцы и помещики [32, с. 26]. Разбирательство, подобное суду стариков, С. Пономарев встречал у перекрещенцев (разновидность старообрядчества) [33, с. 62]. В других местах они встречались как суды «добросовестных» или опекунов.

Одной из элементарных форм общинных судов являлся суд сельского старосты. Крестьяне часто обращались к старосте, чтобы он «урезонил и примирил их» [34]. Однако и здесь была специфика. Профессор К. Малышев утверждал, что «обращение к старосте и старшине основывается не столько на обычае, сколько на законе, потому что закон предоставлял этим лицам ... право суда и наказания за маловажные проступки» [35, с. 81]. Профессор С. Пахман, напротив, называл суд старосты лишь «первой неофициальной инстанцией народного суда» [13, с. 381]. Обыкновенно сельские старосты разбирали и решали маловажные дела: брань, драки, побои и пр. Единоличный суд сельского старосты встречался редко. В основном он призывал для разрешения дела стариков или «добросовестных» – домохозяев, избранных от каждых 10 дворов. В отдельных случаях староста приглашал волостных судей или крестьян. При этом в роли председателя выступал староста. Суд крестьянских начальников основывался не только на обычном праве или законе, но и на произволе самих судей и оказывавших на них сильное давление сельских богатеев, поскольку мирской контроль за таким судом не мог быть достаточно эффективным. Не случайно этот

суд фигурирует в крестьянских высказываниях под именем Шемякина. Нередко честный, но безграмотный староста оказывался жертвой происков местного писаря, который за взятку мог пойти на любой подлог [36, с. 24, 25].

Вышеперечисленные формы общинных судов крестьяне называли общественными судами, т.е. с участием «мира», его избранных представителей или общественных должностных лиц. Бытовали разбирательства, носящие домашний характер, – суд соседей и семейный суд. В состав такого суда входили ближайшие соседи и кто-либо из «умных мужиков» деревни, приглашенных пострадавшей стороной. Иногда суд соседей перерастал в собрание общинников, тогда его возглавлял староста или урядник. На рассмотрение суда соседей выносили дела о потравах, ссорах, драках, обидах, перекосах сенокосных полей, об оскорблениях родителей, о притеснениях мужем жены и другие дела. Основная задача такого суда заключалась в «увещеваниях и доводах» и склонении ссорящихся к примирению. Права наказывать этот суд не имел.

Одной из первооснов традиционного правосудия были семейные суды, или суды родственников, рассматривавшие проступки членов семейства, совершенные как внутри семьи, так и на стороне. Исключительное право выносить решения принадлежало главе семейства. В случае необходимости он мог созвать совещательный орган – семейный совет, состоявший из мужчин – членов семьи. Случалось, что провинившийся оставался недоволен приговором семейного суда и апеллировал к общественным судам. Но последние, как правило, становились на сторону домохозяина и утверждали его решение.

Российские крестьяне не были склонны к сутяжничеству. Бесспорно, существовали «любители», обременявшие неоднократно жалобами губернские органы управления и отделы Министерства внутренних дел [37]. Однако склочников не жаловали, о них говорили: «Ему только судиться да рядиться, а дела некогда делать. Какой это человек, когда из суда не выходит» [9, с. 20]. Можно считать, что склонность к сутяжничеству была вызвана личностными пристрастиями и особенностями психологии. Страсть некоторых общинников к сутяжничеству подогревалась появлением писарей и подпольных адвокатов.

На заседаниях общинных судов царила неформальная обстановка. Тяжущиеся кричали, судьи вставляли замечания, присутствовавшие обличали ложные показания, давали свои комментарии к конфликту. Обычай разрешал каждому участнику свободно высказать мнение по поводу рассматриваемого дела. Однако решения судов непременно соответствовали основным правовым принципам: «глядя по человеку и по хозяйству», «исходя из известных обстоятельств» и главное – «по совести, чтоб никому обидно не было».

Главная задача крестьянского суда состояла в соблюдении общинной справедливости – уравнивании прав и выгод обоих тяжущихся [38, с. 63, 64]. Решения чаще всего объявлялись в устной форме. В исключительных случаях приглашали волостного писаря или нанимали за небольшую плату грамотного крестьянина. Штатный писарь в сельском обществе встречался редко. Крестьяне объясняли это тем, что отсутствие писаря «вредных последствий на ход дела не оказывает», к тому же это исключало дополнительные издержки общества [39, с. 609, 611, 614, 615, 618, 621, 628]. Поэтому протоколов и письменных решений общинных судов сохранилось мало.

Статистика обращений в волостные суды не подтверждает мнений некоторых исследователей о том, что общинный суд не являлся «главным органом правопорядка в деревне» [40]. Например, в Тамбовской губернии только 1/10 часть дел разбиралась на волостном суде; в Харьковской – в 13 из 15 волостей предварительное разбирательство велось в общине; из 42 волостей Московской губернии только в 6 не было местных сельских расправ; в Екатеринославской губернии волостной суд никогда не собирался и лишь в некоторых волостях Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний не существовало общинных судов [41]. Случалось даже, что на «мирских» разбирательствах пересматривались решения волостных судов.

Итак, традиционные суды являлись неотъемлемой частью российской правовой реальности. Вероятно, поэтому Особая комиссия по преобразованию местного самоуправления, возглавляемая статс-секретарем М.С. Кахановым, пришла к заключению «о необходимости придания законной силы сельским судам, выдержавшим проверку временем» [42]. Однако нельзя не согласиться и с

мнением знатока крестьянского права А. Леонтьева о том, что общинные суды и обычное право перестали полностью удовлетворять потребности крестьян в правосудии [43, с. 59]. В результате разрушения сословной замкнутости и появления новых социально-экономических отношений в традиционном крестьянском правосудии образовалась брешь. Крестьяне все чаще были недовольны решениями общинных судов, требуя возможности рассмотрения дела по закону.

Литература

1. Архив Российского музея этнографии (АРМЭ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1809. Л. 17; Д. 1445. Л. 19; Д. 940. Л. 1; Д. 85. Л. 14.
2. См., напр.: *Тенишев В.В.* Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянства // Журнал министерства юстиции. 1909. № 7. С. 132, 133; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 654. Л. 3; Д. 983. Л. 6.
3. *Снегирев И.* Русские в своих пословицах. М., 1831. Кн. 3.
4. *Успенский Т.* Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1.
5. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1709. Л. 13; Д. 653, Л. 10; Д. 1445. Л. 19.
6. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 1861. Т. 1.
7. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 4; Д. 1709. Л. 12; Д. 794. Л. 11; Д. 422. Л. 19.
8. Архив Русского географического общества (АРГО). Ф. 12. Оп. 1. д. 3. Л. 4.
9. *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907.
10. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 794. Л. 5; Д. 1125. Л. 30–32; Д. 1022. Л. 1; *Тенишев В.В.*
11. *Чернявский С.П.* Народный суд. Каменец-Подольск, 1901.
12. *Орианский И.Г.* Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.
13. *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1.
14. *Березанский П.Е.* Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880.
15. *Леонтьев А.А.* Крестьянское право. СПб., 1909.
16. *Преображенский Ф.А.* Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893.
17. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 735. Л. 1; АРГО. Разряд 29. Д. 75. Л. 4.
18. Письмо *К.С. Аксакова* к кн. *В.А. Черкасскому* // Русь. 1883. № 3. С. 38; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1809. Л. 5.
19. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. СПб., 1873. Т. 3. С. 12; Т. 2. С. 387; *Чепурный К.Ф.* К вопросу о юридических обычаях: устройство и состояние волостной юстиции в Тамбовской губернии. Киев, 1874. С. 2.
20. АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 30, 174, 176; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1. С. 296, 316, 389, 423, 450, 455, 540, 572, 612.
21. *Титов А.* Юридические обычаи села Никола-Перевоз Суложской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1888.
22. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 38, 52; Д. 154, Л. 29, 30; Д. 831, Л. 21; *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 229; *Чарушин А.А.* Крестьянские сходы в бытовом их освещении. Архангельск, 1911. С. 5, 6; *Зарудный М.И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 90, 96.
23. *Птицын В.В.* Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886.
24. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1709. Л. 15; Д. 1809. Л. 6; Д. 831, Л. 21.
25. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст. 51, п. 4 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 36. Отделение первое. № 36657.
26. *Беэр В.А.* Суд стариков и сельский сход // Вестник права. 1900. № 9.
27. Труды комиссии... Т. 2. С. 26, 28, 38, 43, 60, 65; Т. 3. С. 21, 25; Т. 4. С. 9; Т. 5. С. 21; Т. 6. С. 44, 348.
28. Замечания *К.С. Аксакова* по поводу освобождения крестьян и их административного устройства // Русь. 1883. № 4.
29. АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1125, Л. 20; *Якушкин Е.И.* Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Ярославль, 1875. Вып. 1. С. XXVI.
30. Труды комиссии... Т. 1. С. 572, 726; *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии. Томск, 1876. С. 108.
31. *Чепурный К.Ф.* Указ. соч.
32. *Пестржецкий А.* О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости // Журнал Министерства юстиции. 1861. Т. 9.

33. Пономарев С.М. Очерки народного быта. Обычное право//Северный вестник.1887. № 2.
34. Труды комиссии... Т. 1. С. 540; Т. 6. С. 426, 455, 461, 462, 465; Шраг И. Крестьянские суды Владимирской и Московской губернии // Юридический вестник. 1877. № 3–4. С. 39; Птицын В.В. Указ. соч.
35. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1880. Т. 3.
36. Миненко Н.А. Традиционные формы расследования и суда у русских крестьян // Советская этнография. 1980. № 5.
37. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291, оп. 68, д. 117, л. 10 об; АРМЭ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 154. Л. 35.
38. Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М., 1882.
39. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1. С. 609, 611, 614, 615, 618, 621, 628.
40. Березанский П.Е. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии. Киев, 1880. С. 13; Калачов Н.В. О волостном и сельском суде в древней и новой России. СПб., 1880. С. 19.
41. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 97. Л. 2, 3; Тур К.И. Голос жизни о крестьянском неустройстве. (По поводу работ учрежденной при МВД Комиссии по пересмотру крестьянского законодательства). СПб., 1898. С. 73; Выводы из собранных на местах данных о волостных судах и соответствующих узаконениях. СПб., 1874. С. 6, 7.
42. РГИА. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 103. Л. 17; Материалы по преобразованию местного управления в губерниях, доставленные губернскими земствами и присутствиями по крестьянским делам. С. 40–50.
43. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895.

УДК 340.15

Небрятенко Г.Г.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ (XVI – начало XX вв.)

Важная регулятивная роль обычая в традиционном обществе актуализирует исследование его юридической практики, например, в отношении института семьи донских казаков (XVI – начало XX вв.). До сих пор эта проблема была практически невыясненной, имея свою специфику, несвойственную для соответствующего института русского обычного права. Общественные отношения носили общинно-территориальный характер, при котором правовое продолжение получала принадлежность индивидов к общности казаков, редко связанных кровнородственными узами, проживающих на территории Войска Донского. Рассматриваемый институт обычного права в традиционном обществе донского казачества воплощался в трех основных формах: «групповая семья», «парная семья» и «патриархальная семья».

An important regulatory role of custom in traditional society analyzes the study of its legal practice, for example in relation of the Don Cossacks' Family Institute (XVI – the beginning of XX century). Until now, this problem with its specificity uncharacteristic for the corresponding Institute of Russian tacit law has been virtually unknown. Public relations were of communal-territorial nature, in which the Don Army residents' individual belongings to the Cossack's community, rarely linked by blood ties, obtained the legal continuation. The considered tacit law institute in the Don Cossacks traditional society was embodied in three main forms: «Group family», «coupled (pair) family» and «patriarchal family».

Ключевые слова: Обычное право, обычай, институт семьи, групповая семья, парная семья, патриархальная семья, традиционное общество.

Keywords: Tacit law, custom, Family Institute, group family, coupled (pair) family, patriarchal family, traditional society.

Теория обычаев и обычного права не является устоявшейся, приемля инкорпорацию новых знаний. Научная значимость теории обычаев и обычного права заключается в том, что она позволяет раскрыть содержание общественных отношений в традиционном обществе, в котором принцип всеобщего распространения права в пространстве, во времени и по кругу лиц не действует, а писанный закон в юридической практике соседствует с народным обычаем. Поскольку традиционное общество являлось аграрным и большая часть населения в нем жила вне городов, основная часть населения руководствовалась обычным правом в регулировании общественных отношений, оставляя законы для жителей городов.

Важная регулятивная роль обычая в традиционном обществе актуализирует исследование его юридической практики, например, в отношении института семьи донских казаков (XVI – начало XX вв.). До сих пор эта проблема была практически не выясненной, имея свою специфику, несвойственную для соответствующего института русского обычного права. Ведь у казаков общинно-родовые отношения никогда не имели решающего социально-правового значения. В истории казачества также не было первобытного этапа развития, как никогда не существовало и племенного деления населения. Между тем общественные отношения носили общинно-территориальный характер, при котором правовое продолжение получала принадлежность индивидов к общности (корпорации) казаков, мало связанных кровнородственными узами, проживавшими на территории Войска Донского. Как представляется автору, рассматриваемый институт обычного права в традиционном обществе донского казачества воплощался в трех основных формах: «групповая семья», «парная семья» и «патриархальная семья».

«Групповая семья», встречавшаяся на Нижнем Дону в XVI в., носила латентный характер. Об открытых половых отношениях не имеется подлинных свидетельств. В указанный период происходила активная миграция казаков на пустопорожные земли, причем переселение осуществлялось в условиях военного противостояния с азовскими турками, крымскими татарами и степными ногайцами, также промышленными в крае. Этот регион соединял тюрков с Астраханским, Казанским и Сибирским ханством, поэтому имел особую ценность,

вызывая непрекращавшееся военное противостояние с казачеством, представлявшим панславянскую цивилизацию.

В сложившихся условиях донские казаки не имели возможности вступать в парный брак, т.к. ценность традиционной семьи и развивающейся в ее лоно частной собственности в XVI в. была ничтожна. В случае тюркского нападения женщин пленили и обращали в объект имущественных отношений, казаков же убивали или использовали как рабов (часто на галерах), движимое имущество присваивалась в качестве военной добычи, а все прочее, что нельзя было увезти с собой, сжигалось и разрушалось (таковы реалии цивилизационного противостояния). Поэтому первоначально казаки позволяли себе лишь, как сказал бы Фридрих Энгельс, «первобытное коммунистическое хозяйство», создавая так называемые «сумы» (от слова «сума» для хранения сухарей и крупы). Сумы представляли собой самодостаточные сообщества в 10–20 человек, необходимые для решения насущных бытовых нужд (приготовления пищи, устройства ночлега, ухода за больными и ранеными, погребения усопших). Причем имущество в такой суме было общественным, за исключением некоторых личных вещей, прежде всего оружия. Жилищем «односумов» обычно становились шалаши и землянки, устраиваемые на временных станах и зимовищах. Символом этого объединения, по мнению автора, являлся котел, в котором одновременно готовилась горячая пища на всех «односумов», подчеркивая их равенство и братство. Собственно максимальная численность сумы определялась объемом такого котла, наличие которого было обязательным.

Для приготовления пищи, стирки вещей и швейных дел в суме могла присутствовать женщина, прибывшая к казакам по воле случая, например, отбитая у тюрков пленница. Православная мораль естественно воспрещала половые отношения без церковного венчания, но отрицать их наличие в суме будет наивно, тем самым детерминируя признаки групповой семьи. «Групповой брак... оставляет очень мало места для ревности... Многоженство в еще большей степени находится в вопиющем противоречии с каким-либо чувством ревности. Но известные формы группового брака сопряжены со столь своеобразно запутанными условиями, что они с необходимостью указывают на более ранние, более простые формы полового общения...» [1, с.

37–38]. Кроме того, брачные отношения отнюдь не сводятся только к интимным проявлениям, предполагают также разделение труда, совместное ведение хозяйства. Исходя из вышесказанного, двуполые суммы можно отнести к разновидности экзогамной групповой семьи (одна жена и несколько мужей).

Естественно, определение отцовства детей, рожденных в такой «семье», являлось невозможным, что предопределяло специфическое отношение к их жизням. Генерал-инженер А. Регельман, построивший на Нижнем Дону крепость Св. Дмитрия Ростовского (начало 60-х гг. XVIII в.), упоминает древний казачий обычай умерщвления новорожденных детей, услышанный им от донских стариков (это был старый пересказ, полученный от далеких предков). Приведем оригинальную цитату: «Сказывают же, что когда стали посягать на жен, то, по общему приговору, младенцев, родившихся у них, сперва в воду бросать установлено было для того, чтобы оные отцов и матерей для промыслов их не обременяли. Но потом обществом же приговорили, дабы мужеска пола младенцев вживе оставляли, а женского рода в воду метали, что донесколько времени и велось, даже напоследок, когда уже их немало чрез разных пришельцев, в коем числе и женатые были, набралось, то тем войско их уже умножилось, а паче из жалости отцов и матерей, общим кругом своим определили, чтоб детей и женского пола уже более не губили, но воспитывали б для общей надобности их» [2, с. 25].

Умерщвление новорожденных могло практиковаться до самого появления на Нижнем Дону «парных семей». Как выше упоминает А. Регельман, моногамные семьи первоначально появились путем переселения в край уже состоявшихся брачных пар, что ранее, по-видимому, не практиковалось. Наукою же доказано, что детоубийство новорожденных представляет собой «широко распространенный среди дикарей обычай. Благодаря этому в каждом отдельном племени возникает избыток мужчин, ближайшим следствием которого неизбежно должно явиться совместное обладание несколькими мужчинами одной женой – многомужество... Вторым же следствием недостатка женщин внутри племени... именно и был систематический насильственный увод женщин чужих племен» [1, с. 14].

Недостаток женского пола у донских казаков встречался даже после перехода к парной семье (даже в XVIII в.), его компенсировали похищением

турчанок, татарок и калмычек, впоследствии становившихся казачьими женами. Как отмечает Ф. Энгельс, именно со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин [1, с. 52], не имевших распространение в групповой семье. Причем парная форма брака, отличаясь по содержанию от современного двуполого брачного союза, обнаруживается у многих варварских и даже цивилизованных народов нового времени. «На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и при случае нарушения верности остается правом мужчин, хотя первое имеет место редко в силу также и экономических причин. В то же время от женщин требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их подвергают жестокой каре. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты..., а дети принадлежат только матери» [1, с. 51].

Повсеместный переход казачества к парной семье, представлявшей собою примитивную моногамию (один муж и жена), произошел в течение XVII в., что стало следствием окончательного закрепления казаков на Нижнем Дону, распада сум и появления внутреннего достатка. Впрочем, суммы по-прежнему создавались на время военных походов, но уже не включали женщин и носили характер лишь тыловой организации. Появление парной семьи и развитие частной собственности привело к необходимости строительства небольших домов (хат), хранительницами очага в которых становились женщины. Впрочем, парная семья была слишком слаба и неустойчива, чтобы вызывать потребность в крупном домашнем хозяйстве. Тем более что имущество в таких семьях принадлежало только мужчинам (исключая личные вещи женщин), т.е. носило индивидуальный характер. Ведь домашний достаток являлся результатом военных походов, а производительная деятельность в Войске Донском находилась в зачаточном состоянии. Необходимые товары казаки получали в качестве военной добычи, мены, покупки, царского жалования, практически ежегодно присылаемого на Дон. Женщины же исключались из системы распределения прибавочного продукта, что предопределяло ущемление их правового положения, особенно для большинства тех, которые привозились на Дон в качестве пленниц и до момента вступления в брак являлись объектом имущественных отношений.

Однако не следует забывать, что с распадом сум, вызванным развитием частной собственности, были созданы условия для перехода к более-менее упорядоченным половым отношениям, созданию условий для установления отцовства детей, росту казачьего населения за счет его самовоспроизводства. Впрочем, распространившаяся форма семьи была далека от патриархального брачного союза, предшествующего браку современного общества. Специфической чертой парной семьи выступала упрощенная процедура вступления в него (на казачьем круге). Казак выходил с невестой в центр майдана и «испрашивал» у местного казачества разрешение иметь ее женою, тем самым исключая притязания иных мужчин.

Процедура, сопровождавшая разводы, была еще более упрощенной, не требуя обязательного выведения жен в казачий круг. «Если кому жена была уже не мила и негодна или не надобна ради каких-либо причин, оных менять, продавать и даром отдавать мог, водя по улицам и крича: кому любя, кому надобна? Она мне гожа была, работяща и домовита. Бери кому надобна!» [2, с. 82]. Новому «владельцу» женщины для вступления с нею в семейные отношения требовалось опять же общественное одобрение. Такого рода «разводы» были достаточно частыми, никак не ограничиваясь, они в определенной степени компенсировали недостаток женского пола. При разводе дети, если они имелись, оставались с матерями, а новый муж был обязан взять их к себе в дом. В таких условиях установление отцовства уже не имело принципиального характера. Важным являлось лишь казачье происхождение детей, которое в последующем открывало для них путь к казачьим привилегиям.

В 1671 г. произошло знаменательное событие: донские казаки впервые в истории приняли присягу на верность русскому царю, тем самым официально потеряв свой политический суверенитет, распрощавшись с амбициями государство - и этногенеза, и уже в начале следующего столетия лишились возможности самовольно осуществлять набеги на соседние народы. Одновременно с этим правительство создало условия для перехода местного населения к производственной деятельности – распашке целинных земель, виноградарству, коневодству, животноводству. Доступ пришлого элемента в казачество был существенно ограничен, тем самым укоренялись условия для естественного

самовоспроизводства казаков (за счет деторождения). Военное назначение в виде полковой и внутренней службы осталось важнейшей повинностью казачества, выполнение которой обеспечивало сохранение привилегий, например, беспошлинное общинное землепользование. Главенство российских законов на Дону стало объективной реальностью, но имело ограниченный характер, и вместе с законами в край стали активно проникать русские обычаи, церковные каноны, касавшиеся в том числе брачно-семейных отношений, и в результате этого в XVIII в. парная семья была полностью заменена патриархальной.

Переход казачества к производительной деятельности (в мирной жизни) обусловил дальнейшее развитие частной собственности. Новый быт предопределил переход к патриархальной семье, которая как небольшой производственный коллектив являлась достаточно эффективной, была монолитной, очень часто связывая супругов брачными узами на всю жизнь, упорядочивая половые отношения и создавая генеалогическое древо родственников. Значение установления отцовства существенно возросло, законнорожденными признавались только дети, появившиеся в браке, а иные – поражались в наследственных правах.

Патриархальный союз состоял из нескольких поколений семейных пар, находившихся в родственных отношениях (сложная моногамия), ведущих совместное хозяйство, при этом все имущество, за исключением личных вещей домочадцев, являлось общесемейным. Конечно, большие семьи периодически распадались, например, когда умирал глава семьи или, не дожидаясь этого, детям выделялись части хозяйства, но данный процесс носил естественный и упорядоченный характер, не меняя общего быта патриархальности. Большие семьи казаков размещались в «куренях», т.е. многокомнатных домах, имевших «баз» – двор и огороды. Кроме того, из земельного фонда станицы выделялись пахотные и пастбищные земли.

Правовое положение главы семьи было доминирующим, что, например, выражалось в наделинии его правом распоряжаться общесемейным имуществом. Особый статус распространялся и на его жену – старшую женщину в доме. В целом же правовое положение мужчин по-прежнему оставалось более привилегированным, хотя женщины уже не выступали объектом имущественных отноше-

ний, пользуясь правами, недоступными им в групповом или в парном браке. Причина этого крылась в том, что численное соотношение особей мужского и женского пола на Дону примерно выравнивалось, и необходимость в похищении невест из других земель, не имевших покровительства своих семей, отпала сама собой.

В XVIII – начале XX вв. сватанье казачьих дочерей стало основным способом получения невест. Последующее церковное венчание цементировало внутрисемейное устройство в контексте христианской морали. Умыкание невест встречалось, но не имело всеобщего распространения, представляя собой скорее исключение из сложившейся практики, и в основном оно осуществлялось по взаимному согласию, когда жених был беден и не мог оплатить свадебных расходов или когда родители не давали согласия на свадьбу. Необходимость последующего церковного венчания делало бессмысленным умыкание невест без получения их предварительного согласия. Патриархальные браки были достаточно устойчивыми, а основания и процедура разводов регламентировались церковными канонами, при этом общее количество брачных союзов, в которые мог вступить индивид, ограничивалось тремя. Даже

вдовы и вдовцы были вынуждены следовать этому ограничению, поэтому возможные последующие семейные отношения в церкви никогда не регистрировались, нося характер сожителства.

На этом следует закончить краткое рассмотрение института семьи, имевшего место в традиционном обществе донских казаков. В заключение следует сказать, что расказачивание и коллективизация уничтожили патриархальную семейственность на Нижнем Дону. Борьба большевиков с частной собственностью неизбежно ударила по традиционной семье и ее устоям, причем практически на всей территории Российского государства. Долгие годы нормы церковного и обычного права не оказывали существенного влияния на брачно-семейные отношения, в результате чего парная моногамия стала основной формой семьи, доминирующей и поныне.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1982.
2. *Регильман А.И.* История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992.

УДК 340.15

Кравцов Н.А.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИКИ, ПРАВА И ИСКУССТВА В АРХАИЧЕСКОЙ СПАРТЕ

В статье рассматривается особая роль деятелей искусства в становлении спартанской конституции. Также ведется речь о роли искусства в политической жизни спартанцев. Автор разделяет мнение о том, что в Спарте имела место особая форма политического посредничества с привлечением деятелей искусства. Он также настаивает на том, что в Спарте имело место такое специфическое явление, как «художественные санкции».

The article considers the special role of art in the formation of the Spartan Constitution. Also the question is about the role of art in the political life of the Spartans. The author shares the opinion that in Sparta took place a special form of political mediation with the involvement of artists. He also insists on the fact that in Sparta a specific phenomenon, as «art sanctions».

Ключевые слова: Спарта, политика, право, искусство, политическое посредничество, санкции.

Keywords: Sparta, politics, law, art, political mediation, the sanctions.

Все без исключения древние источники подчёркивают тот факт, что искусство играло исключительную роль в становлении и деятельности спартанского государства. Прежде всего, значима закреплённая в традиции история приглашения в Спарту поэта Тиртея для прекращения в ней гражданских волнений. В этой истории, безусловно, присутствует легендарная составляющая, но, как известно, легенды не возникают на пустом месте. Мы далеки от мысли о том, что призвание поэта было единственной мерой для прекращения внутривосточных распрей. Тем более наивно было бы полагать, что Тиртей одним только своим искусством установил в Лакедемоне мир и гармонию. Но с самим фактом его приглашения, видимо, спорить трудно. Слишком многие источники на этот факт указывают. Видимо, спартанцы осознали, что для установления мира на их земле, необходимо единомыслие относительно некоторой системы общественных идеалов. А такое единомыслие легче всего обеспечить, если объединяющая народ идеология найдёт художественную форму своего воплощения. То есть Тиртей, конечно, не создатель спартанской идеологии. Но ему удалось в доступной и приятной для восприятия форме довести эту идеологию до сердец спартанцев. Результатом творчества Тиртея была поэма «Эвномия» («Благозаконие»), которая стала неотъемлемым элементом спартанской культуры. Вряд ли был спартанец, не знавший наизусть её стихов. Сам Тиртей, видимо, оценил тот факт, что его, поэта, призвали принять участие в процессе национального примирения. Интуитивное понимание спартанцами политического значения искусства позволило ему благословить на последующие века союз искусства и спартанского государства. Как просто было бы ему связать конституцию воинственного и мужественного народа с авторитетом бога войны Ареса! Но Тиртей мудро связал её с авторитетом покровителя искусств Аполлона. В этой связи чрезвычайно любопытен один из самых важных в политическом смысле фрагментов «Эвномии»:

«Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,

Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:

«Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим Спарты всерадостный град на попечение дан,

Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа, Договор праведный чтя, пусть в единомыслии с ним

*Только благое вещают и правое делают дело,
Умыслов злых не тая против отчизны своей, –
И не покинет народа тогда ни победа, ни сила!»
Так свою волю явил городу нашему Феб» [1].*

Покровителю искусств Аполлону Тиртей, таким образом, предписывает создание самой формы спартанского государственного устройства, во главе которого стояли цари и совет старейшин.

Этот сплав художественного и политического начал в творчестве Тиртея не ускользнул от внимания отечественного исследователя А.В. Зайкова: «Тиртей провозглашает божественность спартанской конституции, прославляет доблесть предков и указывает на истинного – не внутреннего, а внешнего – врага, в качестве которого выступают мессенцы. Здесь мы находим первую в греческой литературе попытку понять хорошо устроенное государство как гармоничную систему, все части которой уравнивают одна другую. Существует близкая аналогия между «Эвномией» Тиртея и поэмой с тем же названием Солона, афинского поэта и законодателя начала VI в. до н. э. Как Тиртей, так и Солон имели своей целью положить конец внутренней усобице и консолидировать свою гражданскую общину. Оба использовали похожие методы, а именно: они активно проводили идею о внешнем враге и побуждали граждан к агрессии против него; они сочиняли талантливые стихи и клали их в основу гражданского воспитания; они проводили идею о пропорциональной и непоколебимой социальной системе, поддерживаемой богами» [2]. Воспитанные на поэзии Тиртея, спартанцы впоследствии всегда прибегали к искусству, как к средству гражданского воспитания и поддержания военной доблести.

Чрезвычайно интересно, что античная традиция приписывает заслугу прекращения в Спарте гражданских распрей не только поэту Тиртею, но и музыканту Терпандру, который, согласно преданию, тоже был приглашен в Лакедемон для примирения народа. Античность также приписывала Терпандру создание музыкального жанра «нома», который большинство греческих учёных связывали с традицией пения законов для их лучшего запоминания.

История приглашения в Спарту Терпандра, как и подлинная сущность изобретённого им жанра, представляется довольно туманной. Малочисленность исторических (в строгом смысле слова) све-

дений даёт возможность трактовать происходившее по-разному. Мы склонны согласиться с той трактовкой событий, которую предложил А.В. Зайков: «Возможно, что спартанцы, страдая от внутренней усобицы, пригласили знаменитого музыканта для организации религиозного праздника, который должен был консолидировать спартанскую общину. Чтобы успешно это осуществить, Терпандр, несомненно, должен был бы получить некоторые важные распорядительные полномочия. Здесь необходимо вспомнить, что тот жанр, который разработал Терпандр, назывался «номы». Как было уже упомянуто, позднее это слово в греческом языке означало главным образом «законы»... Плутарх заявляет, что делом Терпандра было так называемое «первое установление (katastasis) музыкального обихода в Спарте» (Plut. De mus. 9 p. 1134 b). Слово «katastasis» здесь несомненно означает «установление» как «закрепленный порядок». Терпандр, по всей видимости, разработал канон для музыкального инструмента – лиры, канон для жанра номов и канон для музыкального состязания и праздника в честь Аполлона Карнейского» [2]. В связи с вышесказанным Зайков считает поздним напластованием версию о том, что Терпандр усмирил спартанские распри исключительно с помощью звуков своей лиры. По его версии, которую можно считать приемлемой, Терпандр, приглашённый иностранец, осуществил функцию политического посредничества, вполне традиционную для эллинского мира. Эта, очевидно, менее романтическая версия, тем не менее, она не означает принижения роли Терпандра, и тем более политической роли деятелей искусства в ранней античности. Если мы берём эту версию на веру, то нам следует обратить внимание на сам факт приглашения в консервативнейшую Спарту для важнейшего политического посредничества именно знаменитого музыканта. Такая же форма политического посредничества приписывается Зайковым, и не без основания, авлетисту Фалету, который тоже приглашался в Спарту [2]. Его деятельность была тем более значимой, что именно он ввёл в употребление в Спарте столь любимый впоследствии спартанцами авлос («флейту»).

Свой взгляд на смысл политической деятельности Терпандра в Спарте высказал и Е.В. Герцман: «Как утверждает традиция, Терпандр создал «первое установление музыки в Спарте»... Понимание этого сообщения сопряжено с определенными

трудностями. Ведь невозможно думать, что до появления Терпандра в Лаконии там вообще не было музыки. Значит, речь идет о чем-то другом. Скорее всего, здесь нужно видеть первый зафиксированный случай, когда государство открыто поставило музыку себе на службу ради достижения определенных политических целей, а музыка стала выполнять задачи, установленные для нее государством» [3, с. 210–211].

Анализ сведений о деятельности Терпандра и Тиртея привёл А.В. Зайкова к формулированию положения, с которым мы склонны полностью согласиться. Он пишет: «Все сказанное приводит нас к выводу о том, что в архаическую эпоху в Спарте существовал некий местный экстраординарный механизм преодоления гражданской смуты. Эту функцию исполняли талантливые музыканты, приглашаемые из других городов. Как правило, спартанцы ставили перед ними задачу организации определенного религиозного праздника, в программе которого обязательно присутствовало мусическое состязание... Их роль в жизни общины приобретала значение политической власти. Они действовали как советники народа и арбитры. Осмелюсь выдвинуть предположение, что официальным титулом такой экстраординарной политической фигуры было слово *harmostes/harmonester*» [2]. Особенно важным нам здесь представляется мысль о том, что роль приглашённых деятелей искусства «приобретала значение политической власти». Это обстоятельство позволяет нам не только трактовать искусство как одну из регулятивных систем древних обществ, но и рассуждать о том, что оно позволяло в некоторых случаях, при особом стечении обстоятельств, осуществлять своим деятелям специфические формы осуществления политической власти. Немного забегаая вперёд, скажем также и о том, что в деятельности ряда правителей (вроде Писистрата и Нерона) искусство становилось одним из методов осуществления политической власти.

Вообще, создаётся впечатление, что музыка и поэзия играли у спартанцев исключительную роль, может быть, даже большую, чем во всех прочих греческих полисах. Множество свидетельств об этом можно найти у Плутарха. Он, к примеру, свидетельствует: «Весьма серьезно спартанцы относились к музыке и пению. По их мнению, эти искусства были предназначены ободрять дух и разум человека, помогать ему в его действиях. Язык спартанских

песен был прост и выразителен. В них не содержалось ничего, кроме похвал людям, благородно прожившим свою жизнь, погибшим за Спарту и почитаемым как блаженные, а также осуждения тех, кто бежал с поля боя, о которых говорилось, что они провели горестную и жалкую жизнь. В песнях восхваляли доблести, свойственные каждому возрасту» [4].

В другой работе Плутарх приводит не менее интересные сведения: «На хоровое пение обращалось столько же внимания, как и на точность и ясность речи. В самих спартанских песнях было что-то воспламенявшее мужество, возбуждавшее порыв к действию и призывавшее на подвиги. Слова их были просты, безыскусственны, но содержание серьезно и поучительно. То были большею частью хвалебные песни, прославлявшие павших за Спарту или порицавшие трусов, которые живут теперь «жалкими, несчастными». Некоторые из них призывали к смелым деяниям, другие хвалились прошлыми – смотря по возрасту детей. В праздник были три хора разных возрастов» [5]. На первый взгляд, эти сведения относятся исключительно к сфере искусствоведения. Но мы не решились бы приводить их в рамках нашего исследования, если бы в них не присутствовала одна важная деталь. Это упоминание о «трех хорах разных возрастов». Эта деталь вызывает настолько однозначные ассоциации с теорией «трех хороводов», изложенной в «Законах» Платона, что мимо неё невозможно было бы пройти. Не исключено, что именно реальные спартанские установления легли в основу платоновских рассуждений о правильной организации хороводов в государстве!

Спартанцы придавали большое значение не только героическим песням, но и инструментальной музыке. Не во всех античных полисах с уважением относились к флейте. Но у спартанцев она была самым любимым, самым важным и незаменимым инструментом. Флейтисты были непременно участниками военных походов. Указания на это мы во множестве находим в античной литературе. Особенное внимание этому факту уделил Плутарх. Он писал: «Вообще, если заняться внимательней спартанскими песнями, из которых некоторые сохранились еще до сих пор, затем вспомнить, что спартанцы шли на неприятеля под звуки флейт, мерным шагом, нельзя не согласиться с Терпандром и Пиндаром, которые видят тесную связь между храбростью спартанцев и музыкой в их войсках. Точно так же перед сражением царь приносил жертву

музам, для того, вероятно, чтобы воины вспомнили, чему их учили, и о том, какой приговор ждет их со стороны составителей песен, чтобы они ни на минуту не забывали об этом, встретясь лицом к лицу с опасностью, и показали в битве подвиги, достойные прославления» [5].

Нам кажется, что в этом фрагменте интересно описание поведения царя. Видимо, мудрость Тиртея, связавшего в своей «Эвномии» происхождение спартанской конституции с авторитетом Аполлона, сыграла свою роль в дальнейшей истории народа. Обратим внимание на то, что перед походом жертвы приносятся не богу войны, а музам. А также на то, что солдат меньше заботит наказание властей, чем «приговор исполнителей песен». Перед нами яркое свидетельство социально-регулятивной роли искусства в древних обществах. Это удивительный образец «художественной санкции»: граждане знают, что неблагоприятный поступок может быть увековечен, как и связанный с ним позор, в песне, что заставляет их действовать должным образом.

Но главное, что этим система санкций, связанных с музыкальным искусством, у спартанцев не ограничивалась. Описывая то, каким унижениям у спартанцев подвергались илоты, Плутарх говорит: «им приказывали петь неприличные песни и исполнять непристойные, безнравственные танцы, запрещая в то же время приличные» [5]. Этот пример, если не уникален в античной практике, то все же очень репрезентативен. Он показывает нам, что в древних обществах искусство могло использоваться не только для возвышения нравственного облика полноправных граждан, но и для морального унижения эксплуатируемых слоёв общества.

Впрочем, в ряде случаев такого рода «художественное унижение» могло применяться и в отношении самих граждан. По свидетельству всё того же Плутарха, в Спарте, «если кто-нибудь провинился и был обличен, то должен был обойти кругом алтарь, находившийся в городе, и петь при этом песню, сочиненную ему в укор, то есть сам себя подвергнуть поруганию» [4]. Это иллюстрирует особенное отношение к искусству в древнем обществе. Очевидно, что гораздо легче просто обязать преступника, к примеру, выкрикивать о себе порочащие сведения. Но здесь процесс значительно усложняется: специально складывается песня (а значит, кому-то, способному к сложению песен, официально даётся такое поручение, которое он, видимо, обязан выполнить, ибо иначе он воспрепятствует правосудию!), и песню преступник должен петь в священном месте.

Интереснейшие сведения Плутарх приводит в другом месте: «Темы их маршевых песен побуждали к мужеству, неустрашимости и презрению к смерти. Их пели хором под звук флейты во время наступления на врага. Ликург связывал музыку с военными упражнениями, чтобы воинственные сердца спартанцев, возбужденные общей благозвучной мелодией, бились бы в единый лад. Поэтому перед сражениями первую жертву царь приносил Музам, моля, чтобы сражающиеся совершили подвиги, достойные доброй славы» [5]. В этой цитате нам показалось любопытным упоминание Ликурга. Не исключено, что сведения о том, что он «связывал музыку с военными упражнениями» содержат в себе намёк на то, что использование музыки в военных целях было результатом законодательной инициативы великого реформатора.

Справедливости ради, надо признать: не все античные авторы полагали, что использование спартанцами флейты в военных походах основывалось на их убеждении в способности этого инструмента пробуждать мужество и хорошо действовать на нравы. Фукидид, во всяком случае, предлагал вполне утилитарное объяснение этой традиции. В одном из многочисленных в его «Истории» описаний сражений мы встретили такой эпизод: «Затем началась схватка. Аргосцы и союзники стремительным натиском атаковали противника. Лакедемоняне, напротив, двигались медленно под звуки воинственной мелодии, исполняемой множеством флейтистов, стоявших в их рядах. Это заведено у них не по религиозному обычаю, а для того, чтобы в такт музыке маршировать в ногу и чтобы не ломался боевой строй (как обычно случается при наступлении больших армий)» [6].

В связи с увлечением спартанцев хоровым пением и игрой на флейте, нельзя не упомянуть о том, что обучение этим искусствам, по всей видимости, носило в их среде массовый и государственно организованный характер. Атений приводит описание праздника Гиацинта в Спарте. Упоминание о множестве детей, играющих на кифарах и флейтах [7], пожалуй, подтверждает это предположение. В противном случае, никак невозможно объяснить сам факт успешного проведения такого рода мероприятий. Как трудно объяснить и практику организованных хороводов. Тем более что тот же Атений, со ссылкой на Хамолеона Гераклеяского, прямо говорит о том, что все спартанцы и фиванцы обучались игре на флейте [7].

По всей видимости, одним только обучением флейтовой игре законодательные положения древних спартанцев не ограничивались. Вновь обратимся к пересказу более ранних источников Атением, который пишет: «Если верить Филохору, когда спартанцы под руководством Тиртея завоевали господство над мессенцами, они установили в качестве закона, что каждый раз, когда они будут ужинать, или когда будут петь пеаны в своих военных походах, они, помимо прочего, будут петь одни за другими стихи этого поэта, а генерал будет награждать мясом тех, кто поёт лучше всех» [7]. Он же говорит о том, что спартанцы были обязаны учиться пиррическому танцу с пятилетнего возраста.

Такое законоположение трудно оценить однозначно. С одной стороны, хорошо, если для воспитания боевого духа солдат используется не только муштра, но и пение стихов хорошего поэта. Но, с другой стороны, «не требуется большой проницательности, чтобы представить себе художественный уровень искусства, когда арбитром выступает армейский командир, а призом служит мясо. Другое искусство и не могло культивироваться в тоталитарной Спарте» [3, с. 223].

А.В. Зайков не сомневается в том, что и введение трех хороводов и введение музыкальных состязаний за мясо было результатом деятельности Тиртея. По его мнению, «политическая и социальная направленность этих хоров очевидна – консолидировать общину в некоем строгом единстве и согласии, подобном тому, которое необходимо в хоре» [2].

Литература

1. *Тиртей*. Фрагменты – <http://ancientrome.ru/antlitir/tirteios/tirt.htm#001>
2. *Зайков А.В.* Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распри – <http://ancientrome.ru/publik/art/zaikov/zaikov01.htm>
3. *Герцман Е.В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.
4. *Плутарх*. Древние обычаи спартанцев – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Plutarh/dr_ob.php
5. Плутарх. Ликург и Нума – <http://lib.ru/POEEAST/PLUTARH/likurg.txt>
6. *Фукидид*. История – lingvo.net/library_view_33764_1.html
7. *Athenee*. Le banquet des savants – <http://remacle.org/bloodwolf/erudits/athenee/index.htm>

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

УДК 347.254

Тарасова А.Е.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ И ПОРЯДКА ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ

В статье исследуются проблемы прекращения права пользования жилыми помещениями в аспекте соотношения гражданского и жилищного законодательства. Анализируется институт выселения из жилых помещений, который применяется в жилищном праве и не используется в праве гражданском. Предложены пути системного подхода к проблеме оснований и последствий прекращения права пользования жилыми помещениями.

This article examines the issue of cessation of the right to use residential premises in an aspect ratio of civil and housing legislation. Analyses Institute eviction from dwellings in housing law and is not used in civil law. The ways of the system approach to the grounds and consequences of termination of the right to use residential premises.

Ключевые слова: выселение, принцип неприкосновенности жилища, основания прекращения права пользования жилым помещением.

Keywords: eviction, inviolability of the home, grounds for termination of right to use the dwelling

Что такое выселение – способ защиты жилищных прав, способ прекращения права пользования жилым помещением или его последствия, мера жилищной ответственности? В жилищном законодательстве и в актах гражданского законодательства, касающихся правового регулирования отношений по пользованию жилыми помещениями, отсутствует единый системный подход к институту выселения из жилого помещения.

Исторически институт выселения развивался в рамках отношений социального и специализированного найма жилых помещений. Однако с закреплением в современном жилищном законодательстве различных оснований возникновения права пользования жилым помещением нормы о выселении были частично заимствованы для иных отношений по пользованию жилыми помещениями, помимо социального найма. При этом сама категория выселения не получила последовательного закрепления в виде конкретного правового средства с универсальными и точными правилами применения.

С одной стороны, к институту выселения, законодатель всегда подходил с жестко императив-

ной позиции, определяя основания и порядок выселения. Эта традиция сохранилась и в настоящее время. Таким образом, применять требование о выселении возможно только в случаях и в порядке, строго предусмотренных законодательством (ч. 4 ст. 3 Жилищного кодекса РФ). При этом выселение представляет собой правовое средство прекращения права пользования жилым помещением.

С другой стороны, в некоторых отношениях по пользованию жилыми помещениями такой способ одновременно защиты и прекращения права пользования жилым помещением, как выселение, не предусматривается законодателем вовсе и заменен иными способами прекращения права на жилое помещение. В итоге это приводит к использованию гражданами разных способов защиты, в частности и тех, которые не связаны с заявлением требования о выселении и, соответственно, применяются в рамках иного порядка защиты. Так, все дела о выселении граждан из жилых помещений должны рассматриваться с участием прокурора, который дает заключение по делам о выселении (п. 3 ст. 45 ГПК РФ). Если заявлено иное, чем выселение, требова-

ние, направленное на прекращение права пользования жилым помещением, участие прокурора процессуальным законодательством не предусмотрено.

Таким образом, степень публичного элемента в делах о выселении из жилых помещений значительно выше, чем в иных жилищных спорах, в т. ч., как показывает практика применения жилищного законодательства, в делах с использованием иных средств прекращения права на жилое помещение, не связанных формально с требованием о выселении.

Кроме того, следует выделить и ситуации, в которых, по смыслу законодательных положений, **прекращение права на жилое помещение отдельных лиц может быть реализовано и во внесудебном порядке, т. е. без обращения в суд с иском, направленным на прекращение права пользования, и тем более без предъявления иска о выселении.** И это при том, что императивно установленным условием выселения как гарантии реализации принципа неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения (ст. 4 ЖК РФ) является исключительно судебный порядок выселения. В то же время такой порядок может быть реализован, только в том случае, если регламентируется в отраслевых нормах о выселении применительно к конкретным видам жилищных отношений, для которых выселение прямо закрепляется именно как способ прекращения права пользования жилым помещением.

Анализ всей совокупности норм, закрепляющих различные основания пользования жилыми помещениями и регулирующих отношения, из них возникающие, приводит нас к следующим выводам о применении института выселения.

1. Принцип неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения в части императивного закрепления правила о том, что основания и порядок выселения из жилых помещений могут быть регламентированы только законодательством, не обеспечивается в своей реализации последовательно и единообразно во всех видах жилищных отношений по пользованию жилыми помещениями.

2. Устанавливая для одних правоотношений такой способ прекращения права пользования, как выселение, с закреплением его оснований и порядка, в других правоотношениях, в которых право пользования также может прекращаться при опре-

деленных обстоятельствах, законодатель «забывает» обозначить институт выселения, тем самым не обеспечивается юридическая привязка основания прекращения права пользования жилым помещением к выселению из жилого помещения.

3. В жилищном законодательстве отсутствует необходимая и соответствующая природе отношений система способов защиты жилищных прав. Это и приводит к параллельному существованию различных по своим основаниям и порядку применения способам прекращения прав на жилые помещения.

4. Механизм защиты жилищных прав, связанный с прекращением права на жилое помещение, построен применительно к разным жилищным отношениям по взаимоисключающим моделям: императивной и более гибкой – диспозитивной (дозволительной). Диспозитивная модель допускает отступление от жестких критериев института выселения из жилого помещения, в то время как это противоречит общему для всех жилищных отношений принципу неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения (ст. 4 ЖК РФ), обеспечиваемого за счет императивной регламентации института выселения как единственного способа прекращения права на жилое помещение.

5. В жилищном законодательстве отсутствует четко закрепленная область отношений, в которой возможно отступление от института выселения как единственного способа прекращения права пользования жилым помещением при одновременном соблюдении общего принципа неприкосновенности жилища и недопустимости произвольного его лишения.

6. Применительно к институту выселения из жилых помещений нет надлежащего согласования между нормами жилищного и гражданского законодательства в части оснований прекращения прав на жилое помещение.

Итак, прекращение права пользования жилым помещением может иметь место в отношениях собственности (право пользования прекращается одновременно с прекращением самого права собственности); в иных вещных отношениях (по пользованию жилым помещением членами семьи собственника, лицами, проживающими в жилом помещении по договору пожизненного содержания с иждивением или по завещательному отказу); в обязательственных отношениях, возникающих из

договоров социального, коммерческого, специализированного найма; в производных обязательственных отношениях (пользования жилым помещением временными жильцами или поднаемателями); в отношениях пользования жилым помещением на основании членства в жилищных кооперативах.

Однако не во всех указанных отношениях прекращение права пользования обусловлено требованием о выселении из жилого помещения.

Так, в отношениях собственности основания прекращения права собственности предусмотрены в Гражданском кодексе РФ в виде закрытого перечня, относящегося и к таким объектам, как жилые помещения. В то же время регулирование отношений собственности на жилые помещения и общее имущество в многоквартирных домах затронул Жилищный кодекс РФ, который делит эту область регулирования с гражданским законодательством. Таким образом, основания прекращения права пользования собственником жилым помещением нормативно распределены между ГК РФ и ЖК РФ. Выселение среди указанных оснований не закрепляется.

Одно из специальных оснований прекращения права собственности на жилое помещение, связанное с характером его использования, предусмотрено в ГК РФ (ст. 293 в главе 18 ГК РФ «Право собственности и иные вещные права на жилые помещения»). И с принятием ЖК РФ указанное основание сохранено в ГК РФ в качестве меры жилищной ответственности за использование жилого помещения не по назначению, систематическое нарушение прав и интересов соседей либо бесхозяйственное обращение с жилым помещением, приводящее к его разрушению. Указанная норма устанавливает такой порядок прекращения права собственника на жилое помещение, который не связан с выселением. Жилое помещение по иску муниципального органа власти продается с публичных торгов с прекращением права собственности лица и выплаты ему выкупных от продажи средств за вычетом расходов на исполнение судебного решения.

Другое основание прекращения права собственности на жилое помещение, не связанное с выселением, закрепляется как в общих положениях ГК РФ о праве собственности (пп. 3 п. 2 ст. 236 ГК РФ, ст. 239 ГК РФ), так и более детально в ЖК РФ, **в ст. 32, регламентирующей прекращение права собственности на жилые помещения в связи с изъятием для государственных и муниципаль-**

ных нужд земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, либо в связи с признанием многоквартирного дома аварийным.

Норма ст. 32 ЖК РФ (являющаяся более специальной по отношению к ст. 239 ГК РФ) предусматривает прекращение права собственности на жилое помещение путем его выкупа у собственников. Причем на практике проблема с прекращением права собственности на изымаемое жилое помещение обстоит гораздо серьезнее, чем она представляется в нормах закона. Так, согласно положениям ст. 32 ЖК РФ граждане, чьи многоквартирные дома признаны аварийными и подлежащими сносу, должны продолжать в них проживать до выплаты выкупной цены. Выплата выкупной цены отсрочена во времени необходимостью соблюдения условий о преимущественном праве самих собственников на снос своего дома или его реконструкцию. Признание многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции является основанием для предъявления органом, принявшим решение о признании такого дома аварийным, к собственникам помещений в данном доме требования о его сносе или реконструкции в разумный срок (ч. 10 ст. 32 ЖК РФ). При этом, если в отношении территории, на которой расположен многоквартирный дом, признанный аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, принято решение о развитии застроенной территории в соответствии с законодательством Российской Федерации о градостроительной деятельности, орган, принявший решение о признании такого дома аварийным, обязан предъявить к собственникам помещений в указанном доме требование о его сносе или реконструкции и установить срок не менее шести месяцев для подачи заявления на получение разрешения на строительство, снос или реконструкцию указанного дома (ч. 11 ст. 32 ЖК РФ). И только если собственники в разумный срок не осуществляют самостоятельный снос или реконструкцию дома (ч. 10 ст. 32 ЖК РФ) или если в случае, предусмотренном в ч. 11 ст. 32 ЖК РФ, в течение срока не менее шести месяцев собственниками не будет подано в установленном законодательством Российской Федерации о градостроительной деятельности порядке заявление на получение разрешения на строительство, снос или реконструкцию такого дома, земельный участок, на котором расположен указанный дом, и жилые по-

мещения в указанном доме подлежат изъятию для муниципальных нужд. Предполагается, что все указанное время (ожидание сноса и/или реконструкции, оформления разрешения на реконструкцию и ее осуществление, ожидание выплаты выкупной цены за помещения) собственники помещений в многоквартирном доме будут проживать в этих помещениях. При этом законодатель не устанавливает ни порядок выселения, в частности срок, в течение которого должен решаться вопрос о выселении граждан из аварийного жилья, ни само выселение как основание прекращения права на жилое помещение.

В таком институте жилищного права, как специализированный наем жилых помещений, существует закрепленный вид специализированного жилищного фонда – маневренный жилой фонд, назначение которого состоит в обеспечении временной потребности в проживании лиц в связи с реконструкцией дома (п. 1 ст. 95 ЖК РФ). Однако при этом законодательно не закреплена обязанность соответствующего государственного (муниципального) органа, принявших решение о реконструкции аварийного многоквартирного дома, переселить в маневренный жилой фонд собственников помещений из аварийного многоквартирного дома, как и сроки реализации этой обязанности. Если дом подлежит сносу, переселение (выселение) собственников до выплаты им выкупной цены за изымаемые помещения (учитывая и то, что относительно размера выкупной цены может возникнуть спор, требующий судебного разбирательства, а следовательно, определенного времени) вообще не предусмотрено. На практике указанные ситуации с прекращением права собственности граждан на жилые помещения, расположенные в многоквартирных домах, признанных аварийными и подлежащими сносу или реконструкции, относятся к числу одних из самых болезненных, поскольку должного механизма защиты жилищных прав собственников нормы жилищного законодательства не устанавливают.

В случае же реализации собственниками правовой возможности на самостоятельный снос многоквартирного дома вопрос об их выселении вообще законодателем не поднимается, при сносе дома права на помещения в нем будут прекращены в силу физического уничтожения объекта. При этом никакого эквивалента жилого помещения собственники не получают. У них лишь сохраняется право

собственности на земельный участок, который, видимо, по смыслу ЖК РФ и служит достаточной компенсацией утраты права собственности на жилое помещение. Таким образом, в жилищном праве допускается подмена материального блага, призванного обеспечить жилищную потребность гражданина, иным благом, с жилищной потребностью никак не связанным.

Представляется, что правовая модель, допускающая проживание граждан-собственников в аварийных многоквартирных домах и зависящих в этом вопросе от административных органов и длительного по своей неопределенности решения вопроса с выплатой стоимости изымаемого жилья или осуществления реконструкции многоквартирного дома, является несовершенной. И практика реализации норм об изъятии жилых помещений давно требует более правильного решения отмеченных проблем, которое не может обойтись и без обращения к институту выселения с обеспечением четких гарантий защиты жилищных прав и права собственности граждан.

Аналогично институт выселения не используется при защите с помощью виндикационного иска (ст. 302 ГК РФ) прав собственников жилых помещений при утрате ими права вследствие отчуждения жилого помещения неуправомоченным лицом.

Если бы в законодательстве соблюдался единый подход к институту выселения, как к исключительному способу прекращения права пользования жилым помещением по смыслу закрепленного в ст. 4 ЖК РФ принципа неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения, то даже в отношениях защиты собственника, утратившего владение жилым помещением, можно было бы допустить предъявление не виндикационного иска, а иска о выселении добросовестного приобретателя из жилого помещения даже тогда, когда перспектив удовлетворения виндикационного иска не имеется. И хотя с внесением изменений в ст. 223 ГК РФ (в редакции ФЗ № 217-ФЗ от 30.12.2004 г.) была введена правовая презумпция принадлежности имущества добросовестному приобретателю на праве собственности, ГК РФ так и не называет добросовестного приобретателя собственником имущества. Это оставляет открытым вопрос о содержании «голового» права собственности лица (собственника),

которому спорное имущество возвращено быть не может.

Смоделировать ситуацию защиты с помощью требования о выселении применительно к отношениям собственности на жилое помещение вполне реально. Однако необходимо учитывать, что выселение – как способ защиты, направленный на прекращение права пользования жилым помещением – должно быть специально предусмотрено законом для соответствующих отношений. И принцип, установленный в ст. 4 ЖК РФ, не может быть непосредственно применен. В то же время анализ правовой ситуации с собственником, утратившим владение, но сохранившим «голое» право собственности, позволяет установить *вещную природу, включая признак следования, «пользовательского правомочия» в содержании права собственности на жилое помещение. Это правомочие пользования имеет самостоятельную ценность и требует защиты с учетом комплексного подхода жилищного и гражданского законодательства.*

На наш взгляд, перспективное решение указанного вопроса должно заключаться *в закреплении иного способа защиты, чем обыкновенная виндикационная защита*, которая обеспечивается всегда либо в пользу собственника, утратившего владение вещью, либо в пользу добросовестного приобретателя.

Право пользования жилым помещением имеет особое вещное значение в жилищном праве. Даже при включении в предмет регулирования жилищного законодательства отношений собственности воздействие ЖК РФ оказывается сконцентрированным на отношениях по пользованию жилыми помещениями. При этом данное право пользования собственником своим жилым помещением не может считаться утраченным даже при утрате владения помещением, временном не нахождении собственника в жилом помещении, ведь формально собственник из жилого помещения никто не выселял. Фактическое лишение собственника возможности пользоваться жилым помещением через совершение гражданско-правовых сделок по его отчуждению неуправомоченным лицом не является выселением в юридическом понимании этого института. Поэтому применительно к таким объектам права собственности, как жилые помещения, в законодательстве, в частности в гражданском, с учетом положений жилищного законодательства, вопрос о

защите прав собственников и добросовестных приобретателей должен быть решен иначе. В частности, **право пользования (проживания) жилым помещением должно сохраняться за собственником при невозможности виндикации жилого помещения у добросовестного приобретателя. Это подкрепляется и законодательно закрепленной презумпцией владения вещью добросовестным приобретателем как собственником.**

Таким образом, добросовестному приобретателю жилое помещение будет признаваться принадлежащим на праве собственности **с обременением этого права правом собственника помещения пользоваться жилым помещением (проживать в нем)**. При этом данное право должно иметь вещную природу (быть бессрочным, обладать свойством следования за вещью), и, по сути, оно таким является. По смыслу норм жилищного права предлагаемая модель является абсолютно жизнеспособной, поскольку в жилищных отношениях первостепенным выступает именно право пользования жилым помещением, которое особо выделяется в отношениях собственности и приобретает большее, чем правомочие в содержании права собственности, значение.

Такая мера, как обременение права добросовестного владельца жилого помещения правом собственника проживать в нем, на наш взгляд, позволит существенно продвинуться вперед в решении проблемы формирования бездомных граждан чьи права и интересы легко нарушаются с применением схем «добросовестной покупки жилых помещений». К основным категориям обманутых таким образом граждан относятся недееспособные, ограниченно дееспособные граждане, несовершеннолетние граждане, лишённые родительского попечения [1]. Нормы гражданского законодательства здесь должны быть приведены в соответствии с принципом недопустимости произвольного лишения жилого помещения и гарантирования защиты права пользования жилым помещением, независимо от основания его возникновения, а также в соответствии с тем пониманием института пользования жилым помещением, которое последовательно закрепляется в жилищном законодательстве. Жилые помещения, в отчуждении которых имелся порок, должны относиться к особым объектам оборота. Баланс интересов участников будет более справедливым при закреплении обременения таких объектов правом

пользования, сохраняющимся за собственником жилого помещения при наличии добросовестного приобретателя (в отношении которого действует лишь презумпция права собственности).

Представленный анализ позволяет прийти к выводу, что институт выселения в отношениях собственности на жилые помещения не получил закрепления. В то же время, поскольку правовое регулирование отношений собственности распределено между гражданским и жилищным законодательством, система оснований прекращения права собственности на жилые помещения должна быть приведена в соответствие с положениями жилищного законодательства исходя из того, что единственным главным назначением жилых помещений является пользование ими посредством проживания в них, так как с позиции жилищного права в отношениях собственности именно элемент пользования является самоцелью, главной ценностью и объектом регулирования, подчиняющим себе все иные составляющие право собственности элементы. Правовой режим жилых помещений определяется, прежде всего, их назначением. В этом аспекте гражданско-правовое регулирование отношений собственности на жилые помещения, включая защиту права собственности на указанные объекты, существенно отстает от принципов (основ) жилищного права.

Правовое регулирование оснований прекращения иных, чем право собственности, вещных прав также не отличается последовательностью. Если в отношениях собственности институт выселения вообще не предусмотрен для прекращения права, то *применительно к прекращению иных, чем право собственности, вещных прав* (обладателями которых выступают члены семьи собственника, бывшие члены семьи собственника, пользователи по завещательному отказу и договору пожизненного содержания с иждивением) *законодатель подходит двояко*.

Устанавливая целый ряд оснований прекращения права пользования жилым помещением членов семьи собственника, законодатель изначально не предполагал закрепления такого механизма прекращения, как выселение. Именно поэтому в ст. 31 ЖК РФ нет ни слова о выселении из жилого помещения членов семьи собственника. В ЖК РФ заложен механизм автоматического прекращения права пользования жилым помещением собственника у членов его семьи при наступлении предусмотренных

в законе обстоятельств. Таким образом, никакого выселения осуществлять не надо, чтобы это право прекратить. В то время как институт выселения классически использовался в жилищном праве для прекращения права пользования жилым помещением и лицо считалось имеющим это право пользоваться жилым помещением до момента вступления в силу решения суда о выселении. Поскольку члены семьи собственника утрачивают право пользования жилым помещением в силу иных оснований (прекращение семейных отношений с собственником, отчуждение собственником своего жилого помещения), то выселения не требуется.

Напротив, в случаях, предусмотренных в ст. 35 ЖК РФ, законодатель использует институт выселения именно для прекращения права пользования жилым помещением лицами, которые сохраняют это право до их выселения из жилого помещения. Эта норма распространяет свое действие на бывших членов семьи собственника, за которыми судебным решением временно сохранено право пользования жилым помещением собственника, несмотря на прекращение с ним семейных отношений; лиц, проживающих в жилом помещении на основании завещательного отказа, а также по аналогии закона [2] на действительных членов семьи собственника, если указанные лица разрушают жилое помещение, приводят его в негодность, используют не по назначению, нарушают правила общежития (права и интересы соседей).

Несмотря на различный подход законодателя к основаниям и порядку прекращения права пользования жилым помещением - через выселение или без него, на практике, когда автоматический механизм прекращения права пользования не реализуется самостоятельно участниками правоотношений, неизбежно возникает необходимость в принудительной его реализации посредством требования о выселении из жилого помещения. И судебная практика служит тому подтверждением. Институт выселения в этом случае не будет выполнять свойственную ему функцию – прекращения права пользования, а будет являться мерой, направленной на фактическую реализацию прекращения права, которого уже формально у лица не существует. И здесь выселение не будет подчиняться общим установлениям ст. 4 ЖК РФ, таким как императивное закрепление оснований и порядка выселения.

Так, по смыслу нормы ст. 31 ЖК РФ собственник может произвести самозащиту своего права и не обращаться в суд с иском о выселении своих бывших членов семьи, осуществив их фактическое выселение самостоятельно.

В такой непоследовательности законодателя при определении оснований и порядка прекращения права пользования жилым помещением видится серьезная опасность ущемления прав членов семьи собственника и произвольного лишения их вещного права пользования жилым помещением.

Отмеченный дифференцированный подход к институту выселения, на наш взгляд, относится к несовершенству законодательства и приводит к путанице на практике. Так, судебные органы, в частности Верховный Суд РФ, понимают институт выселения традиционно, что послужило основанием для расширительного толкования положений ЖК РФ в Постановлении Пленума ВС РФ № 14 от 2.07.2009 г. В п. 15 Постановления ВС РФ исходит из того, что вопрос прекращения права пользования членов семьи собственника на его жилое помещение должен решаться в судебном порядке путем выселения. При этом, как разъясняет ВС РФ, суды, рассматривая дела о выселении бывших членов семьи собственника, должны одновременно и без особого об этом заявления со стороны ответчика (выселяемого лица) рассмотреть вопрос о временном сохранении за ним права пользования в жилом помещении собственника при наличии оснований, предусмотренных в ч. 3 ст. 31 ЖК РФ. В реальной действительности дело обстоит не всегда так, ничто не препятствует собственнику признать членов своей семьи бывшими и выселить их из жилого помещения без обращения в суд с иском о выселении и без решения вопроса о временном сохранении за такими членами семьи права пользования жилым помещением. И таких примеров очень много, при этом не все бывшие члены семьи, которых собственник выселяет фактически, обращаются в суды за защитой своих прав, оспариванием своего статуса бывших членов семьи и требованием сохранить за ними право пользования жилым помещением. Это является возможным как раз благодаря тому, что в указанных отношениях законодатель не устанавливает обязательных оснований и порядка выселения, а предусматривает иной механизм прекращения права пользования жилым помещением. Некоторым образом привести этот механизм в со-

ответствии с положениями ст. 4 ЖК РФ попытался ВС РФ, однако постановление Пленума ВС РФ не относится к числу законодательных актов и не может служить средством восполнения пробелов (недостатков) в императивных, конституционного гарантированных, нормах права.

В отношениях по пользованию кооперативными жилыми помещениями жилищное законодательство закрепляет промежуточный вариант. С одной стороны, предусматривается основание для утраты права пользования жилым помещением у члена жилищного кооператива и проживающих с ним членов его семьи. К нему относится невыплата паевого взноса и исключение члена из кооператива в случаях, предусмотренных в ч. 3 ст. 130 ЖК РФ. С другой стороны, в качестве способа прекращения права на жилое помещение (в отличие от прекращения вещных прав на жилые помещения – ст. 31 ЖК РФ) законодатель предусматривает выселение из жилого помещения, обеспечивая, таким образом, гарантии от произвольного лишения права на жилое помещение. Это вызвано тем, что решение об исключении из членов кооператива принимает общее собрание членов кооператива (конференция), а основания для исключения члена из кооператива закреплены достаточно обобщенно и носят оценочный характер в каждой конкретной ситуации. Поэтому гарантии не злоупотребления со стороны кооператива по отношению к своим членам могут быть обеспечены посредством реализации принципа, закрепленного в ст. 4 ЖК РФ, через выселение в судебном порядке.

Неодинаково законодатель подходит к установлению порядка и оснований выселения в отношениях коммерческого найма.

Выселение из помещений, занимаемых по договору коммерческого найма, определено в качестве последствия расторжения договора (ст. 688 ГК РФ). Сами основания и порядок расторжения договора коммерческого найма закреплены в ст. 687 ГК РФ. Таким образом, только те основания, которые перечислены в этой статье, могут привести к выселению нанимателя и проживающих с ним в жилом помещении граждан. В то же время в иных нормах ГК РФ, регулирующих отношения коммерческого найма, предусматривается основание для прекращения права пользования, и выселение для этого законодательством не требуется. Так, договор коммерческого найма является срочным, заключаемым на срок, не превышающий пяти лет (п. 1 ст. 683 ГК

РФ). Следовательно, по окончании срока договора право пользования жилым помещением у нанимателя прекращается, если не реализовано в порядке ст. 684 ГК РФ преимущественное право нанимателя на заключение договора на новый срок. Истечение срока договора не требует выселения нанимателя из жилого помещения для целей прекращения его права пользования жилым помещением.

Однако на практике не сложилось единого понимания защиты прав собственника жилого помещения в случае окончания срока договора коммерческого найма. В некоторых случаях предъявляются иски о выселении нанимателей из жилых помещений по окончании срока договора, в других – о признании нанимателя утратившим право пользования жилым помещением. При этом часто, при принятии исковых заявлений о признании нанимателей утратившими право пользования жилыми помещениями в связи с окончанием срока договоров коммерческого найма, суды требуют уточнения исковых требований с заменой их на требования о выселении из жилых помещений, в то время как в ГК РФ таких положений мы не обнаруживаем.

Допускаемый законодателем различный подход к основаниям и способам прекращения права пользования жилым помещением подтверждается и нормой подпункта е п. 31 Правил регистрации и снятия граждан с регистрационного учета по месту пребывания и жительства в пределах РФ и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17.07.1995 г. № 713 [3]. Снятие гражданина с регистрационного учета по месту жительства производится органами регистрационного учета в случае выселения из занимаемого жилого помещения или признания утратившим право пользования жилым помещением - на основании вступившего в законную силу решения суда.

Таким образом, прекращение права пользования жилым помещением может быть реализовано посредством выселения (это требование должно быть прямо закреплено в законе, включая основания выселения, для соответствующих отношений) либо посредством признания лица утратившим право пользования жилым помещением (это иные случаи, когда законодатель не предусматривает порядок и основания выселения из жилого помещения). Причем, если гражданин зарегистрирован в жилом помещении по месту жительства, то вы-

селение, и признание его утратившим право пользования, должны быть осуществлены только в судебном порядке, иначе регистрирующий орган не прекратит регистрацию гражданина в жилом помещении, право пользования которым у лица прекратилось. Между тем и жилищное и гражданское законодательство не всегда для прекращения права лица пользоваться жилым помещением устанавливают такой способ прекращения, как выселение. Требование же о признании лица утратившим право пользования обеспечивается в законодательстве определенными обстоятельствами, наступление которых само по себе является достаточным для прекращения жилищного права без обращения в суд.

Существуют некоторые коллизии в регулировании оснований расторжения договора социального найма жилого помещения и выселения из него.

По общему правилу, как и в договоре коммерческого найма, в социальном найме выселение логически является правовым последствием расторжения договора. В то же время только для договора социального найма характерны ситуации выселения из жилого помещения без расторжения договора найма в целом. Это связано с правовым статусом нанимателя и членов его семьи (бывших членов его семьи), которые имеют равные права и обязанности по договору социального найма, несут ответственность (солидарную и индивидуальную) по обязательствам, вытекающим из договора. В частности, ст. 91 ЖК РФ предусматривает выселение из жилого помещения виновного лица (члена семьи) за ненадлежащее использование жилого помещения, нарушение прав и интересов соседей и т. п. без расторжения договора найма в отношении всех остальных граждан (не нарушителей), проживающих в жилом помещении.

В тех же случаях, когда выселение выступает последствием расторжения договора социального найма, основания для расторжения договора и выселения из жилого помещения должны полностью совпадать, однако в нормах ЖК РФ это не обеспечено в полной мере. Среди оснований расторжения договора социального найма закреплено невнесение нанимателем платы за жилое помещение и (или) коммунальные услуги в течение более шести месяцев (п. 1 ч. 4 ст. 83 ЖК РФ). Аналогичное основание предусмотрено для выселения нанимателя из жилого помещения, занимаемого по договору социального найма, только закреплено оно иначе,

чем для расторжения договора (ст. 90 ЖК РФ). В результате получается правовой казус: расторгнуть договор социального найма можно и по основанию, не совпадающему с основанием выселения, выступающим последствием такого расторжения. Так, для расторжения договора достаточно, чтобы наниматель не вносил или плату за жилое помещение, или плату за коммунальные услуги в течение более шести месяцев. В то время как выселение из жилого помещения, предоставленного по договору социального найма, допускается при наличии задолженности более шести месяцев по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги в совокупности. Если наниматель не оплачивает только коммунальные услуги, но не имеет задолженности по оплате за жилое помещение, то основание для выселения отсутствует. Кроме того, согласно формулировке статьи ЖК РФ для расторжения договора социального найма не имеет значения причина невнесения платы за жилое помещение и (или) коммунальные услуги, напротив, выселить должника-нанимателя возможно только, если отсутствовали уважительные причины неоплаты. Таким образом, отмеченная несогласованность может привести на практике к различным толкованиям не в пользу нанимателя и членов его семьи при решении вопроса о прекращении права пользования жилым помещением, предоставленным по договору социального найма.

Отдельное закрепление оснований для расторжения договора социального найма и для выселения из жилого помещения приводит и к серьезным нарушениям прав нанимателя и членов его семьи, когда суды также разделяют вопросы расторжения и выселения. Так, только применительно к выселению из жилого помещения законодатель закрепляет варианты выселения: с предоставлением другого жилого помещения (благоустроенного и неустроенного) и без предоставления другого жилого помещения (ст. 84 ЖК РФ). Применительно к расторжению договора социального найма обязательства по предоставлению другого жилого помещения законодатель не устанавливает. В практике встречаются такие примеры судебных решений, когда суд удовлетворяет заявленный иск исключительно о расторжении договора социального найма, при этом не решая вопрос о выселении из жилого помещения (последнее требование даже не предъявляется). Таким образом, требование о том, что в

решении о выселении из жилого помещения должно быть указано жилое помещение, предоставляемое гражданину, выселяемому в судебном порядке (п. 3 ст. 89 ЖК РФ), оказывается невыполненным. В результате при расторжении в судебном порядке договора социального найма без решения вопроса о выселении гражданин считается прекратившим (утратившим) право пользования жилым помещением. Выселение же предполагается осуществить, по смыслу норм ЖК РФ, из помещений, предоставленных по договору социального найма. Если договор расторгнут, то не имеется оснований полагать, что гражданину спорное жилое помещение предоставлено по этому договору. В рассматриваемом практическом примере после расторжения в судебном порядке договора социального найма в связи с капитальным ремонтом дома наймодателем спорное помещение было предоставлено новой семье, с которой был заключен договор социального найма. В итоге предыдущему нанимателю, оказавшемуся фактически на улице, пришлось защищать свои права, не имея права на жилое помещение из-за отмененного казуса российского законодательства.

Помимо выселения из жилого помещения в отношениях социального найма может быть использован *иной способ защиты, направленный на расторжение договора найма в отношении отдельного лица – признание лица утратившим право пользования жилым помещением*. Указанный способ применяется по аналогии закона (ч. 3 ст. 83 ЖК РФ), что разъясняется в Постановлении Пленума ВС РФ № 14 от 2.07.2009 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении ЖК РФ» (п. 32). Если отсутствие в жилом помещении нанимателя и (или) членов его семьи не носит временного характера, то заинтересованные лица (наймодатель, наниматель, члены семьи нанимателя) вправе потребовать в судебном порядке признания их утратившими право на жилое помещение на основании части 3 статьи 83 ЖК РФ в связи с выездом в другое место жительства и расторжения тем самым договора социального найма. Таким образом, судебная практика исходит из того, что признать указанных лиц утратившими право пользования жилым помещением можно только в судебном порядке. В то время как рассматриваемый вопрос относился к правовым пробелам и в ранее действовавшем законодательстве (в ЖК РСФСР) и не был решен при принятии нового ЖК РФ.

В отличие от социального найма в договоре специализированного найма законодательно предусмотрена привязка расторжения договора и выселения из жилого помещения (ст. 103 ЖК РФ). В случаях расторжения или прекращения договоров найма специализированных жилых помещений граждане должны освободить жилые помещения, которые они занимали по данным договорам. При отказе освободить такие жилые помещения указанные граждане подлежат выселению в судебном порядке без предоставления других жилых помещений, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 102 ЖК РФ и ч. 2 ст. 103 ЖК РФ. Единственное исключение в порядке и основаниях прекращения права пользования жилым помещением установлено для членов семьи нанимателя служебного жилого помещения, к ним применяются нормы ч. 2-4 ст. 31 ЖК РФ, регулирующие прекращение права пользования жилым помещением членов семьи собственника. Здесь не используется выселение из жилого помещения как способ прекращения права пользования.

Представленный анализ института выселения из жилых помещений, право пользования которыми возникает по различным основаниям, позволяет сделать следующий итоговый вывод.

Институт выселения, вытекающий из общего принципа жилищного права, имеющего конституционную основу, должен найти четкое закрепление применительно к различным основаниям возник-

новения права пользования жилым помещением и надлежащее соотношение с иными способами защиты и прекращения прав на жилые помещения. Системное решение указанного вопроса позволит в полной мере реализовать конституционно гарантированный принцип неприкосновенности жилища и недопустимости его произвольного лишения, а также обеспечить необходимое соотношение норм гражданского и жилищного законодательства в вопросе закрепления оснований прекращения прав на жилые помещения.

Литература

1. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Склановой, Р.М. Склановой и В.М. Ширяева» не учитываются интересы указанных лиц при разрешении споров, в которых сталкиваются интересы собственника вещи и добросовестного ее приобретателя.
2. Обзор законодательств и судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2005 г. (вопрос №41), утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 1.03.2006 г. // www.vsrfl.ru
3. Российская газета. 27 июля 1995.

УДК 347.23:349.6

Мисник Г.А.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ В СВЕТЕ ПРОЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Статья посвящена исследованию правоотношений собственности на природные объекты в свете реформы гражданского законодательства, направленной на усиление гражданско-правовых начал в регулировании данных отношений. Проект изменений, вносимых в Гражданский кодекс РФ, в части определения содержания права собственности на природные объекты имеет существенные недостатки, способные привести к усилению существующего в обществе конфликта интересов граждан, состоящих в реализации естественного права пользования окружающей средой, и имущественных интересов природных объектов. В целях устранения названного противоречия в работе предлагается развитие института народного достояния в отношении природных объектов, имеющих наибольшую социальную ценность.

The article is devoted to the legal ownership of natural objects in the light of the reform of the civil legislation aimed at strengthening civil legal regulation of relations in the data. Draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation, part of the determination of ownership of natural objects have significant shortcomings that

could lead to greater societal conflict of interest of citizens in the natural right of enjoyment of the environment, and property interests of the owners of natural objects. In order to address the aforementioned contradiction we propose the development of Institute of national heritage in natural objects that have the highest social value.

Ключевые слова: *Собственность, реализация права, экологический интерес, гарантии, защита права, народное достояние, гражданский, субъекты права.*

Keywords: *Property right, environmental interest, guarantees, protection of rights, national heritage, civil, legal subjects.*

Многочисленные факты нарушений режима общего доступа к природным объектам, находящимся в государственной или муниципальной собственности, и безуспешные попытки решить данный вопрос методами государственного принуждения диктуют необходимость обращения к вопросу о совершенствовании правовой модели имущественных отношений в сфере природопользования, позволяющей примирить объективно существующий конфликт интересов собственника, субъектов права общего природопользования и публичных экологических интересов.

Отсутствие правовой определенности в вопросе о юридически значимых границах частного интереса приводит к появлению противоречивых тенденций в теоретическом исследовании института права собственности. Однако бесспорным является утверждение о равенстве всех форм собственности. Равенство субъектов гражданского права предполагает единство гражданско-правовых и публичных пределов реализации права для всех субъектов права.

Как утверждает С.А.Авакьян, «реализация норм права имеет много аспектов, но все они так или иначе связаны с качеством, механизмом их действия, материальной обеспеченностью, уровнем общественного сознания, наконец, с подготовленностью тех, кто осуществляет правоприменение». Он же справедливо подчеркивает, что каждая отрасль имеет свои особенности реализации правовых предписаний и формы и методы ее обеспечения. Однако вместе с тем существует и общее представление о характере реализации, применении правовых норм.

До настоящего времени не разрешен спор между сторонниками идеи твердого соблюдения законодательства и свободного права. Российское законодательство допускает усмотрение в деятельности государственного аппарата, границы которого зачастую не получают четкого определения в законодательстве. Так, пределы реализации права

частной собственности на природные объекты также устанавливаются не законом, а подзаконными нормативными актами, которые отражают усмотрение органа исполнительной власти. В таком порядке определяется целевое назначение и разрешенное использование земельных и лесных участков, приоритетное использование водных объектов.

Проект изменений Гражданского кодекса РФ оставляет открытым вопрос о способах регламентации пределов права собственности на природный объект. Согласно ст.288 проекта ГК ограничения общего пользования земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности, а также разрешенные формы пользования природными ресурсами устанавливаются законами и иными правовыми актами субъектов РФ и муниципальных образований. Следовательно, проект ГК относит вопрос определения содержания права собственности на природные объекты к компетенции субъектов РФ и муниципальных образований.

Таким образом, признавая публичные образования равноправными субъектами гражданского права, законодатель закрепляет значительно больший объем свободы по отношению к другим субъектам. В наибольшей степени неопределенность права проявляется в вопросах установления пределов реализации права собственности на природные объекты, что влечет последствия двоякого рода. С одной стороны, отсутствие твердых гарантий реализации права общего доступа к природным объектами для целей естественного природопользования, с другой - ущербность права собственности на природный объект в силу изъятия из его содержания неотъемлемого элемента в виде права владения. Режим общего пользования не может признаваться ограничением права, так как данный режим не предполагает стеснение собственника в его правах, а лишает его одного из правомочий. С точки зрения

гражданского права такой режим означает прекращение права, но не его ограничение.

В природоресурсном законодательстве данный режим не только не влечет прекращение права, но и не признается ограничением с вытекающими последствиями в виде компенсации и прочих гарантий собственнику. Данная конструкция искусственна и нежизнеспособна в силу объективного противоречия предназначению института собственности.

В регламентации содержания права собственности на природные объекты нормы гражданского права вступают в противоречие с природоресурсным законодательством. Гражданский кодекс Российской Федерации предоставляет весьма широкие права собственникам земли в использовании по своему усмотрению всего, что находится над и под поверхностью земельного участка (ст. 261 п. 3 ГК РФ). По мнению ряда ученых, закрепление данной нормы при отсутствии развитого законодательства явно преждевременно. Это отражает скорее стремление к утверждению абсолютного права собственности, чем к господствующей сейчас тенденции значительного ограничения прав земельного собственника в общественных интересах. Так, статья 260 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает практически абсолютную свободу собственника распоряжаться своим земельным участком [1].

Преодолению данного противоречия должно служить определение на уровне федеральных законов исчерпывающего перечня обязанностей собственника природного объекта по сохранению природных свойств объекта и установление правовых форм регламентации данных обязанностей, соответствующих единым правовым критериям.

Одной из правовых форм регламентации публичных обязанностей собственника является установление разрешенного использования объекта. Правовое регулирование установления и изменения целевого назначения и/или видов разрешенного использования земельных и лесных участков является одной из наиболее актуальных проблем, обсуждаемых в рамках природоресурсного права.

Отсутствие достаточной правовой регламентации процедуры установления и изменения разрешенного использования данных объектов, а также неоднозначное определение юридической взаимосвязи данных правовых требований является причи-

ной многочисленных нарушений права собственности на данные объекты.

При установлении режима пользования земельным участком стороны зачастую предусматривают разрешенный вид пользования, выбирая один или несколько видов из перечня, предусмотренного градостроительным регламентом. Правомерно ли такое ограничение? Этот вопрос в законодательстве не решен.

Положение о единстве права собственности, основанное на межотраслевых правовых нормах, содержащихся в Конституции РФ, ГК РФ и в ряде федеральных законов, в его формализованном выражении идентично тем определениям понятия права собственности, которые даются в современной российской доктрине права. Один из наиболее авторитетных ученых-конституционалистов и цивилистов Г.А. Гаджиев утверждает, что «существует одно единое право собственности, предполагающее, что у всех субъектов права, признаваемых собственниками, имеются одинаковые полномочия, и государство должно обеспечивать равную защиту прав всех собственников, в том числе путем отказа от неоправданных ограничений объектного состава имущества, которое может принадлежать публичным собственникам» [2, с.14].

Необходимость правовой регламентации содержания права собственности в направлении усиления публичных начал регулирования порождает вопрос о дифференциации объектов права собственности с точки зрения их социального предназначения.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о достаточно эффективном использовании метода дифференцированного регулирования отношений публичной и частной собственности. Так, в США выделяют природные объекты, имеющие режим национального достояния, и объекты частной собственности. Режим частной собственности основан на принципе неприкосновенности. Публичная собственность используется исключительно в интересах всего общества. Договор доверительного управления государственным имуществом, при котором доверенное лицо по договору не преследует цели получения собственной прибыли, препятствует нерациональному использованию природных ресурсов. Это, как представляется, имеет положительное социально-экономическое значение. Поэтому включение проблем траста в круг обсуждаемых научных концепций послужит в отечественных усло-

виях лишь на пользу дела. Таковы, как представляется, «внутренние» перспективы у этой доктрины. Но у нее есть и международный аспект.

Траст может учреждаться не только в отношении имущества недееспособного лица. Он может возникать также по договору между собственником имущества и выбранным им лицом, которому первый поручает управление своим имуществом. Например, в США и ряде других западных стран институт траста используют некоторые состоятельные лица, желающие сохранить благоприятные природные особенности принадлежащих им лесов, земель и вод. Они передают эту недвижимость хорошо зарекомендовавшим себя профильным общественным организациям, с тем чтобы те бессрочно управляли ею при соблюдении известных правил охраны природы, допуская посетителей и проведение научных исследований [3].

Граждане могут быть против точечной застройки исходя из эстетических соображений, поскольку строительство «нарушает вид из окна». В зарубежных странах, где давно сформировалось гражданское общество и вытекающее из этого соответствующее отношение судов к правам человека, этот аргумент часто принимается во внимание. Так, еще в 1971 г. в США в деле по иску Фонда защиты окружающей среды против Армейского корпуса инженеров судом были ограничены полномочия Армейского корпуса, предоставленные ему законодательно для сооружения водохозяйственных объектов. Суд отменил решение о строительстве Гильемской плотины, указав, что в случае продолжения данного строительства граждане будут лишены присущего человеку права получать эстетическое удовлетворение от общения с природой, что является неотъемлемой частью его права на жизнь и свободу, защищенного поправками V и XVI к Конституции США 1791 года, и входит в список неперечисленных прав, сохраняемых за народом в соответствии с поправкой IX [4, с. 41].

Новый подход к регулированию отношений собственности на природные объекты еще только формируется и связан с глобализацией и усилением экологических проблем. Например, в Конституции Бразилии в главе VI «Об окружающей среде» имеется § 4, который объявляет бразильские леса в районе реки Амазонки и некоторые другие природные зоны национальным достоянием. Вместе с тем, поскольку, несмотря на все меры, предпринимаемые

правительством Бразилии, и усилия «зеленых», вырубка этих лесов не только продолжается, но темпы её даже усиливаются, вероятно, для решения проблемы требуется более активное использование международного права и международных институтов для обеспечения мер по защите Амазонии [5].

Бесспорно, понятие природного объекта как объекта права собственности нуждается в конкретизации в целях отражения его социальной ценности и установления публичных пределов реализации права собственности на данные объекты. Вместе с тем нельзя абсолютизировать интересы общественности, поскольку, как справедливо отмечала М.И. Васильева, «безмерное расширение общественного вмешательства - это такая же крайность, как и существовавшие до последнего времени чисто аппаратные, закрытые способы решения экологически значимых проблем» [6, с.17].

Конкуренция административно-правовых и частноправовых методов регулирования общественных отношений является одной из главных проблем современной российской правовой системы, которая наглядно проявляется в области охраны и рационального использования природных ресурсов, реализации права собственности на них. Трудно поддержать мнение о недопустимости экспансии гражданского права в экологическую комплексную отрасль права: отработанные, четкие и апробированные за тысячелетия гражданско-правовые предписания (немаловажно, что их установление отнесено Конституцией РФ к ведению Федерации) должны придавать стабильность природоресурсным отношениям, обеспечивать наряду с государственным регулированием их эффективную правовую защиту [7].

Проводимая в стране модернизация права собственности влечет за собой и необходимость введения в Конституцию РФ положения об образовании особой формы собственности, называемой всенародным достоянием [8]. Объектами данного права народной собственности, помимо земли и других природных ресурсов, могут быть территории и места общего пользования граждан (улицы, площади, парки, побережья рек, морей и иных больших водоемов), национальные музеи, театры, иные культурные ценности, использование и развитие которых должно осуществляться за счет налоговых отчислений, получаемых государством [8].

Специфика реализации права собственности на природные объекты существенна, что позволяет признать обоснованным мнение о декларативности провозглашения государственной собственности на отдельные виды природных объектов, в частности, животный мир. По мнению Д.Е. Захарова, дикие животные в состоянии естественной свободы не могут быть признаны вещами и из сферы гражданско-правового регулирования исключаются [9].

Профессор О.Л. Дубовик отмечает особое содержание и значение права собственности на природные ресурсы. Специфическое содержание конституционного права собственности на землю и иные природные ресурсы, по ее мнению, состоит в:

- определении публично-правового режима этих объектов, что означает регулирование вопросов природных ресурсов, земли, статику и динамику их правового режима в рамках и на основе Конституции РФ;

- установлении принадлежности земли и природных ресурсов, что осуществляется в первую очередь путем разграничения компетенции, т.е. ведения РФ (ст. 71 Конституции РФ), совместного ведения (ст. 72), ведения субъектов РФ (ст. 73);

- установлении обязанностей и правомочий государства в отношении земли и природных ресурсов, т.е. определении конституционного содержания права собственности и его публично-правового выражения.

Важнейшим ограничением права собственности на землю и другие природные ресурсы, по мнению О.Л. Дубовик, следует считать экологическую связанность этого права как установление экологически обоснованной с учетом состояния науки и техники, юридически оформленной в законодательных и иных нормативно-правовых актах системы условий и процедур реализации права собственности на природные ресурсы, которые обеспечивают предупреждение экологических рисков, запреты заведомо негативного воздействия на окружающую среду. Другое ограничение – социальное. Осуществление права собственности на землю и иные природные ресурсы не может препятствовать праву граждан на благоприятную окружающую среду и иным правам, предусмотренным как в ст. 42 Конституции РФ, так и в рамках других законов [10, с.183].

В литературе высказывается мнение о всеобъемлющем характере права государственной собственности, что выражается в отсутствии пределов

осуществления правомочий государства как собственника. Государство выступает одновременно и как политический суверен, и как собственник. Оно само исходя из воли и интересов всего народа своей властью определяет, каким содержанием будут наполнены его правомочия и в каком порядке, в каких правовых формах они будут осуществляться [11].

Проф. В.П. Грибанов в своей работе «Осуществление и защита гражданских прав» отмечает, что «вопрос о пределах осуществления гражданских прав – это проблема борьбы со злоупотреблением гражданскими правами» [12], и с этим трудно не согласиться, так как лицо, осуществляя гражданские права, должно знать границы возможного. На практике получается так, что лицо, которому было предоставлено право на какие-либо действия или бездействие, начинает переходить все границы дозволенного, таким образом, злоупотребляя правом. В связи с тем, что вопрос о злоупотреблении правом с давних времен является дискуссионным, в ГК РСФСР категория «злоупотребления правом» не получила отражения.

По данному вопросу в теории права высказаны следующие точки зрения: М.М. Агарков отмечал, что нет такого понятия, как «злоупотребление правом», «те действия, которые называют злоупотребление правом, на самом деле совершены за пределами права» [13]. М.И. Бару высказывает мнение о том, что «термин «злоупотребление правом» имеет право на существование и выражает такие существующие в действительности отношения, где управомоченный субъект допускает недозволенное использование своего права, но при этом всегда внешне опирается на субъективное право» [14].

Злоупотребление гражданским правом принято рассматривать как превышение пределов дозволенного гражданским правом осуществления своих правомочий путем осуществления их с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц. Установление пределов осуществления права собственности на природные объекты отражает оценку законности реализуемого субъектом права интереса. Учитывая объективную возможность возникновения противоречий законных интересов различных субъектов права, в гражданском законодательстве следует отразить правовые критерии преодоления конфликта законных интересов, которое должно быть основано на приоритете права, имеющего

наибольшую социальную ценность. Общеправовое значение приоритета защиты права граждан на благоприятную окружающую среду диктует необходимость выделения в законодательстве перечня природных объектов, имеющих общегосударственное значение с учетом их экологических и социальных функций, что предполагает установление в отношении названных объектов режима народного достояния, реализуемого исключительно в рамках публичного права.

Литература

1. Клюкин Б.Д. Многообразие форм собственности на природные объекты // Право и экономика. 1998. № 1.
2. Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М., 2008.
3. Евсегнеев В.С. О концепции доверительной собственности (траст) // Журнал российского права. 2008. № 5.
4. Краснова И.О. Экологическое право и управление в США. М., 1992.
5. Андреева Г.Н. Объекты права собственности в конституциях зарубежных стран: ретроспективный

взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 1.

6. Васильева М.И. Общественные экологические интересы: правовое регулирование (комментарий к законодательству). М., 1999.
7. Боголюбов С.А. Проблемы реализации права собственности на природные ресурсы // Журнал российского права. 2006. № 12.
8. Мозолин В.П. Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал российского права. 2011. № 1.
9. Захаров Д.Е. К вопросу о праве собственности на животный мир.
10. Дубовик О.Л. Экологическое право. М., 2004.
11. Солгалова Г.С. Правовое регулирование государственной собственности // Административное и муниципальное право. 2011. № 3
12. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001.
13. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. 1946. № 6.
14. Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12.

УДК 349.3

Сулейманова Г.В.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В статье автор рассматривает проблемные вопросы действующего законодательства о пенсионном обеспечении военнослужащих и членов их семей. Высказываются предложения по внесению изменений в ряд законов.

In the article the author examines problematic questions of the current legislation about the pension of soldiers and members of their families. Proposals on the introduction of changes in a number of laws speak out.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение; трудовой стаж; военнослужащие и члены их семей.

The keywords: pension guarantee; working period; soldiers and the members of their families.

Российское государство постоянно уделяет внимание вопросам социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Достаточно вспомнить масштабное увеличение денежного довольствия военнослужащих с 1 января 2012 г. и принятие специального федерального закона по этому вопросу [1].

Пенсионное обеспечение лиц, проходивших военную службу и членов их семей, также постоянно совершенствуется. Так, с 1 января 2007 г., при наличии условий для назначения трудовой пенсии по старости, лица, проходившие военную службу, имеют право на одновременное получение пен-

сии за выслугу лет или пенсии по инвалидности, предусмотренных Законом о пенсиях военным [2], и трудовой пенсии по старости (за исключением фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии по старости), устанавливаемой в соответствии с Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [3].

Между тем есть и ряд проблем, с которыми сталкиваются бывшие военнослужащие и члены их семей при реализации своего права на пенсионное обеспечение. На некоторые из этих проблем и хотелось бы обратить внимание в статье.

1) Порядок исчисления денежного довольствия военнослужащих для назначения пенсии

Согласно ст. 43 Закона о пенсиях военным, пенсии, назначаемые бывшим военнослужащим и их семьям, исчисляются из денежного довольствия. При этом для исчисления пенсии учитываются в порядке, определяемом Правительством РФ, оклад по воинской должности или должностной оклад, оклад по воинскому званию или оклад по специальному званию (без учета повышения окладов за службу в отдаленных, высокогорных местностях и в других особых условиях) и ежемесячная надбавка или процентная надбавка за выслугу лет (стаж службы), включая выплаты в связи с индексацией денежного довольствия.

Закон о денежном довольствии военнослужащих предусматривает, что денежное довольствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, состоит из месячного оклада в соответствии с присвоенным воинским званием (оклад по воинскому званию) и месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью (оклад по воинской должности), которые составляют оклад месячного денежного содержания военнослужащего (оклад денежного содержания) и из ежемесячных и иных дополнительных выплат (дополнительные выплаты).

Военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, устанавливаются следующие дополнительные выплаты: ежемесячная надбавка за выслугу лет; ежемесячная надбавка за классную квалификацию (квалификационную категорию, квалификационный класс); ежемесячная надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну; ежемесячная надбавка за особые условия военной службы; ежемесячная надбавка за выполнение задач, непосредственно связанных с

риском для жизни и здоровья в мирное время; ежемесячная надбавка за особые достижения в службе; премия за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей; ежегодная материальная помощь.

Таким образом, в расчет денежного довольствия военнослужащих для определения размера пенсии не включаются многие надбавки и дополнительные выплаты, предусмотренные Законом о денежном довольствии военнослужащих, в результате чего значительно снижается размер пенсии. В связи с этим следует согласиться с мнением тех авторов [4], которые считают, что необходимо внести изменения в Закон о пенсиях военным, предусмотрев в нем включение в денежное довольствие военнослужащих, учитываемое при исчислении им пенсий, ежемесячных надбавок к денежному довольствию и других дополнительных выплат, носящих постоянный характер.

2) Отчисление страховых взносов с денежного довольствия военнослужащих

Далеко не все военнослужащие увольняются со службы, имея право на пенсию за выслугу лет. После увольнения со службы они работают по трудовому договору и при достижении установленного возраста, обращаются за назначением трудовой пенсии по старости. И вот здесь они сталкиваются с проблемой, на сегодняшний день не урегулированной действующим законодательством, на которую уже неоднократно обращали внимание в специальной литературе [5].

Закон о трудовых пенсиях предусматривает, что при исчислении размера трудовой пенсии по старости, учитывается так называемый пенсионный капитал, который формируется за счет страховых взносов в Пенсионный фонд РФ. Между тем в соответствии с действующим законодательством с денежного довольствия военнослужащих не уплачиваются взносы в государственные внебюджетные фонды, и у них нет накоплений на индивидуальном лицевом счете застрахованного лица в Пенсионном фонде РФ. В результате размер пенсии по старости у военнослужащих будет гораздо меньше, чем у остальных граждан, исполнивших трудовые обязанности, на индивидуальном лицевом счете которых производились накопления страховых взносов.

Для устранения указанной проблемы необходимо внести изменения в Закон о страховых взно-

сах [6], предусмотрев в нем обязательность уплаты страховых взносов с денежного довольствия военнослужащих.

3) Исчисление стажа для пенсии супругам военнослужащих

Супруги военнослужащих, как правило, живут вместе со своими мужьями – военнослужащими по месту прохождения службы. Далекое не всегда это большие населенные пункты, где можно найти работу по любой профессии или специальности. Закон о трудовых пенсиях предусматривает, что в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, за которые уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд РФ, включается период проживания супругов военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, вместе с супругами в местностях, где они не могли трудиться в связи с отсутствием возможности трудоустройства, но не более пяти лет в общей сложности. Причем этот период засчитывается в стаж для пенсии в том случае, если ему предшествовали и (или) за ним следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности), когда уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд РФ.

Однако следует вспомнить, что Закон о государственных пенсиях [7], действовавший до 1 января 2002 г., предусматривал, что в общий трудовой стаж, необходимый для пенсии по старости, включаются наравне с работой периоды проживания жен (мужей) военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, вместе с мужьями (женами) в местностях, где они не могли трудиться по специальности в связи с отсутствием возможности трудоустройства. При этом никаких ограничений по продолжительности этих периодов Закон о государственных пенсиях не предусматривал.

Таким образом, действующий Закон о трудовых пенсиях ухудшил положение супругов военнослужащих по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Это никоим образом не согласуется с общеправовым принципом неухудшения положения субъектов правоотношений. По общему правилу, закон, ухудшающий положение субъектов (например, ужесточающий наказание), обратной силы не имеет. Такой закон распространяет свое действие только на те отношения, которые возникли после вступления в силу этого закона. В праве социально-

го обеспечения вообще и в вопросах пенсионного обеспечения в частности наблюдается прямо противоположная ситуация когда принимаются и действуют законы, ухудшающие положение субъектов правоотношений и такие законы распространяются и на правоотношения, существовавшие задолго до принятия этих законов.

В этой связи специалисты отмечают, что в последнее время особую значимость приобретает проблема отсутствия преемственности правового регулирования отношений по социальному обеспечению [8]. Между тем правоведы обоснованно выступают за сохранение преемственности при изменении законодательства о социальном обеспечении. Так, В.Д. Зорькин подчеркивает, что в социальной сфере законодатель не может действовать радикально, поскольку социальные права имеют значение политического стабилизатора, обеспечивая возможность поступательного общественного развития без эксцессов и революционных потрясений [9]. А.М. Лушников, М.В. Лушникова пишут: «...в силу того, что многие социально обеспечительные отношения носят длящийся характер, законодательство о социальном обеспечении должно строиться на запрете поворота к худшему по сравнению с существовавшим до принятия новой нормы правовым положением получателя социальных выплат и услуг» [10].

Кроме того, есть еще одна жизненная ситуация, когда супруга военнослужащего не может работать. Это те периоды, когда супруги военнослужащих вынуждены не работать по состоянию здоровья детей, связанному с условиями проживания по месту военной службы супруга, если по заключению учреждения здравоохранения их дети нуждаются в постороннем уходе. Если ребенок будет признан инвалидом, то в страховой стаж будет засчитан весь период ухода за таким ребенком. Если же ребенка инвалидом не признают, то время, когда женщина вынуждена не работать, ухаживая за больным ребенком, не будет засчитано ей в страховой стаж.

В данном случае также необходимо изменить нормы действующего закона о трудовых пенсиях, предусмотрев возможность включения в страховой стаж супругов военнослужащих тех периодов, когда они вынуждены были не работать и в связи с отсутствием возможности трудоустройства и по состоянию здоровья детей, связанному с условиями проживания по месту военной службы супругов.

4) Исчисление страхового стажа

Говоря о пенсионном обеспечении супругов военнослужащих, нужно еще вспомнить о том, что есть проблемы, связанные с исчислением страхового стажа, затрагивающие не только данную категорию, но и всех женщин нашей страны в целом.

Ранее действовавший Закон о государственных пенсиях предусматривал, что наравне с работой в общий трудовой стаж для пенсии включались периоды ухода неработающей матери за каждым ребенком в возрасте до трех лет, но не более 9 лет в общей сложности, а также периоды подготовки к профессиональной деятельности - обучение в училищах, школах и на курсах по подготовке кадров, повышению квалификации и по переквалификации, в средних специальных и высших учебных заведениях, пребывание в аспирантуре, докторантуре, клинической ординатуре.

Действующий сегодня Закон о трудовых пенсиях включает в страховой стаж период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста полутора лет, но не более трех лет в общей сложности. Что касается периодов профессиональной подготовки, то они полностью исключены из страхового стажа. Таким образом, женщина, имеющая троих детей и закончившая высшее учебное заведение по очной форме, сегодня в свои 55 лет при оформлении пенсии по старости потеряет 11 лет стажа, что вряд ли можно признать социально справедливым и оправдать экономическими интересами государства или еще какими-то причинами.

В последние годы государство много внимания уделяет вопросам социальной защиты семьи, охране материнства и детства. В рамках политики, направленной на повышение рождаемости, были введены родовые сертификаты; выплачивается материнский капитал при рождении второго (или последующих) детей после 1 января 2007 года; предусмотрено предоставление земельных участков семьям, имеющим 3 и более детей; утверждена национальная стратегия действий в интересах детей [11].

Между тем проведенный анализ законодательства о пенсионном обеспечении военнослужащих и членов их семей показал, что действующее законодательство, далекое от совершенства, весьма противоречиво по своему содержанию. Представляется, что в социальном государстве, которым согласно ст. 7 Конституции является Российская Федерация, женщина не должна задумываться над вопросом о

том, получать ли ей высшее образование, рожать детей или лучше работать, чтобы заработать страховой стаж для пенсии по старости.

Литература

1. Федеральный закон от 07.11.2011 N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 45. Ст. 6336. Далее по тексту – Закон о денежном довольствии военнослужащих.

2. Закон РФ от 12.02.1993 N 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. N 9. Ст. 328. Далее по тексту – Закон о пенсиях военным.

3. Федеральный закон от 17.12.2001 N 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (1 ч.). Ст. 4920. Далее по тексту – Закон о трудовых пенсиях.

4. *Корякин В.М.* Государственное пенсионное обеспечение лиц, уволенных с военной службы, и их семей // Право социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Серия «Право в Вооруженных Силах - консультант». М., 2005.

5. *Быковская Ю.В.* О вопросах реформирования системы пенсионного обеспечения в органах внутренних дел // Социальное и пенсионное право. 2011, N 4; Фатеев К.В., Харитонов С.С. О проблемах пенсионного обеспечения граждан, уволенных с военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2010, N 9.

6. Федеральный закон от 24.07.2009 N 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» // Собрание законодательства РФ. 2009. N 30. Ст. 3738. Далее по тексту – Закон о страховых взносах.

7. Закон РФ от 20.11.1990 N 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации» // Ведомости Советов народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. N 27. Ст. 351. Далее по тексту – Закон о государственных пенсиях.

8. *Гусева Т.С.* Проблемы реализации права на социальное обеспечение семьями, имеющими детей, в Рос-

сийской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 1.

9. Зорькин В.Д. Конституция и права человека в XXI веке. М., 2008

10. См.: Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. М., 2009.

11. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. N 23. Ст. 2994.

УДК 349.3

Аверина В.Н.

СООТНОШЕНИЕ АБСОЛЮТНЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ДОГОВОРЕ ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Статья посвящена особенностям договора простого товарищества, связанным с возникновением на его основе не только относительных правоотношений, характерных для обычных гражданско-правовых договоров, но и правоотношений общей долевой собственности, которые по своей правовой природе являются отношениями абсолютными.

The article is devoted to features partnership agreement related to his appearance on the basis of not only the relative relations characteristic of ordinary civil law contracts and relationships of common property, which by their nature are legal relations absolute.

Ключевые слова: договор простого товарищества, общая долевая собственность, относительные правоотношения, абсолютные правоотношения.

Key words: partnership agreement, total share ownership, the relative relationship, absolute relationship.

Традиционно в правовой доктрине договор рассматривается как юридический факт, порождающий относительные обязательственные правоотношения, т.е. правоотношения, в которых управомоченному лицу противостоят как обязанные строго определенные лица, за счет поведения которых удовлетворяются его потребности [1, с. 103-104].

Анализ законодательных положений, регулирующих правоотношения из договора простого товарищества, заставляет усомниться в их исключительно обязательственной природе, а некоторых исследователей – и вовсе сделать вывод о том, что отношения в простом товариществе обязательственными не являются [2].

Выражая несогласие со столь категоричным выводом, согласимся, однако, с тем, что отношения, складывающиеся в результате заключения договора простого товарищества, обладают существенным своеобразием, особенностями, не свойственными другим обязательствам [2].

Особенностью договора простого товарищества является то, что он порождает не только относительные правоотношения, что характерно для обычных гражданско-правовых договоров, но и правоотношения общей долевой собственности, являющиеся по своей правовой природе отношениями абсолютными.

Последние возникают между сторонами договора простого товарищества либо в момент внесения первым участником договорного правоотношения имущества в качестве вклада, которое, если иное не установлено законом или договором простого товарищества и не вытекает из существа обязательства (п. 1 ст. 1043 ГК РФ), становится общей долевой собственностью всех товарищей, либо в момент поступления в общую долевую собственность товарищей результата совместной деятельности, если общая долевая собственность на имущество, вносимое в качестве вклада, не была образована в силу соответствующего указания закона или договора.

Осложнение обязательственных отношений простого товарищества, связанное с возникновением на их основе отношений собственности, в литературе отмечалось не раз [3]. Наибольший интерес здесь представляет вопрос о соотношении относительных правоотношений, порождаемых договором простого товарищества с абсолютными отношениями общей собственности и относительными, возникающими по поводу этой собственности.

Созданная в рамках договорного отношения общая долевая собственность по своей правовой природе не является «чистым» абсолютным правом. Отношения общей долевой собственности сами по себе осложнены относительным элементом. Таким элементом выступает соглашение сособственников по поводу владения, пользования и распоряжения общим имуществом. Это соглашение является элементом относительности в абсолютном праве общей долевой собственности, которое опосредует реализацию последнего. Так, из совокупности положений статей 246, 247 ГК РФ владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в общей долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников. От достижения соглашения между всеми сособственниками, предполагающего позитивное выражение их воли, зависит возможность реализации собственнических правомочий каждым отдельным участником общей долевой собственности. А как заметил О.С. Иоффе, «зависимость права одного лица от совершения активных действий другим лицом... свидетельствует о том, что это право лишено абсолютного характера» [4, с. 616]. При этом взаимодействие абсолютных и относительных элементов составляет необходимое условие существования общей долевой собственности. «Если такое взаимодействие прекращается, – пишут С.А. Зинченко и П.Н. Тютюник, – структура общей долевой собственности, как и ее право, существовать не может» [5, с. 3].

Таким образом, в результате заключения договора простого товарищества складывается два типа относительных связей между сторонами этого договора: относительное обязательственное правоотношение возникает по поводу предмета договора простого товарищества и относительное правоотношение по поводу общей долевой собственности.

Если в обычных отношениях общей долевой собственности относительный элемент находится в подчиненном отношении и служит лишь суще-

ствованию и реализации абсолютного права, то в рамках договора простого товарищества структура соподчиненности усложняется.

Общая долевая собственность возникает лишь как имущественная основа совместной деятельности и необходимое условие достижения цели договора. Создание товарищами общей собственности и более широко – общего имущества товарищей, отмечают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, служит необходимой основой для учреждения простого товарищества и ведения совместной деятельности, имея ввиду под конечной целью совместной деятельности достижение соответствующего результата [6, с. 661].

Поскольку образование общей собственности не является целью договора простого товарищества, а лишь обеспечивает возможность его исполнения, реализация собственнических правомочий ограничена фидуциарным характером этого договора и его целью. Общая собственность здесь служит общему делу, а не удовлетворению интересов каждого из товарищей-сособственников.

В отличие от предусмотренной п. 2 ст. 246 ГК РФ возможности участника общей долевой собственности произвести отчуждение своей доли, в рамках договора простого товарищества такая возможность отсутствует. Хотя нормы, регулирующие отношения простого товарищества, не содержат прямого запрета на распоряжения товарищем своей долей, он следует из лично-доверительного характера данного договора, законодательно демонстрируемого в ст. 1050 ГК РФ. По общему правилу, содержащемуся в данной норме, прекращение участия кого-либо из товарищей в договоре, влечет его прекращение. Согласно ч. 1 ст. 1042 ГК РФ вкладом товарища в общее дело может быть как имущество, так и профессиональные и иные знания, навыки и умения, а также деловая репутация и деловые связи. Это свидетельствует о том, что для договора о совместной деятельности личность участников имеет важное значение.

В соответствии с абз. 3 п.2 ст. 1050 ГК РФ «раздел имущества, находившегося в общей собственности товарищей, и возникших у них общих прав требования осуществляется в порядке, установленном статьей 252 настоящего Кодекса».

Из формулировки приведенной нормы следует вывод о том, что с прекращением договора простого товарищества в отношении всех участников

прекращаются и отношения общей долевой собственности. Данное мнение уже было высказано в литературе, и его разделяют многие исследователи. В частности, И.В. Елисеев считает, что «прекращение договора простого товарищества приводит к разделу имущества, находившегося в общей долевой собственности...» [1, с. 778]. По мнению А.Б. Савельева, в том случае, когда товарищество прекращается полностью производится полный раздел имущества, находящегося в общей долевой собственности [7, с. 325-326].

Такой порядок прекращения долевой собственности еще раз подчеркивает зависимость общей долевой собственности от договорного обязательства, в рамках которого она возникла.

В отношениях общей долевой собственности, не зависящих от договора, раздел имущества осуществляется целенаправленно посредством достижения соглашения об этом между сособственниками (п.1 ст. 252 ГК РФ). Прекращение же общей долевой собственности, служащей обеспечению имущественной основы совместной деятельности и достижению цели этой деятельности, происходит как следствие прекращения основного обязательства вне зависимости от специального на то намерения участников договора.

Однако вопрос о последствиях расторжения договора простого товарищества для права общей долевой собственности, возникшего в рамках этого договора, не столь однозначен. Как справедливо отмечает Ю.В. Романец, «для правильного ответа на вопрос о том, как расторжение договора простого товарищества влияет на вещные права товарищей, необходимо учитывать общие нормы, регламентирующие последствия расторжения гражданских договоров, и специальное законодательство, отражающее особенности отношений совместной деятельности» [8].

«Применительно к договору простого товарищества необходимо различать две ситуации, связанные с расторжением (изменением) договора. Первая характеризуется тем, что решение о досрочном расторжении договора принимается в отношении

всех товарищей... Другая ситуация имеет место в том случае, когда договор простого товарищества расторгается в отношении одного из товарищей, но сохраняет силу в отношении других (как минимум двоих) товарищей» [8].

Не менее важно представляется различать имущественные последствия досрочного расторжения договора простого товарищества и прекращения договора простого товарищества вследствие достижения общей цели. Однако практическая значимость данных вопросов заслуживает отдельного исследования.

Литература

1. Гражданское право: учебник в 3 т. Т.1 / Под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2011.
2. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011.
3. См. напр.: Романец Ю.В. Договор простого товарищества и подобные ему договоры (вопросы теории и судебной практики) // Вестник ВАС РФ. № 12. 1999, № 12; Савельев А.Б. Договор простого товарищества в российском гражданском праве // Актуальные вопросы гражданского права / Под общ. ред. М.И. Брагинского. М., 1998. С. 282; Харитонова Ю.С. Договоры об объединении: правовые вопросы управления неправосубъектными образованиями // Гражданское право. 2010. № 4. С. 20.
4. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000.
5. Зинченко С.А., Тютюник П.Н. Указ. соч. Общая долевая собственность в гражданском законодательстве России: проблемы решения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2004. №1.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. В 2 т. Кн. 5: Т. 1. М., 2006.
7. Савельев А.Б. Указ. соч.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к определению пределов действия исключительного права на товарный знак, выявлению сложностей, связанных с существованием рассматриваемых пределов, а также к выработке предложений, направленных на их преодоление.

The article is devoted to the questions concerning definition of limits of action of the exclusive right to a trademark, to revelation of the complexities connected to existence of considered limits, and also to development of the offers directed on their overcoming.

Ключевые слова: *товарный знак, исключительное право, международная регистрация, исчерпание прав.*

Key words: *trademark, exclusive right, international registration, exhaustion of rights.*

В соответствии со статьей 1484 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право на товарный знак [1].

Исключительный характер прав согласно ст. 1229, ст. 1484 ГК РФ подразумевает наличие у их обладателя возможности использования товарного знака любым не противоречащим закону способом и распоряжения исключительным правом на товарный знак с одновременным запрещением всем другим лицам совершать указанные действия. Исключительные права по своей сути являются абсолютными и рассматриваются как «монополия прав» [2, с. 156]. Однако исключительное право не означает неограниченного права. Установление границ действия исключительного права представляется необходимым в связи с тем, что только при условии существования разумных пределов правообладатель может в полной мере реализовать свои правомочия, не причинив в то же время вреда интересам других лиц (в частности, потребителей).

Можно выделить следующие пределы исключительного права правообладателя: временные, территориальные, кроме того, сфера действия права на товарный знак ограничивается перечнем товаров, указанных в свидетельстве на товарный знак, и целью регистрации товарного знака.

Действие права на товарный знак, зарегистрированный федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности (также

в настоящее время является Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент) [3]), ограничивается сроком, на который данный товарный знак зарегистрирован. В соответствии с п. 1 ст. 1491 ГК РФ исключительное право на товарный знак действует в течение 10 лет со дня подачи заявки на государственную регистрацию в Роспатент.

Срок действия исключительного права на товарный знак может быть продлен на десять лет по заявлению правообладателя, поданному в течение последнего года действия этого права (такое продление возможно неограниченное число раз) (п. 2 ст. 1491 ГК РФ).

Кроме того, существует возможность международной регистрации права на товарный знак. Право на товарные знаки, охраняемые в России на основе международных договоров, действует в течение следующих сроков: согласно п. 1 ст. 6 Мадридского соглашения о международной регистрации знаков (далее – Мадридское соглашение), регистрация знака в Международном бюро производится сроком на двадцать лет (при этом регистрация всегда может быть продлена на период в двадцать лет, считая с момента истечения предшествующего периода) [4]. В соответствии же с п. 1 ст. 6 Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков (далее – Протокол к Мадридскому соглашению) регистрация знака в Международном бюро производится на десять лет (и международная реги-

страция может быть продлена на десять лет, считая с даты истечения предшествующего срока) [5].

Как видно из приведенных положений международных документов, сроки действия исключительного права на товарный знак отличаются. Этому можно дать следующее объяснение: если страной происхождения товарного знака является страна, участвующая только в Мадридском соглашении, то срок действия регистрации составляет 20 лет с момента международной регистрации знака (это правило распространяется, например, на Алжир, Таджикистан), а если страной происхождения товарного знака является страна, участвующая в Протоколе к Мадридскому соглашению, но не участвующая в Мадридском соглашении, то срок действия международной регистрации товарного знака составляет 10 лет с даты международной регистрации (примерами могут служить Греция, Турция, Швеция). Однако значительное число государств, среди которых Россия, Казахстан и др., является одновременно участниками обоих соглашений [6], в связи с чем существует неясность в отношении рассматриваемых предписаний, поскольку Мадридское соглашение в ст. 14, п. 5 устанавливает, что ратификация или присоединение автоматически влекут за собой признание всех положений, устанавливаемых соглашением. Протокол к Мадридскому соглашению также был принят Россией без оговорок (в том числе и в отношении срока действия регистрации) [7], так же, как и, например, Республикой Казахстан [8].

Что касается территориальных пределов, то исходя из положений ст. 1479 ГК РФ можно сделать вывод о том, что исключительное право на товарный знак, зарегистрированный на территории Российской Федерации, действует только на территории России. На товарный знак, зарегистрированный за пределами территории Российской Федерации, исключительное право на товарный знак может действовать в соответствии с международными договорами.

Территориальные пределы имеют значение также при рассмотрении вопроса о введении в оборот товарного знака. Так, согласно ст. 1487 ГК РФ не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия. Таким образом, со-

гласие правообладателя на введение в гражданский оборот указанных объектов необходимо получить только один раз. При этом необходимо иметь в виду, что товары не должны подвергаться какому-либо изменению, например, разбавляться, смешиваться с другими или даже переупаковываться. По такому же пути идет судебная практика. Практическое применение данной нормы разъяснил Президиум ВАС РФ, указав, что если товары, обозначенные товарным знаком, введены в хозяйственный оборот другими лицами с согласия его владельца, то он не вправе запретить им использование этого товарного знака [9].

Принцип исчерпания права имеет территориальное действие – товар должен быть введен в гражданский оборот на территории Российской Федерации. Его последующее введение в гражданский оборот, в связи с которым рассматривается вопрос об исчерпании исключительного права на товарный знак, также должно иметь место на территории Российской Федерации.

Норма, закрепленная ст. 1487 ГК РФ, означает, что Россия придерживается национального принципа исчерпания прав. То есть фирменная продукция, маркированная охраняемым товарным знаком, может быть введена в оборот на территории Российской Федерации только с разрешения правообладателя. Иначе такие действия будут считаться незаконными, даже если продукция в стране приобретения покупалась легально. Иллюстрацией может служить часто рассматриваемая ситуация, сложившаяся с ООО «Генезис», которое в 2007 г. ввезло в Россию автомобиль Porsche Cayenne. Владелец исключительной лицензии на использование на территории РФ товарных знаков PORSCHE и CAYENNE, ООО «Порше Руссланд» обратился в Центральную акцизную таможенную с заявлением о нарушении своих прав, таможенный орган обратился в суд, и в марте 2008 г. автомобиль был конфискован, а ООО «Генезис» привлечено к административной ответственности по ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [10]. И это далеко не первый подобный случай. Однако Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) решение Арбитражного суда города Москвы от 28.03.2008 по делу № А40-9281/08-145-128 и постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2008 по тому же делу отменил, отмечая, что

в соответствии со статьей 14.10 КоАП РФ на юридических лиц может быть наложен административный штраф – от тридцати до сорока тысяч рублей с конфискацией предметов, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара. В данном случае автомобиль марки «PORSCHЕ CAYENNE S», являющийся предметом правонарушения и подвергнутый судом конфискации, выпущен правообладателем одноименных товарных знаков и, следовательно, не содержит признаков незаконного воспроизведения товарных знаков, в связи с чем за его ввоз на территорию Российской Федерации общество не может быть привлечено к ответственности, предусмотренной статьей 14.10 КоАП РФ [11].

ВАС РФ, принимая решение в пользу импортера, не разрешил проблему - для этого требуется изменение закона. Он лишь разъяснил, что меры административной ответственности (штраф и конфискация) должны применяться только в отношении контрафактной продукции. Для борьбы же с иными нарушениями прав на товарный знак существует комплекс мер гражданско-правовой ответственности [12, с.7].

Одним из вариантов решения указанной проблемы является введение в России так называемого международного принципа исчерпания прав, в соответствии с которым исключительные права правообладателя считаются исчерпанными в момент первого введения товара в оборот в любой стране мира. В таком случае проблемы параллельного импорта не возникает. Указанный принцип действует сегодня во многих странах, поскольку параллельные импортеры ввозят оригинальную продукцию, а не подделки и, в общем-то, способствуют развитию рынка путем создания конкуренции официальным дилерам известных марок [12, с.8]. Применительно к статье 1487 ГК РФ это можно сделать, исключив из ее текста слова «на территории Российской Федерации» [13].

Однако самое существенное ограничение исключительного права на товарный знак состоит в том, что использование товарного знака осуществляется только для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован. Таким образом, осуществление правообладателем исключительного права на товарный знак ограничивается перечнем товаров, ука-

занных в свидетельстве, а также целью регистрации товарного знака (индивидуализация товаров), следовательно, оно может быть прекращено в случае использования товарного знака не по назначению, а также в случае неиспользования товарного знака.

ГК РФ формально придает значение самому факту использования (неиспользования) товарного знака, не указывая при этом на какой-либо объем такого использования. Основной целью реализации принципа обязательного использования товарного знака является стремление законодателя обеспечить интенсивное функционирование товарных знаков в гражданском обороте и сократить случаи их регистрации лицами, не заинтересованными в их использовании, но создающими препятствия появлению на рынке товаров, маркированных такими товарными знаками или обозначениями, сходными с ними до степени смешения.

До вступления в силу части 4 ГК РФ существовала проблема, связанная с определением круга лиц, обладающих правом на подачу заявлений о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака. Статья 22 Закона о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров [14] допускала подачу заявления в Палату по патентным спорам (далее – ППС) любым лицом, тогда как в соответствии со ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации право на обращение в арбитражный суд – в том числе по делам об оспаривании решений ППС – имеет только заинтересованное лицо. При реализации указанных норм возникал вопрос – может ли любое лицо, даже не имеющее правового интереса к прекращению охраны товарного знака, подавать соответствующее заявление в ППС либо таким правом может обладать только лицо, права и интересы которого затронуты (например, производитель товара того же класса, желающий использовать для обозначения своего товара знак, не используемый в действительности его настоящим владельцем). С введением в действие части 4 ГК РФ, предусматривающей в п. 1 ст. 1486 возможность подачи заявления о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования в ППС заинтересованным лицом, указанная проблема устранена [15].

Замена пятилетнего непрерывного срока неиспользования товарного знака, предусмотренного Законом о товарных знаках, на трехлетний отража-

ет стремление законодателя обеспечить ускорение реального использования товарных знаков на соответствующих товарах, находящихся в гражданском обороте. Однако практика показывает, что трехлетний срок неиспользования товарного знака после его государственной регистрации как условие возможного наступления последствий, предусмотренных статьей 1486 ГК РФ, для некоторых видов товаров (пестициды, агрохимикаты, лекарственные средства) представляется неоправданно коротким. Так, пестициды и агрохимикаты могут производиться и подлежат реализации на территории Российской Федерации, если они зарегистрированы специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим организацию регистрационных испытаний и государственную регистрацию пестицидов и агрохимикатов (Министерством сельского хозяйства Российской Федерации) на основе заключений экспертизы результатов регистрационных испытаний пестицидов и агрохимикатов [16]. Аналогичная ситуация складывается при введении в гражданский оборот на территории Российской Федерации лекарственных препаратов, она также возможна лишь при условии регистрации соответствующим уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, которая, в свою очередь, может иметь место только по результатам экспертизы лекарственных средств и этической экспертизы возможности проведения клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения (что касается лекарственных препаратов для медицинского применения) или по результатам экспертизы лекарственных средств для ветеринарного применения [17]. Поскольку проведение указанных исследований (а иногда и назначение повторных исследований) занимает немало времени, процедура получения разрешения на применение соответствующего товара может оказаться достаточно долгой. В этом случае из трехлетнего срока, отведенного законодателем для начала использования товарного знака после его регистрации, то есть для введения соответствующего лекарственного средства в гражданский оборот, всегда объективно выпадает период времени, необходимый для получения разрешения на применение данного товара. Исходя из формулировки п. 3 ст. 1486 ГК РФ указанное выше обстоятельство объективного характера лишь может быть принято во внимание ППС при вынесении решения о досроч-

ном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования. Таким образом, применение или неприменение положений п. 3 ст. 1486 ГК РФ носит оценочный характер и зависит от позиции ППС. Представляется, что в интересах повышения надежности охраны прав на товарные знаки, связанные с пестицидами, агрохимикатами, лекарственными средствами, целесообразно изменить нормы ст. 1486 ГК РФ, регулирующие учет не зависящих от правообладателя обстоятельств неиспользования товарного знака для таких товаров, в частности, придать безусловно обязывающий характер норме, закрепленной п. 3 ст. 1486 ГК РФ, заменив формулировку «могут быть приняты во внимание» на «должны быть приняты во внимание» (такое изменение обеспечит в интересах добросовестного правообладателя более четкую регламентацию разрешения споров о прекращении регистрации товарных знаков в связи с их неиспользованием для любых, а не только для вышеназванных товаров); по аналогии с п. 2 ст. 1363 ГК РФ предусмотреть возможность продления трехлетнего срока неиспользования товарного знака с учетом времени, прошедшего от момента его государственной регистрации до получения первого разрешения на применение товара, обозначенного таким товарным знаком, если необходимость получения такого разрешения установлена законом [18].

Устранение имеющихся проблем, связанных с существующими пределами осуществления правообладателем исключительного права на товарный знак, может способствовать более эффективному осуществлению правообладателем своих прав, надлежащему исполнению им обязанностей, и, соответственно, более качественной защите интересов как правообладателей, так и потребителей.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая); Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 22.12.2006.
2. Гульбин Ю.Т. Исключительные права на средства индивидуализации товаров – товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров: гражданско-правовой аспект. М., 2007.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.04.2004 № 178 «Вопросы Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и

товарным знакам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 15. Ст. 1471.

4. Соглашение о международной регистрации знаков (заключено в Мадриде 14 апреля 1891 г., в ред. от 2 октября 1979 г.). Режим доступа : СПС «Консультант-Плюс».

5. Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков. Подписан в Мадриде 28 июня 1989 г. (вступил в силу для России 10 июня 1997 г.). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6. Стороны Мадридского соглашения и Мадридского протокола. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rupto.ru/mejd_sotr/sod/madr_sys/o_madr_sys/article_4.html

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.12.1996 № 1503 «О принятии Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 164.

8. Закон Республики Казахстан от 27 мая 2010 года № 281-IV «О ратификации Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков» // Официальная газета. 2010. № 24 (494).

9. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.07.1997 № 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1997. № 10.

10. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных

правонарушениях». Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

11. Постановление Президиума ВАС РФ от 03.02.2009 № 10458/08 по делу № А40-9281/08-145-128 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 5.

12. Мошковиц М., Завойкина Н. Параллельный импорт – кому невыгодно? // ЭЖ-Юрист. 2009. № 5.

13. Еременко В. И. Об ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак в Российской Федерации. Режим доступа : СПС «Консультант-Плюс».

14. Закон Российской Федерации от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ. 1992. № 42. Ст. 2322.

15. Шульга А. К. Досрочное прекращение охраны товарного знака в связи с его неиспользованием // Общество и право. 2008. № 3.

16. Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 29. 3510.

17. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815.

18. Малин В. Правовое регулирование неиспользования товарного знака для некоторых видов товаров // Интеллектуальная Собственность. Промышленная собственность. 2008. № 1.

УДК 34; 349.4

Куликова Л.В.

ОТМЕНА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЗЕМЕЛЬ

В представленной статье подняты и рассмотрены актуальные вопросы связанные с отменой отдельных категорий земель, доказана потребность в современном регулировании выявленных проблем на практике и вынесены предложения по их решению.

In the present article are raised and discussed current issues connected with the cancellation of certain categories of land, proved the necessary in the modern problems regulation identified on the practice and made suggestions for their solution.

Ключевые слова: законопроект, категории земель, функциональные зоны, правовой режим земельных участков, виды разрешенного использования, территориальное зонирование.

Key words: draft law, categories of land, functional zones, the legal regime of land plots, types of permitted use, territorial zoning.

В настоящее время вопросы перевода земель или земельных участков из одной категории в другую регулируются Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) [1], Федеральным законом от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [2] и законодательством Российской Федерации о градостроительной деятельности.

Одним из основных принципов земельного законодательства, закрепленных в п.п. 8 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, является деление земель по целевому назначению на категории.

С развитием института собственности на землю законодательная норма о делении земель на категории устарела и лишь приводит к коррупции при переводе земель из одной категории в другую.

Деление земель на категории как основание определения их правового режима имеет несколько недостатков, например:

1. для изменения разрешенного использования земельного участка в настоящее время необходимо в большинстве случаев принятие двух решений. Одно – решение органа власти об изменении категории земельного участка и другое – решение об изменении его разрешенного использования.

2. Порядок и основания для изменения категории и разрешенного использования земельного участка различны.

3. Не совпадают также органы государственной власти и органы местного самоуправления, уполномоченные на принятие решений об изменении категории земельного участка и его разрешенного использования.

В целом, эта процедура создает затруднения для правообладателей земельных участков в реализации прав собственности.

Кроме того, различие между категориями земель постепенно стирается. Например, на землях лесного фонда можно вести сельское хозяйство, размещать порты, вести добычу полезных ископаемых, на землях сельскохозяйственного назначения осуществлять дачное, а по сути, жилищное строительство, на землях населенных пунктов допускается любая деятельность.

Это подтверждает то, что деление земель на категории при наличии института разрешенного ис-

пользования земельных участков утрачивает свой смысл.

Для устранения указанных недостатков законодательства необходимо изменить существующий порядок установления правового режима земель опирающийся на институты категорий земель и перевода земель из одной категории в другую.

Следует отметить, что исключение указанного института не должно создавать правовых пробелов и, следовательно, не должно оказывать отрицательного влияния на правоприменительную практику. В связи с этим следует отменить деления земель на категории, но при условии завершения разработки и утверждения документов зонирования территорий, определяющих разрешенное использование земельных участков на всей территории Российской Федерации.

Срок для разработки Правил землепользования и застройки (ПЗЗ) на территории РФ был определен до 01.01.2012 г., но его продлили до 31.12.2012 г., тем самым затягивается весь процесс [3]. Между тем можно предложить более гибкое решение. Поскольку земельное законодательство входит в сферу РФ и регионов можно отменить категории на федеральном уровне, но сохранить их на региональном в тех местах, где еще не утверждены генпланы и ПЗЗ.

Наличие категорий земель можно рассматривать также как фактор, сдерживающий развитие национального проекта «Жильё» (проект «Доступное и комфортное жильё – гражданам России»), так как с учетом действующего законодательства крайне сложно сменить одну категорию земли на другую, позволяющую на этой земле вести строительство.

К тому же функциональные зоны различных категорий земель могут быть совершенно одинаковыми.

Другими словами, возможна ситуация полного совпадения правового режима земель и земельных участков на землях различных категорий (пример 1) земли сельскохозяйственного назначения – зоны сельскохозяйственного использования в составе земель населённых пунктов – зоны для ведения сельского хозяйства в составе земель лесного фонда; пример 2) земли транспорта – зоны транспортной инфраструктуры в составе земель населённых пунктов – внутрихозяйственные дороги в составе земель сельскохозяйственного назначения; пример

3) рекреационные зоны в составе земель многих категорий и т. д.).

В этом отношении категория земель «навязывает» земле и земельным участкам различное целевое назначение, но, в конечном счёте, правовой режим конкретного земельного участка может быть одинаковым. Как было показано выше, очень часто такое «навязывание» не имеет практической ценности.

Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые

законодательные акты Российской Федерации в части отмены отдельных категорий земель и признании утратившим силу Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее - Законопроект) разработан Минэкономразвития России во исполнение пункта 20 Плана мероприятий по совершенствованию контрольно-надзорных и разрешительных функций и оптимизации предоставления государственных услуг в области градостроительной деятельности, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 982-р.

Законопроект направлен на совершенствование и упрощение существующего порядка определения правового режима использования земель путем проведения зонирования, а также ликвидации института категории земель как способа определения разрешенного использования земельных участков. Собственник земельного участка будет вправе выбрать любой вид разрешенного использования из установленных для данного земельного участка.

Подготовленный Министерством регионального развития законопроект предлагает изменить статью 7 ЗК РФ. По мнению авторов законопроекта следует упростить систему разделения земель на категории и вместо существующих семи оставить три: водные, лесные и земли особо охраняемых природных территорий. Остальные же – сельскохозяйственные, населенных пунктов, промышленные, резервные – предлагается упразднить.

Взамен предлагается установить 13 целевых зон использования земель: жилые, общественно-деловые, сельскохозяйственного назначения, рекреационные, объектов культурного наследия, специального назначения, промышленные, энергетики, транспорта, связи, обеспечения космической

деятельности, обеспечения обороны и безопасности и резервные (то есть ни к чему не пригодные). Причем для одного и того же участка могут быть установлены одновременно несколько видов использования, и отныне владелец земли сам сможет решать, распахивать ли, к примеру, ему пашню или застраивать имеющееся поле многоквартирными домами, если эти действия разрешены.

Однако, определение законодательством закрытого перечня видов территориальных зон вызывает сомнение. Установить единые виды разрешенного использования по отношению к виду зоны всё равно не удастся, так как, например, понятие среднеэтажной застройки для крупного городского округа и сельского поселения отличается. А для управления важным является не наименование зоны, а её границы и перечень видов и параметров разрешенного использования.

В предлагаемом законопроекте есть некоторые недостатки.

В нем предусматривается, что «собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы или арендаторы земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, включенных в границы охранной или защитной зоны, должны быть уведомлены об ограничениях в использовании земельных участков в течение пятнадцати дней с момента внесения сведений об установлении охранной или защитной зоны в порядке, установленном Правительством РФ».

По нашему мнению, установление 15-дневного срока ничем не обосновано, не установлены правовые последствия нарушения срока уведомления лица в установленный срок.

Интересно сравнить предлагаемое законопроектом положение с зарубежным законодательством. На общественных референдумах в Орегоне и Аризоне был принят закон о компенсации права собственности на землю. Закон защищает индивидуальные права собственников земельных участков, предусматривая справедливую компенсацию за введение государственного регулирования землепользования, которое имеет эффект торможения развития собственности и сокращает стоимость имущества. Что, на наш взгляд, является справедливым решением.

Можно последовать данному примеру и выплачивать собственникам земельных участков и иным правообладателям соразмерную ограничениям компенсацию. Например, в Техасе выплачивается 25 процентов от стоимости имущества, подвергшегося ограничениям, в Луизиане и Миссисипи – 20 и 40 процентов соответственно, кроме того правообладатели имеют право сдать государству землю, на которую распространяются правила регулирования землепользования, и получить соответствующую компенсацию [4].

Территориальное зонирование должно создать условия эффективного использования земельного фонда посредством соблюдения гарантий прав участников земельных градостроительных отношений.

В законопроекте ничего не говорится о зонах сельскохозяйственного назначения. В нем предусматривается, что в территориальную зону сельскохозяйственного назначения могут включаться земельные участки, предназначенные для зданий и сооружений, используемых для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции, но отсутствуют параметры разрешенного строительства объектов капитального строительства, предназначенных для отдыха или постоянного проживания граждан с правом регистрации.

На наш взгляд, следует разрешить строительство объектов недвижимости сезонного типа в зоне сельскохозяйственного назначения для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, но ограничить площадь застройки в зависимости от размера участка, установить максимальный предел горизонтальных и вертикальных границ.

В законопроекте (в части внесения изменений в Земельный кодекс РФ) говорится о том, что «границы территориальных зон не должны пересекать границ территорий лесного фонда, водного фонда или особо охраняемых природных территорий, границ муниципальных образований», а в изменениях, предлагаемых Градостроительным кодексом РФ, указывается, что «границы территориальных зон не должны пересекать границы земельных участков».

Вследствие того, что Земельный кодекс РФ пытается регулировать отношения по поводу уста-

новления территориальных зон, периодически возникают параллельные правовые установления, создающие путаницу. Поэтому необходимо определить область земельных и градостроительных отношений

Таким образом, наиболее принципиальное положение Законопроекта состоит в том, чтобы вывести на первый план (вместо категорий земель) разрешенное использование земельных участков (ч. 18 ст. 1 Законопроекта). Остаются два института, определяющие правовой режим земельных участков, – функциональное зонирование и территориальное зонирование. Причем функциональные зоны первичны, они обуславливают появление территориальных зон, какова функциональная зона, таковы будут виды разрешенного использования зоны территориальной. В этом смысле функциональная зона предстаёт неким аналогом категории земель. В данном своём качестве функциональные зоны, определяющие функциональное предназначение территории, должны быть признаны институтом земельного законодательства. А территориальные зоны, определяющие набор видов разрешенного использования земельных участков исходя из конкретной градостроительной ситуации, – институтом градостроительного законодательства.

Необходимо подробно раскрыть институт функционального зонирования, ведь именно он теперь является (в заданной логике) единственной содержательной основой для установления видов разрешенного использования.

Социально-экономические последствия принятия данного законопроекта состоят в укреплении института собственности, создании условий для единообразного порядка установления разрешенного использования земельных участков, развитии системы планирования территорий.

Кроме того, упростится система управления земельными ресурсами и строительным комплексом, а также уменьшится количество споров, в том числе судебных, в связи с противоречиями, возникающими при определении разрешенного использования земельного участка, устанавливаемого в соответствии с градостроительными документами (документы зонирования) и в соответствии с видами деятельности, допустимыми в пределах определенной категории земель. Планируемые юридические

последствия состоят в возможности устранения существующих противоречий и пробелов законодательства. В целом принятие законопроекта окажет положительное влияние на совершенствование системы регулирования градостроительных и земельно-имущественных отношений в Российской Федерации.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. № 44.

2. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 52.

3. Федеральный закон от 20.03.2001 № 41-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части вопросов территориального планирования» // Собрание законодательства Российской Федерации 2011. №13.

4. Updated information about the property. The law of compensation // Evaluation Journal. Spring, 2010.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Шмена Е.В.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

В статье рассматривается первоначальный этап становления Верховного суда РСФСР. Анализируются советское законодательство, регулирующее деятельность верховного судебного органа. Исследуются основные направления организации верховной судебной власти в советской России.

Initial stage of the formation of the Supreme judicial court RSFSR is considered in article. It is analysed soviet legislation, adjusting activity of the sovereign judicial organ. They are researched main trends to organizations sovereign judicial authorities in soviet Russia.

Ключевые слова: *судебная реформа, Верховный суд, законодательство, подсудность, судебный надзор, судебное управление, юстиция, правосудие.*

Keywords: *judicial reform, Supreme judicial court, legislation, jurisdiction, judicial control, judicial management, justice, justice.*

К концу 1922 г. в России сложились две системы судебных органов: общие суды, состоявшие из народных судов, губернского совета народных судей, Высшего судебного контроля в лице Наркомюста и революционные трибуналы в крупных центрах, а также Верховный революционный трибунал при ВЦИК, являвшийся судом первой инстанции по наиболее сложным делам и кассационной инстанцией для всех революционных трибуналов [1, с. 39-40]. Пестрота судебных органов, отсутствие единой судебной практики, наличие большого массива несистематизированного нормативного материала, существенных пробелов в законодательстве, приводивших к широкому и не вполне корректному применению аналогии [1, с. 39] - все это диктовало необходимость реформирования судебной системы. К тому же окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике, допускавшей существование частного предпринимательства в форме мелких и средних торгово-экономических предприятий, требовали изменения существующих и выработки новых правовых норм. На VI Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, состоявшемся в январе 1922 г., был поставлен вопрос о том, чтобы все уголовные наказания налагались

только судом, потому что только так можно было гарантировать право обвиняемого на защиту и на справедливо вынесенный приговор [2, с. 255].

Еще в 1921 г. Наркомюст РСФСР начал подготовку проекта закона о судостроительстве. Первоначальные проекты судебной реформы, исходившие от Народного комиссариата юстиции, сводились к созданию нового института прокуратуры (к тому же находившейся в «двойном» подчинении), а также адвокатуры и к некоторому усилению значения совета народных судей за счет отделов юстиции губисполкомов. На IV съезде деятелей юстиции РСФСР предложения НКЮ были подвергнуты резкой критике, выразившейся в желании более глубоких изменений в системе судостроительства [3, с. 122-123]. В результате был разработан новый проект положения о судостроительстве [4, с. 19], в котором предлагалось вместо двух самостоятельных судов: совета народных судей и губернского революционного трибунала создание одного - губернского суда.

В проекте предлагалось: по делам, разрешаемым народными судами, кассационной инстанцией является кассационный отдел губернского суда, а по делам особых сессий - уголовным и гражданским - кассационный отдел Верховного суда. Вер-

ховный суд образуется в составе: кассационной коллегии, судебной коллегии, военного отделения, транспортного отделения и судебного надзора. В последний сливаются отдел высшего судебного контроля НКЮ и судебный надзор Верховного трибунала при ВЦИК [3, с. 125-126]. Верховный суд РСФСР начал функционировать в 1923 г., но в его Управление по судебному надзору было передано надзорное делопроизводство Верховного трибунала за 1921-1922 гг. [5, с. 18].

На подготовительном этапе, в феврале 1922 г., была ликвидирована ВЧК и образовано Государственное политическое управление, которое занималось пресечением и расследованием контрреволюционных и наиболее тяжких государственных преступлений с обязательной передачей дела в суд [6, с. 55-58]. Начало судебной реформы было положено изданием Положения об адвокатуре (26 мая 1922 года) [7] и Положения о прокурорском надзоре (28 мая 1922 года) [8].

Положение о судоустройстве РСФСР от 31 октября 1922 года [9] (вступило в действие с 1 января 1923 года) зафиксировало создание в РСФСР единой системы судебных органов, состоявшей из: 1) народного суда в составе постоянного народного судьи; 2) народного суда в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей; 3) губернского суда; 4) Верховного суда РСФСР.

Была реализована концепция судебной реформы, предложенная народным комиссаром юстиции Н. В. Крыленко, который предложил предельно централизованную судебную систему, не признававшую «несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений» [10, с. 4].

Чтобы в полной мере освободиться от фальшивой демократии буржуазных судов, утверждал он, суд пролетарский должен строиться на иных принципах, действовать так, чтобы обеспечивать последовательное проведение линии государства на всемерную защиту прав рабочих и крестьян. В числе основных отличительных принципов пролетарского суда от суда буржуазного он называл: 1) неукоснительное исполнение любых, самых жестких, самых свирепых законов; 2) зависимость судебных органов от органов исполнительной власти; 3) замена суда присяжных судом в составе судьи и двух народных заседателей; 4) право кассационной инстанции увеличивать сроки наказания при рассмотрении кассационной жалобы осужденного на

приговор суда первой инстанции; 5) предоставление права судам первой инстанции ставить приговоры без мотивировки принятых решений. Сторонник подчинения судов Советам, осуществлявшим законодательную (правотворческую) и исполнительную власть, он считал, что такое подчинение является надежной гарантией последовательного и неукоснительного проведения судами классово-политической политики государства, а также характеризует своеобразие и одно из основных достоинств советского правосудия перед буржуазным. Положительный опыт такого взаимодействия судов и органов, осуществляющих управление юстицией, Н. В. Крыленко видел в недавнем прошлом, когда высший орган революционных трибуналов был напрямую подчинен Наркомюсту, должен был согласовывать с ним все свои циркуляры [11, с. 86-87].

Подобная зависимость судебных органов от Наркомюста была сохранена и в Положении о судоустройстве РСФСР, утвержденном постановлением ВЦИК от 31 октября 1922 г. [12], а также в Положении о Народном комиссариате юстиции, утвержденном Декретом ВЦИК от 1 февраля 1923 г. [13] и Положением «Об изменении и дополнении Положения о судоустройстве РСФСР» [14].

Основной функцией центрального аппарата НКЮ РСФСР в рассматриваемый период являлось судебное управление, т.е. организация деятельности судебных учреждений РСФСР. Положение от 1 февраля 1923 г. должно было разграничить сферы деятельности Народного комиссариата юстиции и Верховного суда РСФСР как высшего органа судебного управления, но о характере их взаимоотношений ничего не говорилось. Лишь в п. «а» ст. 1 указывалось, что «на Народный комиссариат юстиции возлагаются общее руководство, организация и инструктирование всех действующих на территории РСФСР судебных учреждений...». Следовательно, Верховный суд РСФСР был подчинен ему по линии судебного управления [15, с. 47].

НКЮ утратил функцию надзора за судами, которая перешла к Верховному суду РСФСР. Несмотря на это, первостепенной функцией Наркомюста признавалось общее руководство, организация и инструктирование всех действующих на территории РСФСР судебных учреждений. Н. В. Крыленко отмечал, что «закон устанавливает определенный приоритет, главенство, верховенство Народного комиссариата юстиции даже по отношению к Верхов-

ному суду. Как административный орган, как орган правительства, как часть законодательствующего и управляющего страной аппарата, народный комиссар юстиции является ответственным за деятельность вверенной ему части государственного управления, а следовательно, отвечает за все суды и всю их деятельность именно как орган государственного управления» [16, с. 77]. Однако практика показала, что в первые годы действия Положения от 1 февраля 1923 г. наблюдался параллелизм в работе НКЮ РСФСР и Верховного суда, прежде всего по линии руководства судебными органами, хотя в примечании к ст. 7 Положения указывалось, что «преподавание руководящих указаний судебным учреждениям по вопросам судебной практики осуществляется Народным комиссариатом юстиции через Верховный суд республики» [15, с. 48].

Итак, с 1923 г. Верховный суд РСФСР осуществлял надзор за судебной деятельностью всех судов республики, являлся кассационным судом по делам, рассматривавшимся губернскими судами, и был судом первой инстанции по важнейшим уголовным и гражданским делам [2, с. 255]. Временный состав Верховного суда РСФСР был утвержден постановлением ВЦИК от 4 января 1923 г.

К компетенции Верховного суда отошли и надзорные функции Наркомата юстиции. Верховный суд РСФСР входил в Народный комиссариат юстиции РСФСР и осуществлял функции судебного управления, прямо не предусмотренные ни одним нормативно-правовым актом. Это отвлекало высший судебный орган республики от осуществления его работы - надзора за судебной деятельностью судов РСФСР, а также правосудия по конкретным делам [17, с. 11].

В автономных республиках и областях по специальному постановлению Президиума ВЦИК образовывались отделения Верховного суда. 11 апреля 1923 г. постановлениями ВЦИК были созданы Киргизское и Туркестанское отделения Верховного суда РСФСР [18]. Они действовали в составе кассационной и судебной коллегий по уголовным делам. Президиумы отделений состояли из председателя отделения и председателей кассационной и судебной коллегий. В отделениях Верховного суда пленумов не было - эти функции были отнесены к непосредственному ведению пленума Верховного суда РСФСР. Особенностью являлось и то, что юрисдикция отделений распространялась только

на уголовные дела; гражданские дела рассматривались в областных судах и передавались в порядке обжалования и опротестования непосредственно в Верховный суд [3, с. 155-156]. Гражданские коллегии в отделениях были введены только во второй половине 1925 г.

Постановлением ВЦИК от 18 января 1926 г. Киргизское отделение, в связи с переименованием Киргизской АССР в Казахскую АССР, было преобразовано в Казахское.

В мае 1923 г. в Чите было образовано Дальневосточное отделение Верховного суда РСФСР, в непосредственном подчинении которого находились все семь губернских судов области. Улучшение судебного аппарата на местах, усиление его работоспособности сократило работу Дальневосточного отделения Верховного суда РСФСР не только в контрольно-инструктивной области, но и в количестве поступающих дел. Все это ставило вопрос о целесообразности дальнейшего его существования. В ноябре 1923 г. на заседании Дальбюро ЦК РКП (б) и Дальневосточного отделения Верховного суда РСФСР было вынесено решение о его ликвидации с 1 января 1924 года [19, с. 126].

В автономных республиках, где не было отделений Верховного суда, в соответствии с дополнением к «Положению о судостроительстве РСФСР», принятым ВЦИК 5 сентября 1923 г., были учреждены главные суды, состав которых назначался центральными исполнительными комитетами этих республик; председатели и заместители председателя утверждались Президиумом ВЦИК по заключению Верховного суда РСФСР [20].

Что касается непосредственно Верховного суда РСФСР, то председатель суда, его заместитель и председатели коллегий назначались непосредственно Президиумом ВЦИК. Прочие члены Верховного суда - Президиумом ВЦИК по представлению Народного комиссара юстиции. Указывалось, что они не могут быть ни отозваны, ни отстранены от должности иначе, как Президиумом ВЦИК.

Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 года было утверждено новое Положение о судостроительстве РСФСР. С введением его в действие отменялись Положение о судостроительстве РСФСР 1922 года и другие законодательные акты, регламентировавшие организацию и деятельность судебных учреждений РСФСР.

На территории РСФСР была установлена следующая трехзвенная система судебных органов: а) народный суд; б) губернский суд (или соответствующий в автономных республиках главный суд); в) Верховный суд РСФСР [21]. Особенности административно-территориального устройства некоторых местностей РСФСР потребовали отступления от трехзвенной системы судов. Дальневосточному краевому суду были предоставлены права кассационной инстанции в отношении областных судов, а последние рассматривали кассационные жалобы и протесты на решения и приговоры народных судов. В краях, в которые входили автономные области, областные суды также выполняли кассационные функции, но дела, рассматривавшиеся ими в качестве судов первой инстанции, направлялись в кассационном порядке не в краевую, а в Верховный суд [22, с. 41]. Основным нововведением Положения о судоустройстве 1926 года было то, что Президиуму Верховного суда были предоставлены полномочия судебной надзорной инстанции.

В 1937 г. была принята новая Конституция РСФСР, в которой указывались роль и место Верховного суда РСФСР в судебной системе республики, установлен порядок избрания Верховного суда. Верховный суд РСФСР был определен Конституцией как высший судебный орган республики, избираемый Верховным Советом РСФСР сроком на пять лет [23].

Законом о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, принятым в августе 1938 г., структура и компетенция Верховного суда РСФСР, как и других судов союзных республик, были существенно изменены. Были упразднены специальные коллегии и президиумы в областных, краевых судах и верховных судах автономных республик, а также Пленум, Президиум и специальная коллегия в Верховном суде РСФСР; функции судебного надзора были отделены от функций контроля за работой судов.

Проведенный анализ организационно-правовых основ становления верховной судебной власти в советской России в 1920-1930-е гг. позволяет сделать следующие выводы. Концепция судебной реформы предусматривала создание централизованной судебной системы, в которой не признавались несменяемость и независимость судей; устанавливалось подчинение партийно-бюрократическому аппарату. Административный контроль заключался

и в порядке назначения председателя, его заместителей и членов Верховного суда РСФСР. Отсутствие в законодательстве четкого правового регулирования юрисдикции Верховного суда РСФСР привело к тому, что судебное управление было возложено на Комиссариат юстиции, что говорило о подчиненном положении Верховного суда. Но при этом НКЮ в результате проведения судебной реформы 1922 г. утратил функцию надзора за судами. Усиление роли Верховного суда как органа судебного надзора, кассационной инстанции и суда первой инстанции по делам особой государственной важности было закреплено Положением о судоустройстве РСФСР 1926 г.

С конца 1920-х гг. тенденция вмешательства органов исполнительной власти в организацию правосудия усилилась: была ликвидирована организационная автономия Верховного суда в системе НКЮ. Это выражалось в организационном включении Верховного суда РСФСР в структуру Комиссариата юстиции на правах управления, в статусе председателя Верховного суда как заместителя Комиссара юстиции.

Конституцией РСФСР 1937 г. Верховный суд РСФСР был определен как высший судебный орган республики, избираемый Верховным Советом РСФСР. Упразднение Спецколлегии, Пленума и Президиума Верховного суда, отделение функций надзора от функций контроля за работой судов, централизация судебного надзора привели к изменению правового положения Верховного суда в судебной системе РСФСР.

Литература

1. *Смыкалин А.С.* Судебная реформы 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4.
2. *Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г.* Северный Кавказ: Власть. Суд. Право. Пятигорск, 2010.
3. *Кожневников М.В.* История советского суда. М., 1948.
4. Ежедельник советской юстиции. 1922. № 21-22.
5. *Олейник И.И.* Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР: 1917-1936 гг. Дисс. докт. юрид. наук. Владимир, 2006.
6. *Титов Ю.П.* ВЧК в первые годы Советской власти // Вестник Московского университета. 1963. № 1. Серия X. Право.

7. СУ РСФСР. 1922. N 36. Ст. 425.
8. СУ РСФСР. 1922. № 44. Ст. 424.
9. СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 902.
10. Крыленко Н.В. Реформа судостройства // Еже-недельник советской юстиции. 1922. № 27-28.
11. Сырых В.М. Крыленко Н.В. – идеолог советско-го правосудия. М., 2003.
12. СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 902
13. СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст.120.
14. СУ РСФСР. 1923. № 10. Ст.121.
15. Смыкалин А.С. Деятельность Народного комис-сариата юстиции РСФСР в области судебного управ-ления в 20-е гг. // Правовые проблемы истории госу-дарственных учреждений: Межвузовский сб. научных трудов. Свердловск, 1983.
16. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. М-Л., 1927. Т. I.
17. Шкрыль Е.О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917-1940 гг.): историко-правовое ис-следование: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Красно-дар, 2005.
18. СУ РСФСР. 1923. № 31. Ст. 339, 340.
19. Исаева Т.С. К вопросу о введении судебной си-стемы и советского законодательства на Дальнем Вос-токе в период восстановления советской власти (ноябрь 1922 – 1923 гг.) // Ученые записки Дальневосточного го-сударственного университета. Владивосток, 1968. Т. 18.
20. СУ РСФСР. 1923. № 75. Ст. 727.
21. СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.
22. Смыкалин А.С. Довоенный период развития со-ветской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 6.
23. СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

УДК 343.6

Пащенко Е.А.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются проблемы усиления уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних, некоторые вопросы практического правоприменения статей 131, 132, 134, 135 Уголовного кодекса Российской Федерации. Критически рассмотрен вопрос применения примечания к норме ст. 131 УК РФ.

The problems of strengthening criminal liability for sexual abuse of minors, some of the practical enforcement of sections 131, 132, 134, 135 of the Criminal Code of the Russian Federation. Critically addressed the issue of notes to the norm of Art. 131 of the Criminal Code.

Ключевые слова: несовершеннолетние, изнасилование, насильственные действия сексуального ха-рактера, насильственные половые преступления.

Key words: underage, rape, violent action of a sexual nature, sexual violence crimes.

По общему мнению социологов, психологов, юристов, проблемы профилактики сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних тре-буют продуманного, но неотложного решения. Но, как это часто бывает, изменения в УК РФ принима-ются скоропалительно, а политика продуманных и взвешенных решений не обеспечивается законода-телем и идет в разрез с принципами уголовного пра-ва (о нарушении принципов будет сказано ниже).

Рассматривая изменения в составах насиль-ственных и ненасильственных сексуальных престу-

плений, внесенные в УК РФ, особенно имеющие отношение к усилению уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несо-вершеннолетних, следует констатировать их недо-статочную обоснованность и как следствие эффек-тивность. Законодателем не всегда учитываются доктринальные положения науки уголовного права, а также вопросы правоприменения с учетом спор-ности оценки судебного прецедента как источника уголовного права.

Ужесточение уголовно-правового механизма защиты несовершеннолетних от сексуальных посягательств продиктовано сложившейся ситуацией. Так, по мнению, представителей Комитета по вопросам семьи, женщин и детей, законодательное решение проблемы обеспечения безопасности детей, их защиты от преступных посягательств приобретает особую актуальность в связи с нарастанием угроз нравственного растления, сексуального соращения и сексуальной эксплуатации несовершеннолетних и малолетних детей, причинения вреда их нравственности, физическому и психическому здоровью в условиях фактической безнаказанности преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

В Российской Федерации, по данным правоохранительных органов, сохраняются неблагоприятные тенденции роста преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних. За последние четыре года было совершено более 37 тыс. преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Только в 2010 г. жертвами преступлений сексуального характера стали более 9,5 тыс. детей [1].

Характеризуя позицию законодателя, 29 февраля 2012 года статья 131 УК РФ была дополнена примечанием, в соответствии с которым: «к преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей – пятой статьи 134 и частями второй – четвертой статьи 135 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий» (введено Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ [2]).

Дополнение статьи 131 УК РФ не должно было быть стихийным и необдуманным, поскольку история ее рождения в стенах Государственной Думы была продолжительной и нелегкой. Первоначально дополнить статью 131 абзацем шестнадцатым следующего содержания предлагалось проектом ФЗ № 349188-5 (отклонен Государственной Думой ФС РФ [3] принятием Постановления ГД ФС РФ от 07.02.2012 № 64-6 ГД [4]): «Примечание. В ча-

сти четвертой настоящей статьи, в части четвертой статьи 132 и других статьях настоящего Кодекса совершение преступления в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, считается преступлением, совершенным в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, то есть состоянии, при котором лицо в силу своего возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий» [5].

Но даже такое менее радикальное примечание вызвало немало нареканий. Так, по мнению ПУ Аппарата ГД ФС РФ [6], дополнение статьи 131 УК РФ примечанием (пункт 5 проекта), в соответствии с которым в статьях 131, 132 УК РФ, а также в других статьях Кодекса совершение преступления в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, считается преступлением, совершенным в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, приведет к конкуренции норм между частями первыми и четвертыми статей 131 и 132 УК РФ как при решении вопросов квалификации преступлений, так и в части назначения наказания. Например, изнасилование потерпевшей, не достигшей двенадцатилетнего возраста, с учетом вносимых изменений будет квалифицироваться по части первой статьи 131 УК РФ с максимальным наказанием шесть лет лишения свободы, в то время как действующая часть четвертой статьи 131 УК РФ предусматривает за изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, максимальное наказание до двадцати лет лишения свободы. Таким образом, предлагаемое законопроектом дополнение не позволит применить к лицам, совершившим указанные преступления, повышенные меры уголовной ответственности.

Обращаем внимание, что судебная практика возраст потерпевшего до 12 лет расценивает как беспомощное состояние, и, соответственно, половое сношение с таким лицом квалифицируется как изнасилование, а развратные действия – как насильственные действия сексуального характера (пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 года № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации») [7].

Правительством РФ в представленном Официальном отзыве на законопроект также сделаны перспективные выводы о нецелесообразности введе-

ния примечания: В случае принятия предлагаемой нормы могут возникнуть трудности в применении на практике как самой статьи 131, так и иных статей УК, содержащих указанный квалифицирующий признак [8].

Только в Проекте Федерального закона № 577813-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» (окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 07.02.2012), предложена действующая редакция примечания.

Но «приспособленность» уголовного законодательства под правоприменителя опять не поставлена во главу угла. Проблемы применения действующего примечания к ст. 131 УК РФ неизбежны. Действующая редакция примечания статьи 131 УК РФ породит проблемы квалификации, нарушения принципа субъективного вменения вины, описания объективных признаков состава при квалификации в соответствии с примечанием, соотношения понятия беспомощности в части первой и части четвертой ст.ст. 131, 132 УК РФ.

Судебному прецеденту как непризнанному источнику уголовного права придается данным примечанием официальный статус. Если объективная сторона состава ст. 134 УК РФ (независимо от критерия [9, с. 121–126 и др.], несоответствие названия статьи ее диспозиции [10], спорность примечания как специальной нормы освобождения от наказания) описывается в диспозиции статьи, то объективная сторона ст. 135 УК РФ не описана в диспозиции. Как известно, в теории и на практике выделяют две разновидности развратных действий: физические и интеллектуальные, но квалификация как насильственных действий сексуального характера по ст. 132 УК РФ не может ограничиваться только физическим показателем совершенного деяния.

В Уголовном кодексе нет, при попытках его ввести, понятия развратных действий, постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2004 № 11 его также не разъясняет. Если ориентироваться на пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», согласно которому «изнасилование и совершение

насильственных действий сексуального характера следует считать оконченными соответственно с момента начала полового акта, акта мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера, предусмотренных объективной стороной данных составов преступлений, независимо от их завершения и наступивших последствий», то ясно, что отнюдь не любые развратные действия могут быть отнесены правоприменителем к ст. 132 УК РФ. Но, отмалчиваясь в характеристике развратных действий, которые могут перерасти в статью 132 УК РФ в отношении беспомощной категории потерпевших, законодатель ограничивает сферу применения «нового» примечания.

Ю. Пудовочкин [11] обращает внимание на то, что современная редакция УК РФ не требует признака заведомости возраста жертвы изнасилования и насильственных действий сексуального характера. В этой связи в полном соответствии с принципом вины нужно констатировать, что ответственность за рассматриваемые преступления возможна как в тех случаях, когда виновный достоверно знал о возрасте жертвы, так и в тех случаях, когда такое знание носило предположительный, вероятностный характер. Изнасилование – умышленное преступление. Каждый признак объективной стороны, характеризующий его общественную опасность, должен виновным осознаваться. Виновный может воспринимать самую различную информацию, характеризующую жертву: документы о рождении, слова самой жертвы, высказывания ее подруг или родственников, образ поведения, род занятий, внешний облик и т.д. На основании этих объективных данных у него должно сформироваться понимание того, что жертва не достигла 18 или 14 лет. Такого, даже в самой общей форме, понимания вполне достаточно для вменения соответствующего квалифицирующего признака.

Нормы ст. ст. 134 и 135 УК РФ в редакции закона от 27.07.2009 № 215-ФЗ также не предусматривают признака заведомости, но в умышленных деяниях, которыми являются и составы ст.ст. 131, 132 и составы ст.ст. 134, 135 УК РФ, необходимость учета направленности умысла никем не отменена.

В нормах ст.ст. 131, 132 УК РФ после внесения изменений законами от 27.07.2009 № 215 – ФЗ и от 29.02.2012 № 14 – ФЗ законодателем не решены проблемы, связанные с дифференциацией ответственности за половые преступления против

несовершеннолетних, и к тому же созданы новые проблемы, усугубляющие сложности правоприменения, в связи с чем ожидаемы новые изменения в рассмотренных нормах.

Литература

1. Заключение Комитета по вопросам семьи, женщин и детей от 20.09.2011 № 3.6-12/121.2 «По проекту Федерального закона № 577813-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»».

2. Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Федеральный закон вступил в силу со дня его официального опубликования.

3. Паспорт проекта Федерального закона № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» (снят с рассмотрения).

4. Постановление ГД ФС РФ от 07.02.2012 № 64-6 ГД «О проекте Федерального закона № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»».

5. Проект Федерального закона № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за престу-

пления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 26.01.2011).

6. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 19.01.2011 № 2.2-1/127 «По проекту Федерального закона № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» (повторно к первому чтению).

7. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 19.01.2011 № 2.2-1/127 «По проекту Федерального закона № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» (повторно к первому чтению).

8. Правительство РФ. Официальный отзыв от 2 февраля 2010 г. № 357п-П4 на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних».

9. Дьяченко А.П.; Авдеева М.В. Об усилении уголовной ответственности за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних // Журнал российского права. 2011. № 4.

10. Так, К. Кантемирова, приводя различные формы иных действий сексуального характера, обоснованно отмечает, что термины «половое сношение» и «иные действия сексуального характера», указанные законодателем в названии статьи, значительно шире по смысловому значению терминов «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», используемых в диспозиции этой нормы.

11. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы понимания и квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: новое в уголовном законодательстве <http://www.soprotivlenie.org/?id=3&cid=116&t=v>.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ КОЛЛИЗИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена исследованию механизмов преодоления юридических коллизий в конституционном праве, определению их видов, правоприменительных проблем и перспектив совершенствования.

Article is devoted to research of mechanisms to overcoming of legal collisions in a constitutional law, to definition of their types, law-enforcement problems and improvement prospects.

Ключевые слова: юридическая коллизия, конституционные нормы, конституционные механизмы преодоления, судебная практика, правопонимание, толкование, естественное право, национальная система права, юридическая сила, правовые позиции.

Keywords: a legal collision, the constitutional norms, constitutional mechanisms to overcome judiciary practice, understanding of the law, the interpretation, the natural right, national system of the right, validity, legal positions.

Правовые механизмы преодоления юридических коллизий, выделяемые в теории права, весьма разнообразны. Так, Н.И. Матузов, А.В. Малько под механизмом преодоления юридических коллизий понимают «конкретные приемы, средства, механизмы, процедуры их устранения». При этом «в зависимости от характера коллизии применяется тот или иной метод, используется та или иная форма, избирается тот или иной путь снятия возникшего противоречия или выхода из правового тупика» [1]. Указанные авторы выделяют наиболее распространенные способы разрешения юридических коллизий, среди которых обозначают: толкование; принятие нового акта; отмене старого; внесение изменений или уточнений в действующие; судебное, административное, арбитражное и третейское разбирательство; систематизацию законодательства, гармонизацию юридических норм; переговорный процесс, создание согласительных комиссий; конституционное правосудие; оптимизацию правопонимания, взаимосвязи теории и практики; международные процедуры [1].

Эффективность, как и применимость, конкретного механизма преодоления юридических коллизий зависит от: субъекта инициирующего процедуру преодоления юридической коллизий, вида юридической коллизии, уровня их сложности, субъекта, уполномоченного разрешать данную юридическую коллизию.

Таким образом, исследователи усматривают взаимосвязь механизмов (способов) преодоления юридических коллизий с содержанием, видами юридических коллизий. Так, разрешение юридической коллизии между конституционной и отраслевой нормой права («прямая коллизия») осуществляется посредством применения метода юридической иерархии правовых норм.

В этой связи возникают некоторые практические сложности, среди которых следует отметить признание порочной нормы антиконституционной и исключение ее из нормативного регулирования с последующим применением конституционной нормы на основе принципа прямого действия Конституции РФ. На первом этапе Конституционный Суд РФ применяет технику юридической силы, что позволяет преодолеть пороки юридической техники и преодолеть конституционную коллизию. На втором этапе осуществляется расширительное толкование конституционной нормы, подлежащей прямому применению, по сути, латентное нормотворчество, полноценно реализовать которое может только Конституционный Суд РФ в рамках «правовых позиций» [2, с. 13-19], которая становится универсальным механизмом коллизионного права. Как отмечает в этой связи Г.А. Гаджиев, под правовой позицией понимают правовой принцип для разрешения группы сходных юридических коллизий [3, с. 116]. При этом прецеденты, создаваемые Кон-

ституционным Судом, как и акты толкования, имеют нормативно-регулирующее значение, и в этом смысле они также являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, которые распространяются на неопределенно большой круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений [1].

Однако далеко не всегда разрешение юридических коллизий лежит в плоскости технических неточностей нормативных формулировок. К примеру, проблема доктринальных конституционных коллизий не может быть разрешена с помощью исключительно юридических процедур, здесь возникает потребность в привлечении не только формально юридического, но и социологического, историко-культурного подходов. Поскольку в противоречия, по сути, вступают не сами нормы права, а их естественное понимание обществом, с одной стороны, и понимаем их сущности носителями иной культуры и иного правового сознания, интереса, с другой стороны [4]. Конечно, официальное толкование конституционных норм может разрешить подобную коллизию де-юре, четко указав на интерпретацию нормы, но де-факто есть вероятность, что коллизия так и останется неразрешенной, поскольку юридически значимое поведение субъектов права, правоприменителя, их правопонимание и официальное толкование нормы могут находиться в конфликте. Именно поэтому Конституционный Суд РФ в своих решениях применяет не только буквальное, но и доктринальное толкования, тем самым упреждая доктринальное противоречие [5, с. 22-34]. Однако доктринальные противоречия наблюдаются и в практике самого Конституционного Суда РФ. Подобным примером сегодня являются некоторые правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых толкования текста Конституции определяется скорее политической расстановкой сил, нежели последовательной конституционной политикой. Так, решение Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» демонстрирует доктринальное противоречие, которое отражается в 8 особых мнениях судей Конституционного Суда РФ из 19 судей.

Не менее сложным представляется формирование механизма преодоления коллизии конституционных норм и правовой политики, проводимой субъектами правотворчества, административного управления. Одним из таких ярких примеров является сворачивание социальных функций Российского государства, отказ от традиционной патерналистической роли государства, что противоречит ст. 7 Конституции РФ, признающей Российскую Федерацию в качестве социального государства. Примерами такой правовой политики следует назвать последние нормативные новеллы в области образования, ЖКХ, здравоохранения.

На сегодняшний день приходится констатировать, что подобных методов не разработано, а практики направления правовой политики, зачастую противоречащей основам конституционного строя и нормам-принципам, закрепленным в Конституции РФ, получают все большее распространение. Сложность подобных коллизий заключается в том, что многочисленное нормотворчество не только на федеральном, но и региональном, местном уровне создает неприемлемые правовые режимы в различных сферах правоотношений, для реализации конституционных норм. Эта проблема актуализирует вопрос разработки механизма выявления и преодоления противоречий между конституционными положениями и правовыми режимами, их обеспечивающими.

Некоторые группы коллизий не могут быть разрешены в рамках судебной практики и всецело остаются в плоскости законодательной компетенции, например, коллизий естественного конституционного права и его позитивной правовой формы. Очевидно, что данное противоречие раскрывается только через анализ национального правопонимания и преодолевается посредством законодательных новелл. При этом следует отметить, что противоречие между официальным толкованием и естественным правопониманием, как правило, не признается на уровне официальной юридической практики и оценивается как «обывательское» толкование конституционных норм. Тем не менее, на наш взгляд, естественное понимание конституционной нормы большинством общества, идущее вразрез с официальной интерпретацией конституционной нормы, должно рассматриваться как юридическая коллизия. Поскольку правопонимание конституционной нормы обуславливает юридически значимые дей-

ствия субъектов правоотношений и формирует правоприменительную практику, а в некоторых случаях имеет значительные политические последствия, противоречие правопонимания носит юридический характер и юридически значимые последствия.

Еще одной проблемой в реализации конституционного механизма преодоления коллизионных противоречий является ограничения компетенции органов государственной власти по их разрешению. Так, по мнению М.В. Баглая, Конституционный Суд РФ не уполномочен разрешать внутриконституционные коллизии и коллизии, возникающие между Конституцией РФ и ФКЗ «О конституционном Суде РФ» [6]. Тем не менее, думается, что у Конституционного Суда РФ есть достаточно действенный механизм разрешения подобных противоречий, которым является толкование, как буквальное, так и расширительное, системное. Подобный прием Конституционный Суд РФ уже неоднократно использовал в разрешении ряда конституционных противоречий и неопределенностей. При этом акт толкования как бы не признает наличия юридической коллизии, а указывает на неверное понимание (неопределенность) конституционной нормы субъектами правоотношений. При этом, как отмечает Б.С. Эбзеев, «решение Суда о толковании Конституции не влечет утраты юридической силы какими-либо актами или их отдельными положениями, как это происходит при принятии Судом решений по делам о конституционности нормативных актов, договоров, спорах о компетенции. Однако акты или отдельные их положения, основанные на противоречащей толкованию Конституционным Судом интерпретации конституционных норм, подлежат пересмотру издавшими их органами и должностными лицами» [7, с. 246].

Согласно п. «п». ст. 71 Конституции РФ к ведению Российской Федерации относится «федеральное коллизионное право». О коллизионном праве упоминается также в Федеративном договоре. Правовые нормы, устанавливающие порядок разрешения юридических коллизий в сфере конституционных отношений, содержатся и в ряде международных актов.

В то же время анализ ст. 15 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» вообще говорит о том, что законодателем не была предусмотрена ситуация юридической коллизии между нормами международного договора и Конституци-

ей РФ, а также ФКЗ. В статье упоминается лишь о приведения в соответствие федеральных законов.

Между тем неопределенность положений ст. 15 Конституции РФ и пробел в официальном толковании ее положений создает препятствие для успешного преодоления данного вида коллизий. Ситуация осложняется тем, что в конституционной доктрине также нет однозначного ответа на вопрос, по каким правилам должна преодолеваться коллизия между Конституцией РФ и ратифицированным международным договором. Такие ученые, как В.А. Туманов, С.Ю. Марочкин, полагают что «международным договором Российской Федерации не могут быть установлены иные нормы, чем предусмотренные Конституцией России». В этой связи А.И. Кривенький подчеркивает: «Обладая высшей юридической силой, нормы Конституции Российской Федерации имеют приоритет над нормами международных договоров, что со всей очевидностью подтверждает формальное и буквальное толкование п. 4 ст. 15: в случае возникновения коллизии между нормами Конституции РФ и нормами международного договора иерархический приоритет отдается нормам Конституции России. Данный принцип главенствует и в отечественной доктрине международного права. В силу той же ст. 15 ни одна норма правовой системы страны, в том числе и включенная на основе международного права, не должна противоречить Конституции [8].

Согласно иной позиции в теории конституционного права преодоление юридического противоречия между международным договором и положениями Конституции РФ обеспечивает положение ч. 6 ст. 125 Конституции РФ определяющее, что не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению, а также ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», определяющей полномочие Конституционного Суда РФ по разрешению дел о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Однако, чтобы говорить о подобной гарантии необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, каждый международный договор, подлежащий ратификации, должен быть пропущен через обязательную процедуру проверки на соответствие Конституции РФ. Такое требование обуславливается

легализацией в конституционном законодательстве исключительно превентивного судебного контроля международных договоров. Если же договор ратифицирован и в процессе практического применения его положений будет выявлена юридическая коллизия с нормами Конституции РФ, устранить такое противоречие с помощью решения Конституционного Суда РФ будет уже невозможно.

Из анализа порядка ратификации международных договоров, регламентируемого ст.ст. 15, 16, 17 и 34 ФЗ «О международных договорах РФ», а также ст. 88 ФКЗ «О конституционном Суде РФ» [9], следует, что процедура ратификации не предусматривает в качестве обязательной стадии проверку Конституционного Суда РФ на соответствие положений международного договора Конституции РФ [10]. Конечно, ст. 88 ФКЗ очерчивает широкий круг субъектов конституционных отношений обладающих правом обратиться в Конституционный Суд РФ для инициирования подобной процедуры. Так, правом на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации обладают Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, одна пятая членов (депутатов) Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Однако широкий круг субъектов права инициирования судебного нормоконтроля не гарантирует, что подобная процедура будет однозначно реализована, а значит, остается вероятность, что процесс реализации международного договора, вступившего в силу, выявит юридическую коллизию международной нормы и положения Конституции РФ. В этой связи Ю.А. Тихомиров отмечает необходимость создания специальной парламентской структуры, осуществляющей имплементационную экспертизу или более широкое использование полномочий Конституционного Суда РФ в этой сфере, подчеркивая, что «такой практики, к сожалению, почти нет» [11, с. 360].

Иным решением указанной коллизии может быть принятие поправок в Конституцию РФ. Если же изменения коснутся глав 1, 2 или 9 Основного

Закона страны потребуется принятие новой Конституции РФ. Но если технически подобная процедура еще возможна, то юридически такое приведения в соответствие ключевого национального нормативного акта и международного договора может быть просто не реализуемо, так как ни парламент, ни общество может не одобрить подобные изменения. Говорить же о приоритете положений международного договора над нормами Конституции РФ в процессе правоприменения необоснованно, так как для этого необходимо обеспечить юридическое равенство процедур ратификации международного договора и принятия (изменения) Конституции РФ. То есть процедура ратификации, требующая внесения поправок в текст Конституции РФ, должна обеспечиваться принятием решения о ратификации международного договора квалифицированным большинством обеих палат Парламента РФ. Либо в случае противоречия положений международного договора положениям 1, 2 и 9-й главы Основного Закона страны ратификация международного договора должна проходить процедуру, аналогичную процедуре принятия самой Конституции РФ. Только при соблюдении данных условий можно говорить о легитимности международного договора и соблюдении национального суверенитета. В противном случае приоритет международного права над национальным законодательством полностью разрушает конституционную концепцию суверенитета и исключительно народной власти.

Второй гарантией отсутствия юридической коллизии между международным договором и Конституцией РФ является безупречность акта официального толкования. Конституционный Суд РФ должен предусмотреть все возможные противоречия в процессе проведения абстрактного контроля, что представляется крайне утопичным. К тому же не следует забывать, что западная и отечественная модели правопонимания разнятся, поскольку построены на разных политико-правовых парадигмах. Это может привести к конфликту толкования положений международного договора международным и отечественным правоприменителем. Отсюда следует, что признание приоритета норм международного права над Конституцией РФ порождает больше сложных юридических коллизий, нежели выступает конструктивным механизмом их преодоления.

На наш взгляд, юридические коллизии между нормами международного права должны разрешат-

ся в пользу Конституции РФ и федеральных конституционных законов.

Тезис о безупречности Конституции РФ с точки зрения юридической техники не соответствует действительности, так как признаком юридического совершенства конституционных норм в Основном Законе страны является их однозначность, конкретность и логическая встраиваемость. Таким образом, разночтение не только в обыденном, но и профессиональном правопонимании отдельных положений Конституции РФ, выявление конституционалистами логических противоречий между конституционными нормами является безусловным доказательством факта существования внутренних юридических коллизий Конституции РФ.

В качестве еще одной самостоятельной точки зрения выступает концепция, согласно которой развитые страны входят в фазу создания многоуровневого конституционализма, что снимает вопрос классического понимания суверенитета и ставит нормы международного права выше любых национальных нормативных актов [11, с. 363].

Обобщая сказанное, следует отметить, что в теории права давно идет дискуссия о создании системнообразующего правового режима преодоления и предупреждения юридических коллизий. Исследователи не раз поднимали вопрос о необходимости издания специальных нормативных актов образующих систему коллизионного права. Актуальна данная идея и в рамках проблемы формирования эффективного механизма преодоления конституционных коллизий, который крайне размыт в действующем законодательстве и на сегодняшний день компенсируется по сути только деятельностью Конституционного Суда РФ. Однако и его полномочия не достаточно расширенны, чтобы обеспечить охват всего разнообразия конституционных противоречий. Так, Конституционный Суд РФ не наделен правом проверки конституционности обобщения практик пленумов ВС РФ и ВАС РФ, правовые позиции которых в ряде случаев не только противоречат друг другу, но и составляют конкуренцию правовым позициям самого Конституционного Суда РФ.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что поиск эффективных механизмов разрешения юридических коллизий в конституционных отношениях по-прежнему актуален и востребован, а действующие механизмы по преодолению консти-

туционных противоречий нуждаются в детальной доработке и правовой регламентации.

Литература

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2004.
2. Подробней о нормотворчестве судов см.: Кучин М.В. Нормотворческая деятельность судебных органов Российской Федерации и судебный прецедент // Право и политика. 2000. № 5.
3. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сборник докладов. М., 1999.
4. О разночтении в интерпретации юридических терминов см например: Рыхтикова Л.Ю. Конституционно-правовые основы имплементации норм международного права в Российской Федерации. М., 2004.
5. Хабриева Т.Я. Доктринальное и компетентное толкование Конституции // Правоведение. 1998. № 1.
6. К 10-летию Конституции Российской Федерации: защита конституционных прав и свобод граждан: Интернет-конференция // <http://www.garant.ru/action/conference/10154/>
7. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
8. Кривенький А.И. Конституция Российской Федерации как источник международного частного права// http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=1998:2011-03-28-08-51-04&catid=109:2010-06-17-09-48-32&Itemid=196
9. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изменениями от 8 февраля, 15 декабря 2001 г., 7 июня 2004 г., 5 апреля 2005 г., 5 февраля 2007 г., 2 июня 2009 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ», 2012.
10. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (с изменениями от 1 декабря 2007 г.) // Справочная правовая система «ГАРАНТ», 2012.
11. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие / Тихомиров Ю.А. М., 2000.

УДК 342.4

Рябченко П.С.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены теоретико-правовые обоснования законодательного регулирования национально-культурного развития. Автор анализирует феномен этнической идентичности с позиций различных подходов к его интерпретации в контексте создания наиболее благоприятной государственной политики в сфере межнациональных отношений.

The article describes the theoretical and legal justification of legislative regulation of the national-cultural development. The author analyzes the phenomenon of ethnic identity with the positions of the different approaches to the interpretation in the context of the creation of the most favorable public policy in the sphere of international relations.

Ключевые слова: государство; гражданин; законодательство; конституционное право, национальная идентичность; народ; нация; права и свободы, самоопределение; этничность; этнос.

Keywords: State, national, legislation, constitutional law, national identity, nation, law and liberty, self-determination; ethnicity; ethnos.

Стремление народов, населяющих Россию, к национально-культурному развитию, является одной из основных тенденций современной политико-правовой жизни. Необходимость законодательного урегулирования права на национально-культурную самобытность не вызывает сомнений по причине небывалого всплеска межнациональных противоречий и столкновений на межэтнической почве, которыми, к сожалению, характеризуется современное состояние дел в российском обществе. Нельзя, правда, и не учитывать, что непосредственно сепаратистские настроения большей части проблемных регионов уже не так ощутимы, как в последнее десятилетие прошлого века, однако радикально настроенные группы по-прежнему продолжают «борьбу» за идеи независимости и государственного самоопределения. Вместе с тем как никогда сильны и радикальные настроения коренного населения некоторых регионов, направленные на предупреждение изменения карты этнического расселения народов России, которые зачастую перерастают в открытые вооруженные столкновения.

Однако современное российское законодательство все еще продолжает оперировать достаточно размытыми юридическими категориями в сфере межнациональных отношений и предлагать в качестве решения проблем межнационального взаи-

модействия межнациональное единение на базе общегражданской национальной идеи. В этой связи следует учитывать, что построение национального государства в этническом смысле в современной России невозможно. Нельзя не сказать о том, что идея принудительного национального обезличивания и приведения всего национального многообразия к единой общей для всех национальности «русский» перманентно возникала в политической истории России. Южное декабристское общество предлагало в качестве проекта Конституции «Русскую правду» П.И. Пестеля [1, с. 119–205], в которой в качестве основной цели государственной политики в сфере межнациональных отношений была необходимость «составить из них всех (народов) только Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были Русские». В современной научной мысли идея этнического обезличивания и принудительной ассимиляции, утратив свою актуальность по причине отсутствия либерально-демократических способов своего воплощения, трансформировалась в концепцию развития идей интернационализма на фоне общегражданской национальной идеи с различными вариациями на тему государствообразующего населения.

При этом современные идеи некоторых авторов о восстановлении имперского национального сознания с духовно ведущими и духовно ведомыми народами [2, с. 346], хоть и поддерживаются определенной частью населения, но не являются на сегодняшний день сколько-нибудь перспективными. Приходится констатировать отсутствие и общегражданской национальной идеи, которой хоть и в формальном виде, но все же обладал бывший СССР, где, несмотря на формальное присутствие системообразующего архетипа в лице «великой Руси», все-таки в большинстве случаев достаточно сильны были интернациональные отношения и настроения [3, с. 18]. Однако современная этнополитическая ситуация уже очень далека от той, что была в СССР. Не случайно такое активное неприятие вызвали современные попытки ввести юридический термин «российская нация» в рамках проекта Федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», под которой следовало понимать общероссийскую гражданскую и духовно-нравственную общность.

По мнению противников данного понятия, попытка замены конституционного понятия «многонациональный народ» (статья 3 Конституции РФ) понятием российская гражданская нация направлена на ассимиляцию народов Российской Федерации, отчего особенно пострадают национальные субъекты Российской Федерации. И это при том, что от формулировки «межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности» (Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909) было предложено отказаться. В этой связи нельзя не отметить, что и сам термин «многонациональный народ» по причине смещения в нем как примордиалистских, так и субъективистско-конструктивистских подходов к пониманию системообразующих понятий вызывает вполне обоснованные претензии.

Анализируя текст Конституции РФ, нельзя не заметить, что в нем, так или иначе, получили свое закрепление и развитие целый ряд прав, свобод и принципов, затрагивающих проблему права на национально-культурное развитие. Так, государство гарантирует равенство прав и свобод челове-

ка и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка. Кроме того, запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19). Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность, однако никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности (ч. 1 ст. 26). Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26).

Однако в комплексном виде право на национально-культурное развитие не получило своего закрепления ни в тексте Конституции РФ, ни в отраслевом законодательстве. Такое отсутствие единого понимания всего комплекса соответствующих прав и свобод, «подкрепленное» полной неопределенностью соответствующего категориального аппарата, значительно не только затрудняет всестороннее понимание проблемы, но и существенно усложняет ее законодательное регулирование как в части обеспечения всего комплекса национально-культурных прав, так и в части противодействия преступности на национальной почве. Задачу по некоторой систематизации данного института был призван решить Федеральный закон «О национально-культурной автономии», который «брался» регулировать и ряд сопутствующих проблем, однако, следует признать, что с поставленной задачей он, скорее всего, не справился [4, с. 162–177]. Похожие задачи возлагались и на принятие Федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», но и его содержание в части систематизации категориального аппарата, выработки основных подходов к законодательному регулированию межнациональной политике как на федеральном, так и региональном уровнях оказалось далеким от требуемого.

В таких условиях попытки государственной власти свести на нет весь блок межэтнических противоречий путем выработки очередной национальной общегражданской идеи и системы воспитания граждан в духе патриотизма и интернационализма, хоть и заслуживают внимания, но вряд ли являются сколько-нибудь продуктивными. Совершенно очевидно, что сегодня любые мероприятия по воспитанию национальной «терпимости» рассчитаны на уж очень долгосрочную перспективу.

При этом межнациональная обстановка становится все более и более напряженной. В такой ситуации уже не может иметь принципиального значения очередной повод для эскалации конфликта, межнациональный или бытовой. В конечном итоге, большинство конфликтов перерастают в конфликты на национальной почве. Очередной попыткой к решению межнациональных конфликтов стала инициатива некоторых регионов по привлечению к охране общественного порядка специальных «дружин», которые формируются не из числа сотрудников органов внутренних дел. И если в бывшем СССР подобные формирования создавались на добровольной основе и служили для массового привлечения населения к охране порядка в общественных местах, то специфические задачи современных формирований остаются достаточно неоднозначными. Получив в большинстве своем одобрение со стороны коренного населения, эта инициатива все-таки заслуживает своего правового и морально-этического анализа. Не случайно, их первоначально провозглашенная задача – «борьба с незаконной миграцией и противодействие конфликтам на межнациональной почве» – была заменена на более «толерантную» – «препятствие детям и подросткам выходить из дома ночью без сопровождения взрослых». Определенный интерес вызывают и сами «принципы» формирования таких дружин. Кроме того, это очень остро поднимает проблему не только готовности правоохранительной системы к предупреждению эскалации конфликтов на межнациональной почве, но и современного российского законодательства в области регулирования права граждан на национально-культурное развитие и пределов его ограничения. В этой связи нельзя также не обратить внимание на необходимость серьезного переосмысления Федерального закона «О полиции» и Федерального закона «Об общественных объединениях».

Нельзя также забывать и о серьезной консолидации на почве различных религиозных вер и учений, без которой в последнее время редко обходится осознание своей национальной идентичности. Именно по этой причине вопросы, касающиеся религиозной идентификации, также относятся к системе проблем в рамках межнациональных взаимодействий и нуждаются в серьезном законодательном регулировании. И если эксперименты по введению «религиозных» предметов повсеместно признают-

ся органами государственной власти успешными, то на деле становится очевидным исключительно формальный подход власти к системе религиозного просвещения, в частности в рамках действующего на сегодняшний день Федерального закона «Об образовании» и Федерального закона «О религиозных объединениях».

В целом сложность правовой регламентации проблем, так или иначе, затрагивающих «национальный вопрос», объясняется не только традиционной боязнью законодателя спровоцировать дополнительную напряженность в межэтнических отношениях. Огромная разница в теоретических подходах к рассматриваемой проблеме, существующих в рамках примордиалистских, субъективистских и конструктивистских концепций, не дает возможности определиться с системой основных понятий. В частности, юридического определения таких понятий, как «национальность» и «этническая принадлежность», в российском законодательстве как не было, так и нет (однако, право указывать свою национальную принадлежность закреплено в ч.1 ст. 26 Конституции РФ). В том числе и по этой причине мы наблюдаем ситуацию частичного правового регулирования, когда законодатель пытается урегулировать частные проблемы, не внося какую-либо ясность в систему понятий в целом.

При этом «народ» Российской Федерации в соответствии с Преамбулой Конституции РФ определяется как «многонациональный», что сразу порождает целый ряд вопросов к законодателю, касающихся юридического понимания терминов «народ», «нация» и «национальность». Однако законодатель никак не мог обойти вниманием проблему совершения преступлений «на национальной почве», заложив основы ее регулирования в ч. 2. ст. 29 Конституции РФ, в соответствии с которой не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Но, попытавшись свести межнациональную преступность к проблеме экстремизма, законодатель также не достиг особых результатов, так как четкого и внятного определения понятия экстремизма в современном отечественном законодательстве не существует до сих пор. Попытки квалификации экстремизма в Уголовном кодексе РФ свелись к

введению нескольких статей и определению преступлений экстремистской направленности, а Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» пошел по пути перечисления деяний, которые «условно» могут быть отнесены к данному виду преступлений, но так и не сформулировал самого понятия экстремизма. При этом введение в оборот ряда малопонятных юридических терминов, таких как «социальная группа» и «социальная рознь» привело к целому ряду дискуссий на эту тему [5, с. 22–23]. В этой связи нельзя не вспомнить и об уголовном преследовании, которому не так давно подвергались авторы научных исследований в сфере межэтнических и межнациональных отношений. Вышедшее Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», было призвано внести определенную ясность в рассматриваемую проблему. Однако, нельзя забывать, что данное постановление носит рекомендательный характер, формально не имея юридической силы.

В целом, в настоящее время в обществе все более осознается необходимость точного юридического оформления, в первую очередь на федеральном уровне, научно обоснованной концепции, учитывающей необходимость обеспечения единства и целостности российского государства в новых исторических условиях [6, с. 3–4]. При этом основным провозглашенным принципом современной политики в сфере межнациональных отношений так и остается принцип баланса между государственными интересами и интересами этнических общностей, населяющих Россию, при сохранении приоритета интересов государства. Естественно, что данный принцип заслуживает только поддержки,

к сожалению, законодательное регулирования проблем национального взаимодействия все еще нуждается в серьезном к нему отношении. Речь идет и о том, что государственные программы, направленные на воспитание народов Российской Федерации в духе национальной терпимости рассчитаны на долгосрочную перспективу, а постоянно возникающие очаги межнациональных противоречий - это одна из актуальнейших проблем сегодняшнего дня. В таких условиях, основанием государственной межнациональной политики должен быть четкий конституционно-правовой механизм регулирования не только системы гарантий права на национально-культурное развитие и его имманентных пределов, но и механизма противодействия экстремизму на национально-культурной и религиозной почве.

Литература

1. Восстание декабристов. Документы. М., 1958. Том VII.
2. *Кольев В.Н.* Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005.
3. *Трофимов Е. Н.* Эволюция российского законодательства в сфере национальной политики: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук: М., 2007.
4. *Хабриева Т.Я.* Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003.
5. *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дисс... докт. юрид. наук. 2011.
6. *Дубровин Ю.Д.* О государственном регулировании межнациональных отношений в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 2.

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПАРИРОВАНИЯ РИСКОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье с позиций системного подхода рассматриваются существующие в научной литературе теоретические концепты, используемые для изучения политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике.

This article from the standpoint of a systems approach considers existing literature in the theoretical concepts used to study the mechanisms of political parry riskogennyh factor in modern environmental policy.

Ключевые слова: *политический механизм, рискогенные факторы, экологическая политика.*

Keywords: *political mechanism, riskogennyh factors, the environmental policy.*

В целях научного понимания того, как политические механизмы позволяют парировать рискогенные факторы в современной экологической политике, необходимо провести системно-семантический и теоретико-методологический анализ данного понятия и связанных с ним других понятий в проблемном поле политической науки.

Данный анализ следует проводить, отталкиваясь от термина «механизм». В контексте настоящего исследования из достаточно большого числа определений понятия «механизм» мы будем использовать следующий. Термином «механизм» обозначается «система, устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности» [1, с. 283]. Под системой принято понимать упорядоченное множество функционирующих элементов, находящихся во взаимосвязи и образующих определенную целостность.

С общим понятием механизма связан и, собственно говоря, термин «политический механизм». Однако научная разработка этой категории является, по нашему мнению, явно недостаточной, особенно в том аспекте, который связан с отраслевым применением данных механизмов в различных областях политической жизни. Зачастую термин «политические механизмы» трактуется предельно широко применительно к различным видам поли-

тической деятельности, внешней и внутренней, что позволяет вкладывать различный смысл в это понятие, тем самым его размывая, а не концептуализируя.

В данной связи изучение понятия «политические механизмы парирования рискогенных факторов» предполагает уточнение смыслового содержания этого термина, а также определение его соотношения с такой категорией, как экологическая политика.

Политические механизмы являются средством реализации государственной политики, конкретных задач государственного управления. В решающей степени набор и характер этих механизмов, используемых практически, определяется политическим режимом конкретной страны, поскольку в нем воплощаются все средства и методы осуществления политической власти [2, с. 17]. Поэтому, наряду с другими подходами, можно определять политические механизмы парирования рискогенных факторов в соответствии с определенными видами политических систем: демократического, монархически-традиционного, авторитарного, тоталитарного. В таком случае, с учетом некоторых интерпретаций формулировок, можно выделить следующие группы реально известных политических механизмов: демократические, или правовые,

авторитарные, или командные, тоталитарные [3, с. 23]. Каждая из них специфична в обеспечении процесса управления, присуща тому или иному политическому состоянию общества и государства. Вместе с тем абсолютно чистой, стопроцентной реализации классических моделей политического режима в современном сообществе стран отыскать трудно. Практически всегда имеются какие-либо отступления от них, продиктованные историческими, социальными, идеологическими и иными причинами, а также особенностями современного политического развития.

Мы должны отметить важное методологическое отличие понятий предотвращения и парирования рискогенных факторов. Предотвращение относится скорее к характеру превентивных политических мер, оно реализуется до того как произошла экологическая катастрофа и возникли вызванные ею политические последствия. Наоборот, парирование в политическом контексте относится к действиям, направленным на отведение уже актуализированной, реально существующей и действующей угрозы. Парирование – это отвод нанесенного удара политическим средствами в принципиально другое русло или сферу или переадресация его другим участникам политического процесса [4, с. 426-435].

Само государственное управление является по преимуществу политическим процессом, ибо государство, как основной политический институт, разрабатывает, утверждает и осуществляет все принципиальные политические стратегии развития общества. Оно представляет собой масштабную, разветвленную и влиятельную систему политического управления. Поэтому политические механизмы управления, прежде всего, используются в государственной и межгосударственной сфере политического взаимодействия [5, с. 268].

Режим государственной власти определяет, диктует принципиальные методы реализации политики в экологической сфере, особенно в вопросе выбора конкретных механизмов парирования постоянно возникающих рискогенных факторов, в рамках которых в свою очередь подбираются необходимые и возможные механизмы конкретных управленческих действий и принятия решений. Обычно такие механизмы означают совокупность определенных управленческих процедур, навыков, приемов, объединенных каким-либо политическим методом или принципом. Среди таких принципов,

по сути формирующих характер политических механизмов парирования рискогенных факторов в современной экологической политике, определяющими являются легитимность, гласность, открытость, законность, ответственность, научность, преэминентность формирующие характер политических механизмов [6, с. 201]. Поскольку набор используемых в политическом управлении различными процессами, связанных с экологией механизмов определяется, главным образом, политическим режимом и его интересами всякого конкретного времени, исследование характера применяемых механизмов позволяет лучше понять и оценить существующий режим государственной власти, его готовность идти на компромиссы, решая глобальные экологические проблемы, а также гибкость во внутривнутриполитических процессах, связанных с экологической сферой.

Политические механизмы являются средством реализации государственной политики, решения конкретных задач государственного управления. В решающей степени набор и характер этих механизмов, используемых практически, определяется политическим режимом конкретной страны, поскольку в нем воплощаются все средства и методы осуществления политической власти.

Институционализация политической деятельности, являясь одним из условий эффективности политических механизмов, представляет собой процесс упорядочивания формальных и неформальных правил политических отношений, в рамках которых совместная деятельность политических акторов реализуется с помощью определенных ролей и статусов [7, с. 89].

При этом в основе всякой политической деятельности лежат концептуальные идеи, отраженные в доктринальных, в том числе нормативно - правовых, актах, закрепляющих политические стратегии. Собственно политическая деятельность проявляется в принятии важнейших решений, направленных на выработку и применение конкретных средств и методов достижения поставленных внешнеполитических и внутривнутриполитических целей.

Политические механизмы можно определить как совокупность различных видов деятельности политических субъектов, а также способов их взаимоотношений, формальных и неформальных правил и процедур, гарантированных международным и национальным правом и включенных в динамику

практически-политических отношений, которые реализуются в соответствии с выдвигаемыми политическими целями [8, с. 17].

Поэтому применительно к любому виду деятельности термин «механизм» означает организованную последовательность взаимосвязанных и целенаправленных действий, осуществляемых в определенном порядке определенными субъектами. В отличие от техники, откуда пришел термин «механизм», социальные механизмы - не столько физическое явление, которое может быть выявлено при помощи органов чувств, сколько совокупность прав и обязанностей, определяемых ими содержание и характер деятельности индивидов и групп. А специфика политического механизма заключается в том, что он опирается на государственную власть (или ориентируется на ее нейтрализацию), которая предполагает отношения господства и подчинения между взаимодействующими акторами и в основе которой лежат принуждение и право, освящающие легитимное насилие [9, с. 28].

Термин «политический» означает «относящийся к политике», т.е. к деятельности органов государственной власти и государственного управления по обеспечению классовых или иных общественных интересов посредством институтов власти. Соответственно, именно государство в лице своих национальных органов законодательной и исполнительной власти выступает основным субъектом политической деятельности. При этом, основываясь на конституционном принципе разделения властей, каждая ветвь власти участвует в формировании и реализации государственной политики строго в пределах своей компетенции, не подменяя и не вмешиваясь в сферу другой ветви власти [10, с. 19].

Так, законодательная власть от имени государства разрабатывает и принимает нормативные акты, в которых реализуется политическая воля путем введения правовых норм. Высшие органы исполнительной власти определяют основные задачи и направления деятельности всех иных органов власти и управления по их исполнению, создают или реорганизуют органы, непосредственно выполняющие политико-правовые функции, а также формируют механизм контроля и надзора за их деятельностью.

Однако достижение политических целей происходит не только в результате деятельности государственных органов, но и посредством деятельности общественных организаций, а также международ-

ных политических и правовых институтов и организаций, в том числе путем объединения усилий формальных и неформальных органов и организаций. Политический процесс непрерывен и сложен. Он может развиваться в разных направлениях, накладывать одну деятельность на другую, быть единством многообразия и многообразием единства.

В процессе принятия политических решений участвуют или на него оказывают влияние группы интересов, политические партии, общественные организации и движения, органы местного самоуправления, религиозные объединения, бизнес-структуры и т.д. В сфере публичной политики далеко не все является публичным, в ней возможно существование, а иногда и доминирование теневых центров власти, принятия решений. Наконец, в управленческой деятельности государства не все имеет политическое звучание: оно осуществляет многие функции управления, далекие от политики [9, с. 29].

Политические механизмы можно определить как совокупность различных видов деятельности политических субъектов, а также способов их взаимоотношений, формальных и неформальных правил и процедур, гарантированных международным и национальным правом и включенных в динамику практически-политических отношений, которые реализуются в соответствии с выдвигаемыми политическими целями.

В связи с этим политический механизм включает в себя и негосударственных акторов с их политическими целями, сложившимися правилами и процедурами. Это обусловлено тем, что политика, как упорядоченная и целерациональная деятельность, носит имманентный характер, т.е. постоянно и внутренне связана с общественными противоречиями и конфликтами. Политика вырастает из конфликта и является средством его разрешения. Поэтому политику следует рассматривать в этой связи в качестве важнейшего инструмента оптимизации конфликтных политических взаимоотношений, который применяется для преобразующего воздействия на источник конфликта и его участников и достижения конкретных целей определенных политических групп, общественных и политических образований, национальных государств, международных организаций.

Поскольку что политика изначально связана с организацией и проявляется, как правило, в упоря-

доченной и институционализированной форме, всякое политическое явление или движение, так или иначе, приобретает управляемый, иерархический и относительно устойчивый вид. Институционализация политической деятельности, являясь одним из условий эффективности политических механизмов, представляет собой процесс упорядочивания формальных и неформальных правил политических отношений, в рамках которых совместная деятельность политических акторов реализуется с помощью определенных ролей и статусов.

Политические механизмы означают совокупность определенных управленческих процедур, навыков, приемов, объединенных каким-либо политическим методом или принципом. Среди таких принципов, по сути формирующих характер политических механизмов парирования рисков факторов в экологической политике, определяющими являются легитимность, гласность, открытость, законность, ответственность, научность, преемственность или же другие, противоположные названным и формирующие иной характер политических механизмов.

Политика очень часто вырастает именно из конфликта и риска и в этой связи становится средством его минимизации, парирования или преодоления. Поэтому политику следует рассматривать в качестве важнейшего инструмента оптимизации конфликтных социальных взаимоотношений, который применяется для преобразующего воздействия на источник конфликта и его участников и достижения конкретных целей определенных групп интересов, общественных и политических образований, национальных государств, международных экологических организаций.

Анализируя механику производства рисков и рискованных факторов, английский ученый Э. Гидденс подчеркивал, что современный мир структурируется, главным образом, рисками, созданными человеком, и в этой связи очень большое значение имеют именно экологические проблемы, как существующие постоянно и имеющие общественную значимость и интерес. Э. Гидденс ввел понятие «среды риска» в современном обществе, выделив три ее основополагающих и системообразующих компонента: угрозы и опасности, порождаемые модернизацией; угроза насилия над человеком, исходящая от индустриализации войн, и угроза возникновения чувства бесцельности, бессмыслен-

ности человеческого существования, порождаемая попытками индивида соотнести свое личное бытие с процессами модернизации [11, с. 102]. К тематике данного исследования непосредственно, относится первая угроза, связанная с воздействием проблем в экологической сфере.

С понятием политических механизмов парирования рискованных факторов в современной экологической политике тесно связано понятие риска и рискованных факторов в их связи с современной экологической политикой. В политологическом анализе проблемы «риска» выделяются несколько этапов научно-теоретической концептуализации, которая имеет непосредственное отношение к теме данного исследования. В частности в научном изучении риска выделяют два основных подхода – технический и социальный [12, с. 61]. В рамках технического направления риск рассматривается как физический атрибут используемых технологий, оказывающих существенное влияние на окружающую человека среду и всю глобальную экологическую систему в целом. Экологический риск является неотъемлемым атрибутом человеческого бытия. Если провести анализ исторических фазы существования риска, то, опираясь на специальное исследование С. Ковалева [13], мы можем выделить три его основных типа по базовому и определяющему признаку его содержания: риск естественный; цивилизационный; глобальный.

Характеристика каждого типа включает риск, возникающий при взаимоотношениях человека с природой, экстраполируя его на риск взаимоотношений внутри общества в контексте возникающих экологических проблем, рискованные факторы применения определенных технических средств в экономической деятельности человека и рискованные факторы взаимоотношений общества и государства из-за отсутствия консенсуса по значимым экологическим вопросам, а также рискованные факторы появляющиеся по причине несогласия ведущих государств между собой по экологическим вопросам.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989.
2. Коваленко М.П. Стратегия обеспечения национальной безопасности современной России: механизмы

противодействия вызовам и угрозам: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов- на-Дону., 2008.

3. Мрищук А.А. Политические механизмы противодействия внешним угрозам национальной безопасности России // Право и безопасность, Декабрь 2009. № 4 (33).

4. См. оценку россиянами степени значения современных экологических проблем // Политический словарь нашего времени. М., 2006.

5. Якунин В.И. Формирование государственной политики в современной России. М., 2006.

6. Andersson A. Andersson D. Gateways to the Global Economy // Journal of Housing and Built Environment. Volume 17. Number 2. April 2002.

7. Агаханянц П. Ф. Принятие экологически значимых решений и российская общественность – позиции

участников процесса // Экологическое планирование и управление. 2006. № 1.

8. Douglas M. Risk Acceptability according to the Social Sciences. NY, 1985.

9. Козлова А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере: Автореф. дис. докт. полит. наук. М., 2009.

10. Соболев Н. А. Критерии и методы формирования экологической сети. М., 2003.

11. Giddens. A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity, 1990.

12. Ижев И. Теоретические подходы к исследованию проблемы риска // Власть 2010. № 2.

13. Ковалева М.С. Эволюция понятия «риск» // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1.

УДК 235

Тремба В.А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Рост миграционных потоков на территорию Российской Федерации актуализировал потребность в разработке концепции государственной миграционной политики РФ, направленной на повышение эффективности управления миграционными процессами и оптимизацию интеграции мигрантов в российское общество. В связи с этим автор предлагает рассмотреть основные направления повышения эффективности государственной миграционной политики современной России.

Political and economical transformations in the modern world, started in the second half of the 20th century including, first of all, decolonization of the third world, globalization of economical relations and increase of social polarization on a world scale caused a multiple growth of migratory processes which had become popular by the end of the 20th century and affected almost every country all over the world. Migration, which became one of the key challenges of the 21st century, entailed a number of serious problems worldwide and this explains why the author addresses the problem of migration in the aspect of political science.

Ключевые слова: миграционная политика, российское общество, миграция, мигранты.

Key words: migration, migratory processes, modern society, globalization.

В связи с распадом СССР в начале 1990-х в Россию хлынул поток мигрантов из стран теперь уже ближнего зарубежья, не иссякающий и по настоящее время. Можно с большой долей уверенности заявлять о том, что неблагоприятная социально-политическая, экономическая и демографическая обстановка в большинстве вновь образовавшихся государств на постсоветском пространстве повлечет за собой дальнейший рост числа переселенцев и трудовых мигрантов, приезжающих в Россию в

поисках «лучшей доли» или на заработки, как временно, так и постоянно. Исследователи выделяют два основных фактора, повлиявших на миграцию населения в современной России – это превращение России из страны, «отдающей» людские ресурсы, в страну «принимающую» и развитие дестабилизационных процессов на постсоветском пространстве, заключавшихся в экономическом кризисе и политической неразберихе, а также в конфликтах и

войнах в целом ряде государств бывшего Советского Союза [1, с. 342].

Следует заметить, что острые проблемы миграции, столь актуальные сейчас для нашей страны, свойственны для многих западных государств, в которые активно прибывают мигранты из развивающихся стран юга и востока, территорий, освободившихся от колониальной зависимости, а также менее благополучных стран-соседей. Вот почему исследованием данного явления занимается целый ряд видных специалистов в нашей стране и за рубежом, причем позиции разных ученых-обществоведов не тождественны, противоречат друг другу и принципиально разнятся по отношению к одним и тем же вопросам. Возможность полноценной интеграции и ассимиляции в принимающем государстве оценивается неоднозначно, подчас высказываются самые противоположные мнения по этому поводу.

В современной социальной науке существует две основных теории, характеризующих миграционный процесс. Ассимиляционистская, или, как ее еще называют, «теория плавильного котла», получила практическое воплощение в США, Германии, Франции и ряде других стран. Теория мультикультурализма используется в Великобритании, Канаде и Скандинавских государствах [2].

Большинство ученых-обществоведов сходятся во мнении, что ассимиляция является основным методом интеграции приезжих в новую для них социальную среду, способствуя сглаживанию культурных и национальных противоречий. Переселенцы, готовые к ассимиляции, наиболее «удобны» для принимающей стороны, поскольку они менее конфликтны и настроены на сотрудничество. И это естественно, ведь ассимиляция означает вливание в социальную культуру большинства и принятие иммигрантами норм и ценностей, господствующих в данном обществе.

Тем не менее, РФ уже более 20 лет неизменно притягивающая огромное количество приезжих не только из стран постсоветского пространства и Дальнего Востока (прежде всего из Китая), но и с Африканского континента и государств Ближнего Востока, пока так и не выбрала для себя четкого пути, которого необходимо придерживаться в осуществлении миграционной политике, а также построения внутренних отношений с уже прибывшими переселенцами. Именно с этой неопределенностью и связаны трудности, которые российская

власть испытывает сегодня при решении проблем миграционного характера.

Большое количество переселенцев в настоящее время □ представители исламских стран: Центральноазиатского региона, ближневосточных государств, Азербайджана и т.д. Если армяне и грузины, исповедующие христианство, традиционно сосуществовали с русскими, причем взаимодействие это началось еще задолго до революции, то народы Центральной Азии, а также малочисленные этносы: турки-месхетинцы, курды, езиды и др. □ проживали компактно, исключительно на небольших по площади территориях бывших советских стран. Лишь некоторые представители русского населения, которые приезжали на окраины Советской империи по рабочей необходимости, могли общаться с представителями данных этносов, остальным подобные национальные меньшинства представлялись отдаленной экзотикой. Но и упомянутые малые народы жили, как правило, согласно устоявшимся обычаям и традициям, имели мало опыта во взаимодействии с русским населением и зачастую плохо разговаривали и понимали по-русски, что являлось еще одним препятствием в установлении доверительных отношений между нациями.

Не удивительно, что наиболее затруднена ассимиляция в России представителей центральноазиатских стран и закавказских республик, приехавших из сельской местности. Практически у всех этих мигрантов возникают большие проблемы, связанные с незнанием русского языка. К тому же эти люди – во многом носители традиционного мышления с соответствующим типом поведения и набором ценностных установок. Все эти особенности – потенциальные источники конфликтов с русскоязычным населением. К тому же для большого числа мигрантов Россия – лишь временное пристанище, дающее возможность постоянного заработка, постоянно оставаться здесь такие временные переселенцы и не рассчитывают, а потому пренебрежительно относятся к правилам и обычаям принявшего их общества. Данные особенности свойственны, в первую очередь, представителям центральноазиатских стран и закавказских республик, испытывающим самые значительные трудности в процессе интеграции в современное российское общество.

Для преодоления негативных последствий миграционных процессов и своевременной адаптации в российское общество иммигрантов из ближнего

и дальнего зарубежья нашему государству необходимо проведение продуманной и четко выверенной миграционной политики, направленной на укрепление консолидации и межкультурного взаимодействия в обществе. Необходимо также четко разграничивать трудовую миграцию и переезд на новое место жительства на постоянной основе.

У трудовых мигрантов, рассматривающих нашу страну лишь в качестве поля для зарабатывания средств, необходимо сформировать понимание того, что возможность их дальнейшего пребывания и тем более осуществления какой-либо профессиональной деятельности на территории нашей страны напрямую зависит от их желания приспособиться к нормам и правилам жизни страны, которая их приняла и обеспечила рабочими местами. К особо негативным последствиям может привести формирование внутри нашей страны территориально ограниченных анклавов, где проживают представители национальных общин и диаспор. Именно такие образования являются взрывоопасным компонентом, способным в любую минуту превратиться в источник массовых беспорядков и социальных конфликтов. Примеры Франции, Германии и ряда других стран наглядно показывают возможность такого развития событий.

Кроме того, следует ограничивать проникновение на территорию России заодно с трудовыми мигрантами их семей, поскольку такой массовый въезд оказывает разрушительное воздействие на хрупкий межнациональный баланс, установившийся в России. Несомненно, что право на прибытие в Россию должно предоставляться исключительно лицам, говорящим на русском языке, не имеющим судимости, с определенным образовательным уровнем и профессиональной подготовкой. Правонарушения, и тем более, преступления, совершенные мигрантами, должны строго караться в рамках российского законодательства. Последующий въезд в страну для таких лиц должен быть запрещен или, по крайней мере, затруднен.

Необходимо также привить мигрантам осознание того, что разрешение на жительство в нашей стране они могут получить лишь в том случае, если их профессиональные навыки будут востребованы обществом. Органы охраны правопорядка должны быть особенно внимательны к нарушениям закона, допущенным мигрантами. За совершением правонарушений должна неизбежно следовать высыл-

ка из страны с последующим запретом на въезд. Лишь используя жесткие методы, можно бороться с преступностью в среде мигрантов, а также с лицами, имеющими нетрудовой доход. Конечно, для того, чтобы не допустить прибытие в нашу страну мигрантов, имевших судимость, подверженных алкогольной и наркотической зависимости, а также склонных к антиобщественным деяниям, требуется усиление контроля со стороны правоохранительных органов, а также осуществления дополнительных медицинских проверок.

Властные структуры должны быть также озабочены проблемой формирования социального поля, в котором адаптация мигрантов в принявшее их общество, проходила бы наименее болезненно. Но в то же время требуется внесение изменений в существующее миграционное законодательство, а также осуществление контроля за соблюдением норм, ограничивающих миграционные потоки и постоянный надзор за деятельностью таможенной и пограничных служб, федеральной миграционной службы, полиции и ряда других ведомств, так или иначе связанных с данной проблемой.

Проблема миграции и интеграции переселенцев в новую для них социальную реальность является неоднозначной. Возникает вопрос, так ли необходима культурная ассимиляция в принимающее общество, или же мигрант способен быть равнозначным участником социального процесса, сохраняя при этом все свои национальные особенности?

В этом плане наиболее проработанной, на наш взгляд, является теория аккультурации, предусматривающая четыре процесса: интеграцию, ассимиляцию, сегрегацию, или распределение, и маргинализацию, или ухудшение. Необходимо также подчеркнуть, что для полноценного вхождения в новое общество мигранты должны положительно воспринимать чуждую для них культуру и быть готовыми усваивать ее нормы, т.е. интегрироваться в окружающую социальную реальность. Однако ассимиляция не является лучшим путем развития адаптивных процессов, ведь в этом случае этническая общность теряет свою целостность и организованность. И наиболее неблагоприятным вариантом развития ситуации является сегрегация и маргинализация мигрантов, потому что все это приводит к отчуждению переселенцев, замыканию в своей узкой среде и в результате к росту этнической преступности.

Необходимо дополнить, что государству, а также формирующемуся в России гражданскому обществу следует пресекать проявления национальной нетерпимости, а также ущемление прав мигрантов на национальной почве, поскольку это может повлечь крайне неприятные осложнения для страны и существующего социального порядка. Пренебрежительное отношение к мигрантам будет неизменно вызывать ответную реакцию, проявляющуюся в развитие озлобленности, и отчуждение мигрантов от принявшего их общества, а будет препятствовать их адаптации к новым условиям и, как следствие, дестабилизировать общество. К тому же обособление приезжих от остального общества неизбежно влечет за собой формирование национальных анклавов, по сути «гетто», где царят специфические порядки и особый социальный уклад. Такие образования, как правило, пронизаны преступностью и являются очагами, распространяющими экстремистские воззрения и сепаратизм, маргинализируя при это все сообщество.

Пожалуй, главное, в чем и сегодня продолжают обвинять мигрантов – это их исключительная склонность к совершению противоправных действий. Между тем в данном случае можно говорить прежде всего о некомпетентности российских правоохранительных структур, об их низкой профессиональной квалификации и высоком уровне коррумпированности. Сотрудники полиции успешно создают иллюзию непонимания того факта, что поборы, преследования и рэкет вынуждают переселенцев прибегать к этнической солидарности в первую очередь для самозащиты, игнорируя тот факт, что в нормальных социально-экономических условиях большинство приезжих не нуждаются в этнической клановости.

Несомненно весомым аргументом в пользу ужесточения российской миграционной политики также стали многочисленные террористические акты. Борьба с незаконной миграцией, выражающаяся преимущественно в проведении так называемых «чисток», стала «коньком» руководителей многих министерств и ведомств, парламентских деятелей, представителей прессы и экспертов. При этом не принимается во внимание, что инициаторами и исполнителями терактов становятся преимущественно российские граждане из числа жителей кавказских республик либо Татарстана или Башкирии, а не мигранты из других стран.

Государственная миграционная политика в России, такая, которая полностью соответствовала бы интересам страны и ее жителей, до сих пор находится в процессе разработки, причем в зачаточной стадии. Реализуемая сегодня стратегия в основном базируется на неквалифицированных оценках, мифах и бытовых фобиях и совершенно не отвечает потребностям государства, имея ярко выраженный полицейско-ограничительный характер. Эти последние характеристики имеют тенденцию к усилению, причем в тот период, когда миграционная политика, наоборот, должна организовать рациональное регулирование иммиграции в Россию, особенно из стран бывшего СССР. Государство, настроенное на обновление и проведение конструктивных реформ во всех сферах жизни, должно инициировать принципиально новую программу миграционной политики, включающую меры по интеграции мигрантов в новую среду, а также возможности грамотного использования этого ресурса для развития страны – и в демографическом плане, и с учетом получения дополнительной рабочей силы.

Учитывая территориальные масштабы России, численность, структуру и размещение ее населения, без притока переселенцев дальнейшее развитие страны маловероятно, а значит, невозможно и улучшение уровня жизни. Очевидно, что позиция политиков и экспертов, не видящих этой взаимосвязи и пропагандирующих антииммигрантские настроения, является тупиковой.

Препятствия, с которыми приходится сталкиваться в России мигрантам из СНГ, □ длительные и весьма запутанные бюрократические процедуры, излишне жесткие требования к получению гражданства, различные ограничения при получении регистрации на новом месте жительства, полицейский и чиновничий произвол □ приводят к тому, что переселенческие потоки в результате переориентируются на другие страны, например, в Турцию, или же в государства Западной и Восточной Европы. Таким образом, Россия, нуждающаяся в данных человеческих ресурсах, теряет возможность их привлечения.

Иммиграционная политика, адекватная интересам современной России, должна быть направлена на формирование соответствующих условий для адаптации мигрантов в принимающем государстве. Нельзя забывать о том, что многие приезжие в дальнейшем станут постоянными жителями страны, а

значит, очень важно создать инструментарий и механизмы их институирования в этом статусе.

Некоторые эксперты полагают, что новый Закон о гражданстве во многом противоречит соблюдению национальных интересов России, несмотря на то, что в нем заявлены диаметрально противоположные задачи. Причина подобного несоответствия видится нам в том, что многие представители как правящих, так и научных структур, занимающиеся данной проблематикой, явно некомпетентны в том вопросе, ответственность за успешное разрешение которого возложена на них. Нечастые встречи руководства страны с профессиональными исследователями, занимающимися этническими и демографическими проблемами, не способны отрегулировать ситуацию до тех пор, пока многие политики остаются в плену глубочайших заблуждений на этот счет.

Что следует предпринять для нивелирования негативных последствий всеобщей борьбы против миграции? Вероятно, ответственным лицам нужно глубже изучать не только опасность, но и беспспорную пользу миграции, учитывать то, что удалось достигнуть именно благодаря мигрантам. Нельзя рассматривать миграцию только как источник рабочей силы, необходимо также уяснить, что в нынешней ситуации она является важным ресурсом для увеличения численности населения страны. Но во многих научных работах и в большинстве журналистских материалов по-прежнему упускается тот аспект, что переезд в Россию мигрантов с семьями, особенно с детьми, является не менее ценным приобретением, чем приезд бригады сезонных рабочих.

В новой миграционной стратегии важно учесть два направления, которые до настоящего времени игнорировались. Первое – это необходимость стимулирования миграции в Россию из-за рубежа и проведение соответствующей агитационной кампании, способствующей распространению информации о принимающей стране и правилах, действующих для потенциальных иммигрантов. Второе – проведение среди коренного населения эффективной работы, способствующей формированию отношения к мигрантам прежде всего как к полезным, но отличающимся по культурным характеристикам жителям страны. Очевидно, что процесс интеграции и адаптации должен быть взаимным. В том случае, если в дальнейшем Россия будет динамично раз-

виваться, в ближайшем будущем она сумеет стать главной иммиграционной державой в мире. Но этот процесс нуждается в тщательной подготовке.

Сегодня колоссальная дистанция, возникшая между проводимой российским государством миграционной политикой и собственно явлением миграции, провоцирует опасность возникновения значительных социальных и политических рисков. Подобная отстраненность от проблемы чревата активизацией политического экстремизма, что, в свою очередь, может привести к формированию inferнального восприятия как причин, так и характера миграционных процессов.

Согласно данным, приводимым разными исследователями, в октябре 2011 года количество проживавших в России незаконных мигрантов составляло от 3,5 до 15 млн человек. В это число входили граждане других государств либо лица без гражданства (имевшие просроченные визы, или же не зарегистрированы по месту настоящего пребывания), нелегально осуществлявшие трудовую или иную деятельность на территории Российской Федерации.

В своей миграционной стратегии нынешнее руководство России, начавшее реализовывать ее с начала 2000-х, основывается на следующих принципах:

1. Миграционные процессы в России имеют те же истоки, что в Европе и США.
2. Демографический кризис подчеркивает вопрос дефицита «рабочих рук», решение которого во многом зависит от притока переселенцев из стран СНГ.
3. Иммигранты не лишают коренное население рабочих мест, поскольку выполняют ту работу, на которую большинство местных жителей изначально не претендуют.
4. Многонациональность России способствует минимизации проблемы эрозии устоявшихся этнических пропорций.
5. Приезжие из государств СНГ являются для россиян своего рода «соотечественниками»: общее место рождения (СССР), знание русского языка, сходство менталитета, общие бытовые привычки и традиции, и т.д.

С сожалением приходится констатировать, что в настоящее время в нашей стране миграционные вопросы не дискутируются на компетентном политическом и экспертном уровне. Это означает, что

многие значимые нюансы не проходят проверку на практике. Попытки обсуждений в лучшем случае сводятся к разговорам об итогах миграционной стратегии, реализуемой в настоящее время российским руководством. Стандартный перечень подобных последствий выглядит следующим образом:

1. Колоссальная доминанта незаконной иммиграции над легальной. Постоянно увеличивающийся поток нелегальных мигрантов говорит о том, что российское государство утратило контроль над ситуацией, складывающейся в миграционной сфере, а значит, усугубляется вероятность угрозы национальной безопасности страны.

2. Создание мощного сегмента теневой экономики, контролируемого приезжими, что существенно ущемляет экономические интересы России.

3. Происходит заметное увеличение миграции, прежде всего нелегальной, из зарубежья. Во многих регионах России это, в свою очередь, стимулирует рост криминальной напряженности, создавая угрозу безопасности граждан и подрывая таким образом авторитет государства. При этом ряд этнических сообществ, активно используя ресурсы подконтрольных им экономических отраслей, стремятся получить статус центров силы, отчасти тождественных официальным государственным структурам, либо коррелируются с ними, тем самым усугубляя их коррумпированность.

4. В некоторых российских территориях неподконтрольность и неуправляемость миграционных процессов привела к возникновению этнически окрашенной социальной напряженности, порой заканчивающейся острыми конфликтами.

Несмотря на декларируемые начинания, можно с уверенностью утверждать, что в современной России нет целостной концепции государственной миграционной политики.

Подводя итоги данной статьи, отметим следующее:

Рост миграционных потоков на территорию Российской Федерации актуализировал потребность в разработке концепции государственной миграционной политики РФ, направленной на повышение эффективности управления миграционными процессами и оптимизацию интеграции мигрантов в российское общество. В качестве целей миграционной политики – содействие увеличению численности населения Российской Федерации, преодолению демографического спада и обеспечение потребностей отечественной экономики в трудовых ресурсах различной квалификации.

В связи с этим планируется постепенное увеличение контролируемого государством притока мигрантов на территорию Российской Федерации, что, по мнению разработчиков концепции, должно покрыть естественную убыль населения. Негативным моментом в данном случае является фактическое игнорирование проблем национальной безопасности, в первую очередь – предотвращения конфликтов на национальной почве, диффузии национальной идентичности, изменения этнического состава населения и анклавизации страны, что станет вполне предсказуемым результатом появления на территории российского государства многочисленных масс мигрантов, принадлежащих к иным в этническом и культурном отношении общностям.

Решение проблем миграции в контексте обеспечения безопасности российской государственности подразумевает реализацию таких мер в сфере государственной миграционной политики, которые минимизируют возможные негативные последствия, связанные с необходимостью привлечения в Россию иностранных мигрантов. В частности, необходимы такие меры, как ужесточение контроля за въездом в страну иностранных граждан с запретом на въезд нежелательных лиц; ужесточение контроля за проживанием, трудовой деятельностью и поведением мигрантов на территории Российской Федерации; создание условий для более быстрой и эффективной интеграции мигрантов в российский социум, включая культурно-просветительскую деятельность; привлечение мигрантов преимущественно из близких в культурном отношении государств (Украина, Беларусь, Прибалтика, страны Восточной и Южной Европы); создание условий для репатриации соотечественников, находящихся в эмиграции или оказавшихся за пределами РФ после распада Советского Союза. Реализация данного комплекса мер будет способствовать определенному совершенствованию миграционной политики страны и обеспечит должный уровень наполнения страны мигрантами при минимизации возможного ущерба от миграционных потоков.

Литература

1. Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. В.В. Рудого, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и др. Ростов-на-Дону, 2011.
2. Рязанцев С. Миграционные тренды и международная безопасность // Миграционные процессы. № 2 (26). Том 9. Май 2011.

Юридическому факультету Южного федерального университета 65 лет

Лях С.М.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Юридический факультет Южного Федерального Университета является одним из старейших на Северном Кавказе. Еще в 1862 г. в Варшаве было учреждено высшее учебное заведение под названием «Главная школа». В 1869 г. она была преобразована в Императорский Варшавский университет с четырьмя факультетами, среди которых был и юридический.

После начала Первой мировой войны и эвакуации университета из Варшавы 27 ноября 1915 года состоялось его торжественное открытие в г. Ростове-на-Дону, а 1 декабря 1915 года начались учебные занятия на всех четырех факультетах.

Достаточно скоро на юридическом факультете сложился сильный коллектив высококвалифицированных преподавателей, особенно выделялись такие ученые, как профессора Ф.Ф. Зигель (декан факультета, преподавал историю славянского законодательства), В.В. Есипов (уголовное право), П.В. Верховской (церковное право), В.А. Гаген (полицейское право), А.А. Вилков (финансовое право) и др. В 1917 г. к ним присоединяется в Ростове профессор А.А. Алексеев (государственное право), Т.М. Яблочков (гражданское судопроизводство), Г.М. Колоножников (гражданское право), в 1920 г. – профессор А.М. Ладыженский, С.И. Живаго, А.В. Соловьев.

Юристов готовили преподаватели «старого мира». В марте 1922 г. В.И. Ленин писал, что «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, возвращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [1, с. 52].

Нехватка марксистских профессорских кадров была причиной проведения концентрации юридических вузов в университетах – Московском, Ленинградском и некоторых других вузах с одновременным закрытием вузов, готовящих юристов.

В 1924 г. правовое отделение факультета общественных наук Ростовского университета в связи с общей ситуацией с высшим юридическим образованием в стране было закрыто.

6 октября 1946 г. министр образования СССР С.В. Кафтанов представил А.А. Жданову докладную записку «О состоянии высшего юридического образования» [2], где указал на то, что выпускники вузов не покрывают потребности органов юстиции, суда и прокуратуры в специалистах-юристах, что значительное число работников этих органов не имеют юридического образования. Так, из числа работников Верховных судов союзных республик лишь 52,5 % имеют высшее юридическое образование, из членов областных (краевых) судов – 24,3 %, из народных судей – 8,4 %. Аналогичная ситуация имела место и в прокуратуре.

11 апреля 1947 г. был издан приказ министра высшего образования СССР № 283, согласно которому в Ростовском государственном университете им. В.М. Молотова открывался с 1 сентября того же года юридический факультет. С этой даты начинается современная история юридического факультета ЮФУ после его воссоздания в рамках РГУ.

Первым деканом факультета был назначен М.А. Тарасов, на факультете начали работать профессора Д.М. Каушанский и Г.М. Колоножников, Н.Н. Паше-Озерский, А.М. Ладыженский, пришед-

шие с практической работы П.Т. Некипелов, И.И. Малхазов.

Среди наиболее успевающих студентов юридического факультета первых лет были Е.М. Аكوпова (впоследствии ставшая профессором, доктором юридических наук, заведующей кафедрой трудового права РГУ), И.С. Вишневская (ставшая профессором кафедры гражданского права РГУ), В.В. Кульчихин (долгие годы работавший в органах государственной безопасности и впоследствии доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики), П.П. Баранов (в последующем видный сотрудник прокуратуры Ростовской области).

В 50-е годы преподавательский состав факультета стал пополняться своими выпускниками, а также молодыми преподавателями, защитившими кандидатские диссертации вскоре после начала своей карьеры на факультете: К.Г. Федоровым, И.Ф. Рябко, Н.М. Минасяном, Б.Н. Габричидзе, М.Н. Кулажниковым, Е.И. Филипповым, Е.М. Аكوповой, А.Т. Гужинным, Н.Н. Сазоновым.

В 60-70 – е годы на факультете трудились многие известные российские ученые: К.М. Коркмасова, Э.В. Лисневский, Б.Я. Токарев, А.А. Пушкаренко, Ф.К. Голомидов, В.А. Ржевский, ставший впоследствии основателем признанной в России ростовской школы конституционного права.

Самой многочисленной была кафедра гражданского права и процесса. Она пополнилась выпускниками юрфака: Г.М. Каратыш, Л.А. Карпович, С.М. Дудниковым, И.А. Андриановым, И.С. Вишневской, Л.Н. Кравцовой, В.Н. Гапеевым, Е.И. Дулимовым, С.А. Зинченко, А.А. Григоровым. Кафедра уголовного права и процесса пополнилась выпускниками факультета Б.Н. Звонковым, В.Г. Беляевым, Е.И. Демидовым, Ю.Н. Лукиным, практическими работниками В.А. Стрёмовским, В.П. Нажимовым.

В 80-90-е годы на юридический факультет пришел В.Я. Любашиц, ставший заведующим кафедрой теории и истории государства и права, К.П. Краковский – известный ученый историк, исследовавший историю высшей правовой школы Варшавского, затем Донского и Ростовского государственного университета на протяжении двух веков.

Кафедра государственного и международного права приняла в свой состав Л.А. Симоняна, Н.С. Бондаря, Ж.И. Овсебян, кафедра гражданского пра-

ва В.Е. Стрегло, И.В. Бакаеву, А.А. Лукьянцева, В.А. Лапача, И.П. Зиновьева.

Новые сотрудники появились и на кафедре криминалистического цикла Н.Г. Шимбарева, Е.Г. Щербакова, Ю.А. Ляхов, С.С. Цыганенко, Н.Н. Апостолова.

В настоящее время кадровый состав штатных преподавателей факультета насчитывает 96 человек, из них 86,5 % имеют ученую степень и ученое звание. Среди них 17 докторов юридических наук: Н.Н. Апостолова, Н.С. Бондарь, С.А. Воронцов, Л.И. Волова, И.А. Иванников, А.А. Лукьянцев, Ю.А. Ляхов, В.Я. Любашиц, Д.А. Корецкий, Ю.А. Колесников, Г.А. Мисник, Ж.И. Овсебян, С.С. Цыганенко и др.

Образовательный процесс осуществляется 8 кафедрами: теории и истории государства и права; государственного (конституционного) права; муниципального права и природоохранного законодательства; международного права; гражданского права; гражданского процессуального и трудового права; уголовного права и криминологии; уголовного процесса и криминалистики.

На факультете удачно сочетаются молодость и опыт. Штатными сотрудниками стали молодые ученые: Н.В. Джагарян, А.М. Разогреева, А.С. Серегин, Е.А. Степанова, К.В. Степанов, Т.С. Яценко.

В настоящее время на юридическом факультете осуществляется подготовка специалистов по специальности «Юриспруденция» по четырем специализациям: государственно-правовой; гражданско-правовой; уголовно-правовой; международно-правовой, а также бакалавров по трем направлениям: государственно-правовой; гражданско-правовой; уголовно-правовой.

С переходом к многоуровневой системе образования факультет стал готовить магистров по направлению «Юриспруденция» по следующим программам:

- Предпринимательское право. Международное частное право (бизнес-юрист);
- Государственная власть и человек (гражданин) в конституционной, административной и финансово-налоговой системах России;
- Муниципальное право и управление;
- Эффективная правовая политика и институты гражданского общества;
- Теория и практика международного права;
- Судебная власть;

- Уголовная юстиция;
- Ювенальная юстиция.

Профессорско-преподавательский состав факультета принимает активное участие в научно-исследовательской работе.

Высокий интеллектуальный потенциал коллектива факультета позволил разработать комплексные научные направления, имеющие федеральное и региональное значение. Так, сотрудники факультета ведут научные исследования в рамках общего научного направления «Конституционные основы осуществления безопасности, прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». Каждая кафедра в рамках данной проблематики выполняет научные исследования в пределах своей специализации:

- кафедра уголовного процесса и криминалистики – по проблеме «Судебная власть и уголовное судопроизводство»;
- кафедра уголовного права и криминологии – «Уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина. Обеспечение национальной безопасности средствами уголовного права в условиях глобализации мирового сообщества»; «Криминальная ювенология: уголовно-правовая, уголовно-исполнительная, криминологическая исследовательская перспектива»;
- кафедра муниципального права и природоохранного законодательства – «Общетеоретические (фундаментальные) проблемы государственного и муниципального права»;
- кафедра гражданского права – «Проблемы частноправового регулирования обязательств и способы их обеспечения»;
- кафедра гражданского процессуального и трудового права – «Защита субъективных гражданских прав и законных интересов граждан и организаций. Проблемы межотраслевых связей трудового права»;
- кафедра государственного (конституционного) права – «Развитие систем конституционного, административного и финансового права как отраслей российского права»;
- кафедра международного права – «Актуальные проблемы международного права. Актуальные проблемы международного

частного права. Международное экономическое право. Международное процессуальное право»;

- кафедра теории и истории государства и права – «Анализ становления и развития государственно-правовых институтов: проблемы теории и истории».

Тематика научных исследований полностью соответствует современным тенденциям развития российского государства и права, правоприменительной практике, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

За последние десятилетия ученые юридического факультета опубликовали в зарубежных изданиях, в центральной и местной печати более 4 тысяч работ, в том числе более 200 монографий и крупных учебных пособий, защитили более 30 докторских и 100 кандидатских диссертаций. Ежегодно преподаватели факультета становятся лауреатами Всероссийского конкурса «Лучшая научная книга». Так, в 2011 г. дипломами лауреатов были награждены профессор В.Я. Любашиц за учебник «Теория государства и права», доцент Н.В. Джагарян за монографию «Муниципальные институты представительной демократии». В 2012 г. Н.В. Джагарян снова стала лауреатом конкурса за монографию «Конституционно-правовые основы финансово-экономического обеспечения местного самоуправления в России: теория, практика и тенденции развития».

Традиционным стало проведение на юридическом факультете международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций.

За последнее десятилетие на факультете было подготовлено более 3000 юристов-специалистов.

Отзывы потребителей об уровне профессиональной подготовки специалистов, окончивших юридический факультет ЮФУ, свидетельствуют о высоком качестве специалистов, их фундаментальной и всесторонней теоретической подготовке, а также готовности к самостоятельной практической деятельности.

Профессиональное продвижение выпускников можно охарактеризовать как весьма успешное. Достаточно указать фамилии выпускников: М.В. Баглай – экс-председатель Конституционного Суда РФ; Н.С. Бондарь и Н.В. Мельников – судьи Конституционного Суда РФ; В.Н. Ткачев – предсе-

датель Ростовского областного суда, П.П. Баранов – бывший начальник РЮИ МВД РФ; Д.П. Баранов – президент адвокатской Палаты Ростовской области; Н.В. Федоренко – бывший председатель Арбитражного Суда Ростовской области; Д.А. Корецкий – профессор, доктор юридических наук, член Союза российских писателей; А.З. Анкваб – президент Республики Абхазия; С.Г. Кехлеров – заместитель Генерального Прокурора России; Д.Ю. Шапсугов – директор Южного филиала Института государства и права Российской академии наук, директор центра правовых исследований Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Ю.В. Попов – руководитель Следственного управления Следственного комитета РФ по Ростовской области; А.Н. Бондарь – заместитель Председателя Арбитражного суда г. Москвы; Н.Н.

Мисник – заместитель председателя Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда.

На базе юридического факультета ЮФУ создан учебно-методический совет по юридическому образованию ЮФО.

Более десяти лет на факультете функционирует диссертационный совет.

Будущее факультет видит в дальнейшем усилении интеграции науки, учебного процесса и правоприменительной практики, в решении задач подготовки квалифицированных работников для правоохранительных, судебных, государственных и муниципальных органов.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 149. Л. 52–58.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Овчинников А.И.,

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.М. ВЕЛИЧКО «СВЯЩЕННАЯ ИМПЕРИЯ И СВЯТОЙ ИМПЕРАТОР (ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ) МОСКВА: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРЛИТИНФОРМ. 2012. 158 с.

Современная российская государственность претерпевает очередной этап модернизации. Приоритеты политического и правового развития страны на протяжении последних двадцати лет обусловлены либеральным проектом государственного строительства, предусматривающим радикальные реформаторские меры без учета самобытности отечественной политической и правовой культуры, истории российского государства и специфики его современного состояния, несмотря на то, что общественно-политическое развитие России протекает в крайне сложных геополитических и геоэкономических условиях, порождающих ряд противоречий в программе реформ и политике верховной власти. При этом большое количество ошибок и просчетов, допущенных в ходе постсоветского реформирования и модернизации, более того, тупиковость и катастрофичность выбранного курса государственно-правового развития, осознанно или нет осуществляющегося по сценарию глобалистских политехнологов, превращающих методично и последовательно Россию в сырьевой придаток постиндустриальных стран, меньше волнует современных правоведов и государствоведов, нежели проблемы разграничения юридических понятий или абстрактных рассуждений о «пути к правовому государству». Впрочем это не удивительно, на смену идеологическому «пленению» философии и теории государства и права в «застенках» марксизма пришло «пленение» либерально-доктринерское: обе общественно-политические парадигмы основаны

на общих эпистемологических допущениях, прежде всего, эконоцентризме и материализме. И лишь небольшая группа исследователей еще с 90-х годов прошлого столетия пытается прорвать косность и схематизм исследовательских установок, доставшихся современному правоведению в наследство от советской эпохи, и предлагает взглянуть на проблемы государственного строительства, понимания права, правовой политики, правовой системы, идеи права и государства, их исторического генезиса с иных, более адекватных задачам современной науки позиций. Среди этих авторов особое место занимает А.М. Величко, один из первых постсоветских теоретиков и историков права и государства, указавших на ошибочность выбранного курса вестернизации и радикальной либерализации в строительстве посткоммунистической России, обративший внимание многих исследователей на необходимость преемственности в развитии и реформировании страны, на духовно-нравственные основы государства и права, на цивилизационную идентичность России, ее социокультурную самобытность. Тем самым автор продолжил прерванную большевиками традицию русской консервативной философии права и государства.

Эта традиция дореволюционной философии и теории права отличалась от западной тем, что русские правоведы использовали достижения современной им социальной философии, методологии и философии науки для поиска и обоснования правового идеала, выявления социокультурных основа-

ний понимания права и государства в русской истории, традиции, цивилизации. Именно такой подход позволяет учитывать в понятии права духовные, нравственные, мировоззренческие ценности, идеалы и представления, что необходимо не только для выявления культурно-исторических особенностей развития отечественной государственности и правовой системы, для адекватной оценки стремления реформаторов (прошлого и настоящего) к глубинным цивилизационным переменам (смене ценностей, идеалов и т.п.) в России, но и для ответа на вопрос об общественном идеале в целом.

Право и государство в трудах А.М. Величко, как и в работах наиболее выдающихся русских правоведов: И.А. Ильина, Н.Н. Алексеева, П.И. Новгородцева, К.П. Победоносцева, А.С. Яценко, Е.Н. Трубецкого, Л.А. Тихомирова и многих других, - мыслится в неразрывном единстве с духовно-нравственными ценностями, правосознанием, общественным идеалом русского народа, православной верой. Во времена господства марксистской идеологической доктрины произошел переход в отечественной науке: от традиционного для русской правовой мысли целостного восприятия политики, права, нравственности и веры к позитивистскому отрицанию вопросов об абсолютных ценностях в праве, о его высшем смысле и назначении. Поэтому именно к традиционным для русского правоведения, на мой взгляд, следует отнести труды А.М. Величко, пытающегося преодолеть ограниченность позитивистского подхода с помощью сочетания феноменальной исторической эрудиции, философского и теоретического анализа с учетом различных теоретико-правовых и социально-философских концепций. Признание плюралистичности юридического мировоззрения, фиксация фундаментальной роли культурно-исторических традиций в развитии правовой системы, осознание самобытности русской правовой культуры, выделение и обоснование духовно-нравственных, социокультурных факторов правопонимания и правового мышления прослеживается во всех его государственно-правовых исследованиях*.

* Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999; Величко А.М. Философия русской государственности. СПб., 2001; Православная государственность: 12 писем об Империи: Сб.ст. / Под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб., 2003 и мн.др.

Его взгляд на методологию права и правового мышления можно назвать социокультурной парадигмой, так как в этом случае подчеркивается ее главный образец решения научных «головоломок», выражаясь терминологией Т. Куна. Этот образец заключается в признании социокультурного фактора в качестве если не ключевого, то одного из ключевых и в процессах познания права, являющихся скорее его осмыслением, а не естественнонаучным отражением, и в стандартах научной, теоретико-правовой рациональности. Последнее получает свое воплощение в переориентации правовой проблематики с изучения логико-методологических проблем на исследование смысло-жизненных, ментальных, мировоззренческих основ правовой жизни общества. Признание кризиса западного рационального типа правосознания и поиск выхода из методологического тупика позитивизма происходит через возврат на позиции ценностной рациональности посредством создания и обоснования новых моделей правовой жизни общества, гармонично встроенных в нравственно-идеологический и социокультурный контекст. Поэтому автор через изучение глубинных оснований отечественного государства и права, идущих от Византии, пытается еще раз обратить внимание на то, что российская правовая система представляет собой самобытный, уникальный, сложный государственно-правовой универсум, единство и целостность которого поддерживается благодаря православной вере. Реформировать его следует с осторожностью пластического хирурга, так как любые юридические новеллы будут восприняты русским народом по-своему, в своеобразном цивилизационном контексте понимания.

Отдельного внимания заслуживают византологические труды А.М. Величко, получившего благодаря им мировое признание. Мало кто из современных отечественных правоведов известен зарубежным исследователям. Однако пятитомный труд А.М. Величко «История византийских императоров» стал еще одним шедевром мирового наследия византистики. Его сочинение раскрывает события царствования всех монархических династий Священной Римской (Византийской) империи от св. Константина Великого до падения Константинополя в 1453 году. Это первое комплексное исследование, в котором исторические события из политической жизни Византийского государства изображены в органической взаимосвязи с жизнью

древней Церкви и личностью конкретных царей. Трудно прочитать данное исследование и не признать, что самым выдающимся и блистательным государством в истории мира была Византия, а ее организация верховной власти - православная империя, всегда будет не только наилучшим из всех общественных идеалов, но и, наверное, единственно верным.

Исходя из современных процессов, протекающих в мировой политике, из судеб Ирака, Югославии, Ливии можно сделать вполне определенный вывод: будущее России зависит от того, насколько быстро она может вернуть себе статус сверхдержавы. Поэтому выживание России в современном мире возможно лишь на основе имперской идеи, и одной из базовых ценностей отечественной государственности является идея империи, т.е. государства,

обладающего абсолютным внутренним и внешним суверенитетом. Необходимо лишь избавиться от негативного оттенка термина «империя», который был приобретен в годы советской пропаганды, обличавшей мировой империализм как антитезу мировому пролетариату. Все крупные игроки на мировой арене - США, Евросоюз, Китай не скрывают своих имперских притязаний на сверхдержавный статус. Империя – вполне закономерный итог позитивного развития «здоровой» государственности. Способность стать империей – показатель успешности государственно-правового проектирования, ориентир, критерий и цель развития государства. Поэтому для государственности России, ее будущего, ее правовой политики исследования А.М. Величко являются доктринальными.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Аверина Виктория Николаевна – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тел. 89045011616.

Averina Viktoriya Nikolaevna – a post-graduate of the department of civil and entrepreneurial law of law faculty of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation.

Tel.: 8 904 501 16 16.

Кравцов Николай Александрович – доцент кафедры теории и истории юридического факультета Южного Федерального университета, кандидат юридических наук. Тел. 88632557018.

Kravtsov Nikolai Aleksandrovich – assistant professor of the department of the theory and history of law faculty of the Southern Federal University. Candidate of law. Tel.: 88632557018.

Куликова Людмила Владимировна – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Тел. 89182511140.

Kulikova Ludmila Vladimirovna – a post-graduate of the department of the civil and entrepreneurial law of law faculty of the South-Russian Institute-branch of Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation. Tel.: 89182511140.

Лях Светлана Михайловна – декан юридического факультета Южного Федерального университета, доцент, кандидат юридических наук.

Тел. 88632403610.

Lyach Svetlana Mikhaylovna – dean of law faculty of Southern Federal University, assistant professor. Candidate of law. Tel.: 88632403610.

Мисник Галина Анатольевна – заведующая кафедрой земельного и экологического права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, доктор юридических наук. Тел. 89281809467.

Misnik Galina Anatolievna – the head of the department of the land and ecological law of law faculty of the South-Russian Institute-branch of Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. Tel.: 89281809467.

Мотылькова Алиса Вадимовна – аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тел. 89081838771.

Motylkova Alica Vadimovna – a post-graduate of the department of civil and entrepreneurial law of law faculty of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation.

Tel.: 89081838771.

НебрATENKO Геннадий Геннадьевич – профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук. Тел. 88632407054.

Nebratenko Gennady Gennadievich – professor of the department of the theory and history of law and state of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation. Doctor of history. Tel.: 88632407054.

Овчинников Алексей Игоревич – профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Южно-Российского института-

филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук.

Тел. 2-78-61-03.

Ovchinnikov Aleksei Igorevich – professor of the department of the theory and history of law and state of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation. Doctor of history. Tel.: 2-78-61-03.

Пащенко Елена Анатольевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук. Тел. 88632036239.

Pashenko Elena Anatolievna – assistant professor of the department of criminal law of the law faculty of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation. Candidate of law. Tel.: 88632036239.

Рябченко Полина Сергеевна – аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тел. 2-03-63-10.

Ryabchenko Polina Sergeevna – a post-graduate of the department of constitutional and municipal law of the law faculty of the South-Russian Institute-branch of Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation. Tel.: 2-03-63-10.

Сулейманова Галия Валиахметовна – доцент кафедры земельного и экологического права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Тел. 89286012146.

Suleymanova Galiya Valiachmetovna – assistant professor of the department of the land and ecological law of law faculty of the South-Russian Institute-

branch of Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation. Candidate of law. Tel.: 89286012146.

Тарасова Анна Евгеньевна – доцент кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Тел. 88632036403.

Tarasova Anna Evgenievna – assistant professor of the department of civil and entrepreneurial law of law faculty of the South-Russian Institute-branch of Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation. Candidate of law. Tel.: 88632036403.

Тремба Вадим Александрович – аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Начальник отдела международных связей.

Тел. 89287787777.

Тремба Вадим Александрович – a post-graduate of the department of the politology and ethnopolity of the South-Russian Institute-branch of the of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation.

Tel.: 89287787777.

Уварова Галина Геннадьевна – доцент кафедры экономики, финансов и природопользования Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Тел. 88632559826.

Uvarova Galina Gennadievna – assistant professor of the department of the economy, finances and use of nature of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation. Tel.: 88632559826.

Хачанян Сергей Валерьевич – аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Южно-Российского института-

филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тел. 2-69-62-10.

Hachanjan Sergey Valerievich – a post-graduate of the department of the constitutional and municipal law of law faculty of the South-Russian Institute-branch of the Russian academy of economy and public administration under the President of the Russian Federation. Tel.: 2-69-62-10.

Шатковская Татьяна Владимировна – профессор кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук. Тел. 88632407054.

Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna – professor of the department of the theory and history of law and state of law faculty of the South-Russian Institute-branch of the Presidential academy of economy and public administration. Doctor of history. Tel.: 88632407054.

***СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК***

2012, № 3

Сдано в набор 04.09.2012. Подписано в печать 11.09.2012.
Гарнитура Таймс. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.
Бумага офсетная № 1. Тираж 250 экз.
Заказ № 960.

Южно-Российский институт-филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

Отпечатано в типографии «Альтаир»
г. Ростов-на-Дону, пер. Ахтарский, 6.
Телефон: (863) 234-19-67.